Да здравствуетъ Народная Воля!

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

№ I

PARIS
1907.

„Пров 49“

224946

Документы по исторіи партіи „Народной Воли".

I.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА. *)

19-го ноября сего года, подъ Москвою, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, по постановленію Исполнительнаго Комитета, произведено было покушеніе на жизнь Александра II, посредствомъ взрыва царскаго поѣзда. Попытка не удалась. Причины ошибки и неудачи мы не находимъ удобнымъ публиковать въ настоящее время.

Мы увѣрены, что наши агенты и вся наша партія не будутъ обезкуражены неудачей, а почерпнутъ изъ настоящаго случая только новую опытность, урокъ осмотрительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ новую увѣренность въ свои силы и въ возможность успѣшной борьбы.

Обращаясь ко всѣмъ честнымъ русскимъ гражданамъ, кому дорога свобода, кому святы народная воля и народные интересы, мы еще разъ выставляемъ на видъ, что Александръ II является олицетвореніемъ деспотизма лицемѣрнаго, трусливо-кровожаднаго и всерастлѣвающаго. Царствованіе Александра II съ начала до конца — ложь, гдѣ пресловутое освобожденіе крестьянъ кончается Маковскимъ циркуляромъ, а разныя правды, милости и свободы — военной диктатурой и висѣлицами. Съ начала до конца оно посвятило упроченію враждебныхъ народу классовъ, уничтоженію всего, чѣмъ жилъ и хочетъ жить народъ. Никогда воля народа не попиралась болѣе пренебрежительно. Всѣми мѣрами, всѣми силами это царствованіе поддерживало каждаго, кто грабитъ и угнетаетъ народъ, и въ то-же время повсюду въ Россіи систематически искореняется все честное, преданное народу. Нѣтъ деревушки, которая не

*) Отъ Ред. Это была первая прокламація выпущенная Исп. Комитетомъ по поводу попытки цареубійства 19 ноября 1879 г.

насчитывала-бы нѣсколько мучениковъ, сосланныхъ въ Сибирь за отстаиваніе мірскихъ интересовъ, за протестъ противъ администраціи и кулачества. Въ интеллигенціи — десятки тысячъ человѣкъ нескончаемой вереницей тянутся въ ссылку, въ Сибирь, на каторгу исключительно за служеніе народу, за духъ свободы, за болѣе высокій уровень гражданскаго развитія. Этотъ гибельный процессъ истребленія всѣхъ несависимыхъ гражданскихъ элементовъ упрощается, наконецъ, до висѣлицы.

Александръ II — главный представитель узурпаціи народнаго самодержавія, главный столпъ реакціи, главный виновникъ судебныхъ убійствъ; 14 казней тяготѣютъ на его совѣсти, сотни замученныхъ и тысячи страдальцевъ вопіютъ объ отомщеніи. Онъ заслуживаетъ смертной казни за всю кровь имъ пролитую, за всѣ муки, имъ созданныя.

Онъ заслуживаетъ смертной казни. Но не съ нимъ однимъ мы имѣемъ дѣло. Наша цѣль — народная воля, народное благо. Наша задача — освободить народъ и сдѣлать его верховнымъ распорядителемъ своихъ судебъ. Если бы Александръ II созналъ, какое страшное зло онъ причиняетъ Россіи, какъ несправедливо и преступно созданное имъ угнетеніе, и, отказавшись отъ власти, передалъ ее Всенародному Учредительному Собранію, избранному свободно посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, снабженному инструкціями избирателей, — тогда только мы оставили бы въ покоѣ Александра II и простили бы ему всѣ его преступленія.

А до тѣхъ поръ — борьба! Борьба непримиримая! Пока въ насъ есть хоть капля крови, пока на развалинахъ самодержавнаго деспотизма не разовьется знамя народной свободы, пока народная воля не сдѣлается закономъ русской жизни.

Мы обращаемся ко всѣмъ русскимъ гражданамъ съ просьбой поддержать нашу партію въ этой борьбѣ. Нелегко выдержать напоръ всѣхъ силъ правительства. Неудачная попытка 19-го ноября представляетъ небольшой образчикъ тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжены даже отдѣльные, сравнительно незначительные эпизоды борьбы. Для того, чтобы сломить деспотизмъ и возвратить народу его права и власть, намъ нужна общая поддержка. Мы требуемъ и ждемъ ее отъ Россіи.

С.-Петербургъ, 22 ноября 1879 г.

Петербургская Вольная типографія.

II.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА.

По постановленію Исполнительнаго Комитета 5 февраля въ 6 ч. 22 м. вечера совершено новое покушеніе на жизнь Александра Вѣшателя посредствомъ взрыва въ зимнемъ дворцѣ. Зарядъ былъ разсчитанъ вѣрно, но царь опоздалъ на этотъ разъ къ обѣду на полчаса и взрывъ засталъ его на пути въ столовую. Такимъ образомъ, къ несчастью родины, царь уцѣлѣлъ.

Съ глубокимъ прискорбіемъ смотримъ мы на погибель несчастныхъ солдатъ царскаго караула, этихъ подневольныхъ хранителей вѣнчаннаго злодѣя. Но... пока армія будетъ оплотомъ царскаго произвола, пока она не поймётъ, что въ интересахъ родины ея священный долгъ стать за народъ противъ царя, — такія трагическія столкновенія неизбѣжны.

Еще разъ напоминаемъ всей Россіи, что мы начали вооруженную борьбу, будучи вынуждены къ этому самимъ правительствомъ, его тираническимъ и насильственнымъ подавленіемъ всякой дѣятельности, направленной къ народному благу. Правительство само становится преградой на пути свободнаго развитія народной жизни. Оно само становитъ каждаго честнаго человѣка въ необходимость или отказаться отъ всякой мысли служить народу, или вступить въ борьбу на смерть съ представителями современнаго государства.

Объявляемъ еще разъ Александру II, что эту борьбу мы будемъ вести до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ своей власти въ пользу народа, пока онъ не предоставитъ общественное переустройство Всенародному Учредительному Собранію, составленному свободно, снабженному инструкціями отъ избирателей. А пока первый шагъ въ дѣлѣ освобожденія родины по прежнему стоитъ задачей передъ нами и мы разрѣшимъ ее во что бы то ни стало

Призываемъ всѣхъ русскихъ гражданъ помочь намъ въ этой борьбѣ противъ безсмысленнаго и безчеловѣчнаго произвола, подъ давленіемъ котораго погибаютъ всѣ лучшія силы отечества.

Исп. Ком. 1880 г. 7 февр. Летуч. тип. Нар. Воли.

III.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА.

Сегодня 1-го марта 1881 года, согласно постановленію Исполнительнаго Комитета отъ 26 августа 1879 г., приведена въ исполненіе казнь Александра II двумя агентами Исп. Ком. Имена этихъ мужественныхъ исполнителей революціоннаго правосудія Исп. Ком. пока не считаетъ возможнымъ опубликовать.

Два года усилій и тяжелыхъ жертвъ увѣнчались успѣхомъ. Отнынѣ вся Россія можетъ убѣдиться, что настойчивое и упорное веденіе борьбы способно сломить даже вѣковой деспотизмъ Романовыхъ.

Исп. Ком. считаетъ необходимымъ снова напомнить во всеуслышаніе, что онъ неоднократно предостерегалъ умершаго тирана, неоднократно увѣщевалъ его — покончить свое человѣкоубійственное самоуправство и возвратить Россіи ея естественныя права. Всѣмъ извѣстно, что тиранъ не обратилъ вниманія на всѣ предостереженія, продолжая прежнюю политику. Онъ не могъ даже воздержаться отъ казней, даже такихъ возмутительно несправедливыхъ, какъ казнь Квятковскаго. Репрессаліи продолжаются. Исп. Ком., все время не выпуская оружія изъ рукъ, постановилъ — привести казнь надъ деспотомъ въ исполненіе во что бы то ни стало. 1-го марта это было исполнено.

Обращаемся къ вновь воцарившемуся Александру III съ напоминаніемъ, что историческая справедливость существуетъ и для него, какъ для всѣхъ. Россія, истомленная голодомъ, измученная самоуправствомъ администраціи, постоянно теряющая силы сыновъ своихъ на висѣлицахъ, на каторгѣ, въ ссылкахъ, въ томительномъ бездѣйствіи, вынужденномъ существующимъ режимомъ, Россія не можетъ жить такъ далѣе. Она требуетъ простора, она должна возродиться согласно своимъ потребностямъ, своимъ желаніямъ, своей волѣ. Напоминаемъ Александру III, что всякій насилователь Воли Народа, есть народный врагъ

и тиранъ. Смерть Александра II-го показала, какого возмездія достойна такая роль.

Исп. Ком. обращается къ мужеству и патріотизму русскихъ гражданъ съ просьбой о поддержкѣ, если Александръ III вынудитъ революціонеровъ вести борьбу съ нимъ.

Только широкая самодѣятельность народа, только активная борьба всѣхъ честныхъ гражданъ противъ деспотизма, можетъ вывесть Россію на путь свободнаго и самостоятельнаго развитія.

Исп. Ком., 1 марта 1881 года.

Типографія „Народной Воли“. 2 марта 1881 г.

IV.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА ОФИЦЕРАМЪ РУССКОЙ АРМІИ.

Вликіе историческіе моменты, подобные переживаемому нами, всегда съ особенной силой ставятъ передъ каждымъ честнымъ человѣкомъ вопросъ: для чего онъ существуетъ на свѣтѣ—и чему онъ служитъ. Въ эти моменты не можетъ быть политически нейтральнаго человѣка, ибо самое бездѣйствіе уже составляетъ помощь либо той, либо другой сторонѣ. Въ эти моменты нельзя убаюкивать себя исполненіемъ служебнаго долга, ибо возникаетъ вопросъ, въ чемъ же состоитъ самый служебный долгъ.

Эти вопросы, обязательно являющіеся у каждаго человѣка, полны еще болѣе глубокаго значенія для васъ, офицеры русской арміи.

Предъ вами ихъ ставитъ вашъ исконный девизъ, завѣщанный вамъ столѣтіями геройскаго служенія родинѣ. Этотъ девизъ „слава и честь!“ Славу и честь русской арміи вы приняли въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ, и должны незапятнанно сдать въ руки потомкамъ. Можете ли вы, стало быть, не думать о томъ, чего требуетъ въ настоящее время отъ офицера его честь и къ чему призываетъ его слава? Составляетъ ли славу арміи охраненіе одряхлѣвшаго деспотизма, разоряющаго страну, развращающаго народъ и постепенно низводящаго Россію въ разрядъ второстепенныхъ державъ? Сохраняется ли честь арміи проливаніемъ крови своихъ согражданъ, возставшихъ противъ деспота за свободу и народныя права? Дозволительно ли офицеру быть простымъ наемникомъ, готовымъ за деньги поднимать оружіе противъ собственной родины, или же честь и слава ставятъ передъ нимъ святыя обязанности гражданина? Вотъ вопросы, которые сами встаютъ передъ вами, и вы обязаны рѣшить ихъ.

Вы обязаны рѣшить ихъ еще и потому, что армія фактически не можетъ оставаться нейтральною во время революціи.

Правительство пошлетъ васъ на усмиреніе возстанія, ваши возставшіе сограждане съ свой стороны потребуютъ

помощи у васъ, какъ у представителей народной обороны, обязанныхъ защищать родину отъ враговъ ея. Вы должны будете стать на ту или другую сторону. Для васъ нѣтъ другого выбора, какъ быть или съ народомъ, или противъ народа. Нейтралитетъ, еще возможный для какого нибудь малодушнаго гражданина, совершенно немыслимъ для солдата.

Вы понимаете это. Вы понимаете, какую серьезную отвѣтственность возлагаетъ на васъ ваше положеніе. Поэтому мы обращаемся къ вамъ съ глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что будемъ выслушаны съ полнымъ вниманіемъ и добросовѣстностью. Дѣло васъ касается слишкомъ близко.

Русскій государственный строй, проникнутый духомъ эксплуатаціи и деспотизма, построенный на ограбленіи народа, на всеобщемъ невѣжествѣ и рабствѣ, — все болѣе и болѣ приближается къ роковой для себя развязкѣ. Экономическія силы страны оказываются окончательно подорванными. Народное сознаніе и нравственное чувство отказываются выносить иго всеразвращающей и отупляющей системы. Всеобщее убѣжденіе требуетъ радикальной реформы; ряды рѣшительныхъ революціонеровъ растутъ; народныя массы, потерявъ всякое терпѣніе, начинаютъ волноваться, и эти волненія принимаютъ все болѣе угрожающій характеръ. Вся Россія понимаетъ эти грозные признаки, понимаетъ, что только быстрая и радикальная реформа можетъ избавить страну отъ необходимости спасать себя посредствомъ революціи. Одно правительство не понимаетъ этого. Оно одно не хочетъ или не можетъ отрѣшиться отъ своей эксплуатарской роли, и въ то время, когда среди всѣхъ сословій обнаруживается готовность поступиться для блага родины своими интересами, одно правительство продолжаетъ упорно отстаивать свои возмутительныя привиллегіи—и манифестомъ Александра III спѣшитъ заявить всему міру, что Русскій народъ останется навсегда рабомъ правительства, его рабочимъ и вьючнымъ скотомъ...

Изъ такого положенія есть только одинъ выходъ. Россія не можетъ безконечно влачить свое жалкое и позорное существованіе, въ концѣ котораго виднѣется полное истощеніе и смерь. Нѣтъ! Не погибнетъ великій народъ! Погибнетъ только его жалкое правительство. Могучее дуновеніе революціонной грозы смахнетъ съ нашей родины эту кучку паразитовъ, и призоветъ Россію къ новой счастливой жизни. И недалеко уже это время, недалеко общее возстаніе угнетеннаго народа.

Офицеры русской арміи! Въ виду великихъ событій грядущаго, передъ вами только два пути. Вы можете быть или освободителями народа или его палачами. Иного выхода нѣтъ и не можетъ быть. Пусть же всякій русскій

офицеръ вспомнитъ свой исконный девизъ — „слава и честь“, пусть спѣшитъ стать въ ряды геройскихъ освободителей народа и выполнить свой долгъ солдата—гражданина!

А тѣ, кто медлитъ и колеблется, пусть вспомнятъ, какая грязная дорога предстоитъ имъ на службѣ тираніи, какія гнусныя обязанности возложитъ на нихъ царь, какъ возлагаетъ уже и теперь. Они должны будутъ заглушить въ себѣ упреки совѣсти, оплевать свое человѣческое достоинство, должны стать слѣпыми орудіями продажной полиціи, избивать народъ по первому знаку какого нибудь грабителя — исправника, должны будутъ наполнять тюрьмы бойцами за народныя права и заглушать грубой силой каждый честный голосъ, каждую независимую мысль.

Нѣтъ мы глубоко вѣримъ, что масса русскаго офицерства отвернется съ презрѣніемъ отъ такой роли, и въ спорѣ деспота съ народомъ станетъ открыто на сторону послѣдняго, подъ знамена свободы и равенства.

Дубровинъ, съ энтузіазмомъ идя на эшафотъ, показалъ Россіи, какъ геройски умѣетъ умирать русскій офицеръ за идею. То же мужество, та же энергія, прославившія русскую армію, помогутъ ей и въ работѣ, подготовляющей успѣхъ народнаго освобожденія. Не обнаруживая преждевременно своихъ силъ, не показывая шпіонамъ святыню своихъ убѣжденій, вы явитесь въ рѣшительный моментъ и выбьете орудіе изъ рукъ тирана. Революціонное движеніе распространяется въ казармахъ съ быстротой, превосходящей всякія ожиданія, и при такомъ возбужденіи солдатъ, каждый офицеръ явится на службу народу не одинъ, но во главѣ цѣлыхъ ротъ и эскадроновъ.

Русскіе офицеры! Скоро наступитъ моментъ открытой борьбы съ тираніей. Тогда — впередъ способнѣйшій и достойнѣйшій! Подавая ему славное народное знамя, отечество скажетъ: „генералъ гражданинъ, тебѣ ввѣряется участь тысячъ людей и интересы дѣла свободы, самаго святаго и великаго изо всѣхъ земныхъ дѣлъ. Возставшій народъ не можетъ проигрывать сраженій. Кто не умѣетъ вести гражданъ къ побѣдѣ тотъ недостоинъ быть вождемъ революціонной арміи“. И найдутся, конечно, наши русскіе Морео, которые будутъ разбивать въ пухъ и прахъ царскихъ генераловъ, явятся русскіе Гоши изъ простыхъ поручиковъ, которые разгромятъ генераловъ Тотлебеновъ.

Русскому народу, освобожденному отъ царскаго гнета, избавленному отъ барышниковъ, предстоитъ великая роль въ исторіи. Борьба гигантская, ужасающая между революціей и дряхлыми, отжившими свой вѣкъ учрежденіями охватитъ скоро весь контигентъ Европы. Въ это время народные легіоны получатъ громадное міровое значеніе. Они положатъ основаніе новой цивилизаціи, въ которой

свобода, равенство и братство не будутъ уже простымъ звукомъ, а перейдутъ въ самую жизнь. Но эти славныя дѣянія совершатъ народные легіоны, а не царскіе преторіанцы. Только незапятнанная рука воина гражданина въ состояніи писать исторію будущаго своими подвигами, а не руки наемника, облитыя кровью согражданъ. И только народному легіону соотвѣтствуетъ возвышенный девизъ: „слава и честь!“

Офицеры русской арміи, скоро наступитъ рѣшительный часъ. Предъ вами только два пути. Вы можете стать освободителями своего народа, или же его палачами. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ.

Исп. Ком. 24 авг. 1881 года.

Типографія „Народной Воли“. 26 августа 1881 года.

V.

ПРОКЛАМАЦІЯ ИСП. КОМИТЕТА ПО ПОВОДУ КАЗНИ ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА КРАПОТКИНА.

(9 февраля 1879 года).

Однимъ изъ самыхъ вредныхъ враговъ Русской Соціально-Революціонной Партіи, однимъ изъ самыхъ безчеловѣчныхъ тюремщиковъ осужденныхъ и заключенныхъ ея дѣятелей стало меньше. 9 февраля харьковскій губернаторъ кн. Крапоткинъ опасно и, вѣроятно, на смерть раненъ изъ револьвера.

Русская Соціально-Революціонная Партія взяла на себя и эту казнь, какъ и всѣ прочія, происходившія въ 1878 году.

Какъ всегда прежде, она и теперь прямо и открыто указываетъ обществу на тѣ причины, которыя побудили ее взяться за револьверъ.

Вотъ преступленія Крапоткина:

1) Онъ виновенъ въ томъ, что въ концѣ прошлаго года, съ его вѣдома и по его приказанію, были до полусмерти избиты политическіе заключенные въ харьковской городской тюрьмѣ.

2) Онъ виновенъ въ томъ, что ложно донесъ министру внутреннихъ дѣлъ о послѣдней харьковской студенческой исторіи, сообщивъ, что молодежь бросилась бить полицію, тогда какъ на самомъ дѣлѣ сами студенты, и по его же приказанію, были избиты казацкими нагайками.

3) Харьковскій губернаторъ кн. Крапоткинъ прямо отвѣтственъ за всѣ звѣрства и насилія, совершенныя надъ политическими преступниками въ Ново-Борисоглѣбской центральной тюрьмѣ. *) Его имя неразрывно связано съ исторіей этой тюрьмы.

а) Послѣ заковки больного Плотникова въ кандалы, заключенные прислали Крапоткину заявленіе, въ которомъ

*) См. «За живо погребенные». — Эта брошюра была составлена Долгушинымъ, однимъ изъ заключенныхъ въ Центральной тюрьмѣ и издана въ типографіи «Земли и Воли». Ред.

были описаны факты возмутительнаго обращенія смотрителя. Взбѣшенный этимъ смотритель немедленно лишилъ заключенныхъ права получать пищу съ воли, сократилъ время прогулки, заковалъ больныхъ въ кандалы, отнялъ у нихъ больничную порцію и, наконецъ, приказалъ заколотить отверстія надъ дверями, служащія единственными вентиляторами. Князь Крапоткинъ прислалъ на заявленіе заключенныхъ слѣдующую резолюцію:“ хотя смотритель не имѣлъ права заковывать въ кандалы отбывшихъ „испытуемый срокъ“, но за оскорбленіе смотрителя, принесеніемъ жалобы на него, посадить бунтующихъ въ карцеръ отъ 1 до 3 дней, а отбывшихъ срокъ испытанія снова записать въ разрядъ испытуемыхъ и вновь заковать въ кандалы.

в) 3 іюля 78 г. шестеро политическихъ заключенныхъ отказались влачить далѣе ту невыносимую жизнь, на которую они были осуждены, и рѣшились уморить себя голодомъ, если имъ не будутъ даны хоть кой-какія „льготы“. Кн. Крапоткинъ не только не исполнилъ ни одного изъ требованій заключенныхъ, но, когда они уже 7 дней ничего не ѣли и многіе не могли уже вставать съ постели, прислалъ въ Ново-Борисоглѣбскую тюрьму чиновника, завѣдомо-лживо обѣщалъ черезъ него исполненіе всего требуемаго и такимъ образомъ снова осудилъ заключенныхъ на ту же жалкую жизнь, которую они отказались вести. Цѣлымъ рядомъ подобныхъ мѣръ кн. Крапоткинъ сдѣлалъ заключенныхъ въ центральной тюрьмѣ заживо погребенными.

Тековы преступленія кн. Крапоткина.

Приводимъ выдержку изъ заявленія нашего товарища, взявшагося за исполненіе казни, заявленія, полученнаго нами за нѣсколько дней до совершенія попытки... „Ты угадываешь, русское общество, послѣ всего мною сказаннаго, какое чувство волнуетъ грудь мою при сопоставленіи цѣлаго десятка страдальцевъ съ ихъ мучителемъ. Въ моемъ воображеніи проносится цѣлый рядъ образовъ полуголодныхъ, полуживыхъ заключенныхъ товарищей, измученныхъ, измозженныхъ и обезображенныхъ рукою палача. Мнѣ не даетъ покою образъ всесильнаго чиновника топчущаго въ грязь все человѣческое, издѣвающагося надъ полуживыми мучениками, заставляя ихъ ложными обѣщаніями продолжать свою страдальческую жизнь... Ты поймешь теперь, какая злоба мучитъ меня, когда я только подумаю, что эти злодѣйства остаются безнаказанными, что ничто не нарушаетъ обычнаго теченія жизни этого человѣка, его пользованія всѣми земными благами!... Знайже, русское общество, что каждый честный человѣкъ волнуется тѣмъ же чувствомъ и тѣмъ же желаніемъ... И покуда ты будешь спать, тебѣ не разъ придется принимать

участіе въ единственно дозволенномъ тебѣ дѣлѣ: похоронахъ высокопоставленныхъ особъ".

Вотъ причины и побужденія, заставившія Русскую Соціально-Революціонную Партію постановить смертный приговоръ еще одному изъ ея враговъ.

Смерть за смерть, казнь за казнь, терроръ за терроръ! — вотъ нашъ отвѣтъ на всѣ угрозы, гоненія и преслѣдованія правительства. Пусть оно идетъ прежнимъ путемъ — и не успѣютъ еще истлѣть труны Гейкинга и Мезенцева, какъ оно снова объ насъ услышитъ!...

Печ. въ „Пет. Вол. Тип." 11 февр. 1879.

---

*) Письмо будетъ напечатано въ «Землѣ и Волѣ». — Письмо Гольденберга было впослѣдствіи напечатано. Ред.

Отъ Ред. Казнь Крапоткина была выполнена Г. Гольденбергомъ, при участіи членовъ Исп. Комитета, образовавшагося около Осинскаго, Ивйчевича, Лизогуба и др. въ 1878 г. По дѣлу казни Крапоткина въ 1880 г. судились Кобылянскій, Зубковскій и др., а въ 1884 г. — Люд. Ал. Волькенштейнъ.

СТАТЬЯ Н. МОРОЗОВА

ИЗЪ № 2—3 „ЛИСТОКЪ ЗЕМЛИ и ВОЛИ".

ПЕТЕРБУРГЪ, 14 МАРТА 1879 Г.

Политическое убійство — это прежде всего актъ мести. Только отомстивъ за погубленныхъ товарищей, революціонная организація можетъ прямо взглянуть въ глаза своимъ врагамъ; только тогда она поднимается на ту нравственную высоту, которая необходима дѣятелю свободы для того, чтобы увлечь за собою массы. Политическое убійство — это единственное средство самозащиты при настоящихъ условіяхъ и одинъ изъ лучшихъ агитаціонныхъ пріемовъ. Нанося удары въ самый центръ правительственной организаціи, оно съ страшной силой заставляетъ содрогаться всю систему. Какъ электрическимъ токомъ, мгновенно разноситься этотъ ударъ по всему государству и производить неурядицу во всѣхъ его функціяхъ. Когда приверженцевъ свободы было мало, они всегда замыкались въ тайныя общества. Эта тайна давала имъ громадную силу. Она давала горсти смѣлыхъ людей возможность бороться съ милліонами организованныхъ, но явныхъ враговъ. „Въ подземныхъ ходахъ пещеръ сплачивались они въ тѣ несокрушимыя общины „святыхъ безумцевъ", съ которыми не могли совладать ни дикое варварство одного міра, ни маститая цивилизація другого" *). Но когда къ этой тайнѣ присоединиться политическое убійство, какъ систематическій пріемъ борьбы — такіе люди дѣйствительно сдѣлаются страшными для враговъ. Послѣдніе должны будутъ каждую минуту дрожать за свою жизнь, не зная, откуда и когда придетъ къ нимъ месть. Политическое убійство — это осуществленіе революціи въ настоящемъ. „Невѣдомая никому" подпольная сила вызываетъ на свой судъ высокопоставленныхъ преступниковъ, постановляетъ имъ смертные приговоры — и сильные міра чувствуютъ, что почва теряется

*) «Колоколъ», 1 января, 1864 г.

подъ ними, какъ они съ высоты своего могущества валяться въ какую-то мрачную, невѣдомую пропасть... Съ кѣмъ бороться? Противъ кого защищаться? На комъ выместить свою бѣшеную ярость? Милліоны штыковъ, милліоны рабовъ ждутъ одного приказанія, одного движенія руки... По одному жесту они готовы задушить, уничтожить цѣлыя тысячи своихъ собственныхъ собратій... Но на кого направить эту страшную своей дисциплиной, созданную вѣками все развращающихъ усилій государства силу? Кругомъ никого. Неизвѣстно, откуда явилась карающая рука и, совершивъ казнь, изчезла туда же, откуда пришла — въ никому невѣдомую область. Кругомъ снова тихо и спокойно. Только порою трупъ убитаго свидѣтельствуетъ о недавней катастрофѣ. Враги чувствуютъ, какъ самое существованіе ихъ становиться невозможнымъ, они чувствуютъ свое безсиліе среди своего всемогущества. Политическое убійство — это самое страшное оружіе для нашихъ враговъ, оружіе, противъ котораго не помогаютъ имъ ни грозная армія, ни легіоны шпіоновъ. Вотъ почему враги такъ бояться его. Вотъ почему 3—4 удачныхъ политическихъ убійства заставили наше правительство вводить военные законы, увеличивать жандармскіе дивизіоны, разставлять казаковъ по улицамъ, назначать урядниковъ по деревнямъ — однимъ словомъ выкидывать такія salto mortale самодержавія, къ какимъ не принудили его ни годы пропаганды, ни вѣка недовольства во всей Россіи, ни волненія молодежи, ни проклятія тысячъ жертвъ замученныхъ имъ на каторгѣ и въ ссылкѣ... Вотъ почему мы признаемъ политическое убійство за одно изъ главныхъ средствъ борьбы съ деспотизмомъ *).

*) Отъ Ред. — Статья Н. Морозова была одной изъ первыхъ попытокъ обосновать политическій терроръ, защитниками котораго явились скоро народовольцы. Эта статья была отвѣтомъ на упорную борьбу антитеррористовъ вродѣ г. Плеханова противъ введенія въ программу партіи «Земли и Воли» систематическаго террора. На Воронежскомъ съѣздѣ статья Н. Морозова по требованію его политическихъ противниковъ была прочитана и вызвала горячіе споры за и противъ. Эта борьба была подробно разсказана Н. Морозовымъ въ № 12 «Былого» 1906 г.)

Террористическая Борьба*)

Каждый человѣкъ имѣетъ право убить тирана, и народъ не можетъ отнять этого права ни у одного изъ своихъ гражданъ.

Сенъ-Жюстъ (1793).

Смертная казнь противна законамъ гуманности, но если бы ее даже не существовало, то для тирановъ ее слѣдовало бы установить.

Миньо (1793).

Право казнить тирана совершенно тождественно съ правомъ низложить его. Какъ то такъ и другое производится совершенно одинаково, безъ всякихъ судебныхъ формальностей... Съ точки зрѣнія свободы нѣтъ личности болѣе подлой, съ точки зрѣнія человѣчности, нѣтъ человѣка болѣе виновнаго.

Робеспьеръ (1793).

I.

Подобно тому какъ первоначальныя силы природы просты немногочисленны, но проявляются въ милліонахъ самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ, такъ и внутреннія причины революціи вѣчно однѣ и тѣже, хотя каждый разъ она является въ мірѣ въ новомъ неожиданномъ видѣ.

Когда въ глубокой древности могучіе лѣса покрывали современную Европу и только одинокіе замки феодаловъ возвышались здѣсь и тамъ, отдѣленные другъ отъ друга громадными пространствами; когда большихъ городовъ было мало и арміи кор

*) Отъ Ред. Брошюра Н. Морозова „Террористическая борьба“ явилась заграницей и печаталась при помощи набаторцевъ,—мы перепечатываемъ ее цѣликомъ и, какъ важный историческій документъ и какъ блестящую защиту политическаго террора, сдѣланною рукой одного изъ главныхъ и наиболѣе характерныхъ дѣятелей партіи „Народной Воли“ Исп. Комитетъ Н. В., какъ это видно между прочимъ изъ рѣчи Желябова на судѣ, не былъ вполнѣ солидаренъ съ брошюрой Н. Морозова. По нашему мнѣнію, брошюра Морозова и его статья въ „Листкѣ З. и В.“ прекрасно выражали взгляды большинства дѣйствовавшихъ террористовъ того времени. Курсивъ въ статьѣ принадлежитъ намъ.

лей не достигали значительныхъ размѣровъ; когда пути сообщенія были одинаковы и для королевскаго войска и для возставшаго народа, а вооруженіе было съ обоихъ сторонъ почти одно и тоже,—революціонныя движенія проявлялись въ формѣ большихъ крестьянскихъ возстаній... Но время шло, — феодализмъ, дробившій средневѣковое государство, мало по малу падалъ, короли получили въ свое распоряженіе громадныя матеріальныя средства и войска, сгущеніе населенія и поднятіе уровня потребностей цивилизованныхъ классовъ привели къ улучшенію путей сообщенія между центрами и провинціей, — и крестьянскія движенія стали подавляться въ самомъ ихъ зародышѣ.

Между тѣмъ развитіе мануфактуры привело къ скопленію рабочаго люда въ городахъ, и центръ революціонной жизни перешолъ къ городскому населенію.

Кривыя, узкія, извилистыя улицы и переулки прежнихъ городскихъ предмѣстій, стиснутые какъ ущелья между рядами противоположныхъ домовъ, изъ оконъ которыхъ могли просовываться съ одной стороны на другую жерди для просушки бѣлья, какъ нарочно были созданы для баррикадъ. Многочисленность трудящагося народа, его близость къ центру враговъ и происходящая отсюда возможность нанести имъ рѣшительный ударъ увеличивали вѣроятность побѣды и давали возставшему народу увѣренность въ своихъ силахъ.

И вотъ побѣдоносная революція пронеслась въ новомъ видѣ надъ міромъ, разбивая старыя цѣпи, разрывая прежнія путы и и ниспровергая въ прахъ отжившіе кумиры.

Въ настоящее время въ безпредѣльныхъ равнинахъ Россіи, съ ея рѣдкими деревнями и сравнительно незначительными рабочими городами, гдѣ разрозненность крестьянскаго населенія мѣшаетъ съорганизоваться большому деревенскому возстанію, а незначительность городскаго пролетаріата не представляла до сихъ поръ серьезной опасности для правительства, начинающаяся революція приняла совершенно своеобразныя формы. Лишенная возможности проявиться въ деревенскомъ или городскомъ возстаніи, она выразилась въ «террористическомъ движеніи» интеллегентной молодежи.

И крестьянскія движенія, и возстанія городскаго пролетаріата и современная борьба интеллегенціи съ правительствомъ въ Россіи, все это только разныя формы одной и той-же революціи. Вѣчно одна и таже, она только мѣняла свои формы сообразно условіямъ времени.

II.

Какъ каждая революція начиналась съ развитія подготовительныхъ идей, такъ и русское движеніе проявилось прежде всего въ самоотверженной проповѣди новаго идеальнo-прекраснаго строя жизни.

Начавшись въ 1872 году пропагандой среди рабочаго населенія Петербурга, это движеніе вскорѣ перешло къ провинціальному населенію.

Въ крестьянской сермягѣ, съ посохомъ въ рукахъ и котомкой книгъ за плечами отряхнувъ съ ногъ прахъ дряхляго міра шли пропагандисты по селеніямъ и деревнямъ своей необозримой родины. Не было губерніи, куда не заходили бы они со своею проповѣдью. Движеніе быстро росло и лѣтомъ 1874 года пропаганда охватила почти всю Европейскую Россію.

Но какъ ни неожиданно было это движеніе для правительства, послѣднее немедленно приняло противъ него свои мѣры, и къ концу 1874 года почти всѣ пропагандисты томились въ казематахъ въ ожиданіи ссылки, каторги или безконечнаго заключенія въ центральныхъ тюрьмахъ.

Въ 1875 году, потерпѣвъ окончательное пораженіе въ деревняхъ, движеніе снова направилось къ городскому люду для того, чтобы дѣйствовать черезъ него въ деревнѣ, но и здѣсь оно было задушено правительствомъ; почти всѣ пропагандисты этого періода и рабочіе, послѣдовавшіе за ними, были схвачены при первыхъ шагахъ своей дѣятельности...

Въ 1876—1877 гг. настало нѣкоторое затишье изрѣдка прерываемое противоправительственными демонстраціями мирнаго характера и двумя-тремя революціонными попытками въ томъ или другомъ направленіи. Продолжать прежній путь, не обращая вниманія на преслѣдованія правительства, было очевидно невозможно. Волей не волей приходилось сводить съ нимъ счеты.

И вотъ мало по малу начались таинственныя убійства правительственыыхъ дѣятелей.

24 Января 1878 г. раздался выстрѣлъ въ Петербургскаго градоначальника Трепова въ его пріемной; этотъ выстрѣлъ сдѣлался точкой перелома во всей послѣдующей борьбѣ. Начиная съ этого момента движеніе опредѣлилось и пошло почти безъ уклоненій къ своей уже ясно поставленной цѣли.

Неизвѣстныя ни обществу, ни правительству личности все чаще и чаще стали появляться словно изъ подъ земли и устранять съ дороги того или другого изъ правительственныхъ дѣятелей. Совершивъ казнь, они исчезали безъ слѣда. Такъ были убиты: Никоновъ, Гейкингъ, Мезенцевъ, Крапоткинъ, Рейнштейнъ и нѣсколько другихъ. Ни обыски, ни аресты, массами практикуемыя правительствомъ, не привели ни къ чему. Правительство рѣшилось испытать систему бѣлаго террора и приговорило, бѣжавшаго изъ ссылки Бобохова, къ повѣшенію... Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ звѣрскій приговорь на слѣдующій же день раздался выстрѣлъ въ Дрентельна...

Съ этого времени событія становятся все болѣе и болѣе грандіозными. Глава реакціи и руководитель преслѣдованій, царь, дѣлается мишенью для революціонеровъ и противъ него направляются почти всѣ попытки. 2 Апрѣля 1879 г. Соловьевъ далъ по нему свои пять выстрѣловъ и погибъ. Испуганный царь по-

спѣшилъ уѣхать въ Ливадію. Россія была раздѣлена между 5 генералъ-губернаторами. Наступилъ мрачный періодъ казней.

Все лѣто 79 г. прошло какъ страшное затишье передъ грозой. Въ Ноябрѣ царь рѣшился уѣхать изъ Ливадіи и на дорогѣ былъ встрѣченъ взрывомъ динамита.

Аресты усилились снова, но также не дали никакихъ положительныхъ результатовъ. Правительство, смотрѣвшее на арестованныхъ прежде соціалистовъ какъ на заложниковъ, стало вымѣщать на нихъ свою злобу. Снова произошло нѣсколько казней. Въ отвѣтъ на это 5 Февраля въ самомъ Зимнемъ дворцѣ подъ столовою императора былъ произведенъ взрывъ динамита, убившій 10 человѣкъ изъ его стражи, контузившій и ранившій 53-хъ.

Назначена была диктатура Лорисъ-Меликова и встрѣчена при самомъ своемъ началѣ покушеніемъ Млодецкаго.

Правительство стало заигрывать съ либеральными и консервативными элементами общества, стараясь привлечь ихъ на активную борьбу съ революціонерами. Наступилъ періодъ лицемѣрнаго либерализма и скрытой жестокости.

Таковъ общій характеръ совершавшейся до сихъ поръ революціи.

Сначала отрывочная, несистематичная, болѣе самозащита чѣмъ нападеніе, она дѣлалась все грознѣе и послѣдовательнѣе и предъявила наконецъ правительству свои первыя ясно формулированныя требованія.*)

III.

Какова вѣроятная судьба этой новой формы революціонной борьбы, которая могла бы быть названа «террористической революціей?»

Чтобы отвѣтить болѣе или менѣе положительно на этотъ вопросъ, надо бросить общій взглядъ на смыслъ движенія и его условія.

Положеніе дѣлъ таково: во главѣ государства стоитъ всемогущее правительство съ его шпіонами, тюрьмами и пушками, съ его милліонами солдатъ и добровольныхъ слугъ и вѣдающихъ и невѣдающихъ что творятъ, правительство, въ борьбѣ съ которымъ были безсильны всѣ народныя возстанія, всѣ открытыя революціонныя попытки молодежи...

Противъ этой громадной организаціи, стягивающей желѣзными когтями всю страну, способной по одному мановенію своего повелителя раздавить и уничтожить десятки тысячъ его явныхъ враговъ, подавленный, но живучій элементъ населенія — интеллегентная русская молодежь — выдвигаетъ горсть людей незначительную по числу, но сильную и страшную своей энергіей и неуловимостью.

*) См. прокламацію «Исполнительнаго Комитета» по поводу 19 Ноября.

Въ этой кучкѣ сосредоточивается вся активная, непосредственная революціонная борьба.

Напору всемогущаго врага она противопоставляетъ непроницаемую тайну.

Ей не страшны его многочисленные шпіоны, потому что ее оберегаетъ отъ нихъ ея способъ борьбы, не требующій сближенія съ посторонними мало извѣстными личностями, и немногочисленность ея рядовъ, которая позволяетъ ей выбирать къ себѣ въ товарищи только людей испытанныхъ и надежныхъ... II III отдѣленіе знаетъ, какъ мало ея членовъ попадалось въ руки правительства по милости его шпіоновъ!

Ей не страшны штыки и арміи правительства, потому что она и не ищетъ столкновенія съ этой слѣпой и неосмысленной силой, бьющей кого велятъ. Эта сила страшна только для явнаго врага. Противъ тайнаго она совершенно безполезна.

Ей страшна только одна ея собственная неосторожность, которая можетъ погубить отдѣльныхъ ея членовъ, но и эта гибель будетъ только временной. Враждебные правительству элементы лучшей части населенія выдвинутъ взамѣнъ ихъ новыхъ дѣятелей, которые будутъ продолжать ихъ дѣло.

Она безсмертна, потому что ея способъ борьбы входитъ въ жизнь, дѣлается традиціоннымъ.

Въ рукахъ подобной «кучки людей» тайное убійство является самымъ страшнымъ орудіемъ борьбы. «Вѣчно направленная въ одну точку «злая воля» дѣлается крайне изобрѣтательной и нѣтъ возможности предохранить себя отъ ея нападенія»... Такъ говорили русскія газеты по поводу одного изъ покушеній на жизнь императора. И это вѣрно: человѣческая изобрѣтательность безконечна...

Передъ 19 Ноября никто бы не повѣрилъ, что не смотря на всѣ мѣры принимаемыя полиціей при возвращеніи императора изъ Ливадіи, можно подвести подкопъ подъ желѣзную дорогу; передъ 5 Февраля никто бы не повѣрилъ, что заговорщики могутъ проникнуть во дворецъ... Но террористическая борьба именно и представляетъ то удобство, что она дѣйствуетъ неожиданно и изыскиваетъ способы и пути тамъ, гдѣ этого никто и не предполагаетъ.

Все чего она требуетъ для себя — это незначительныхъ личныхъ силъ и большихъ матеріальныхъ средствъ.

Она представляетъ совершенно новый пріемъ борьбы.

Массовыя революціонныя движенія, гдѣ люди нерѣдко встаютъ другъ противъ друга въ силу простаго недоразумѣнія, гдѣ народъ убиваетъ своихъ собственныхъ дѣтей, въ то время какъ его враги изъ безопаснаго убѣжища наблюдаютъ за ихъ гибелью,—она замѣняетъ рядомъ отдѣльныхъ, но всегда бьющихъ прямо въ цѣль политическихъ убійствъ. Она казнитъ только тѣхъ, кто дѣйствительно виновенъ въ совершающемся злѣ. Террористическая революція представляетъ по этому самую справедливую изъ всѣхъ формъ революціи.

Она представляетъ въ тоже время и самую удобную ея форму.

Съ незначительными силами она даетъ возможность обуздывать всѣ усилія до сихъ поръ непобѣдимой тиранiи.

«Не бойтесь царей, не бойтесь деспотическихъ правителей, говоритъ она человѣчеству, потому что всѣ они безсильны и безпомощны противъ тайнаго, внезаннаго убiйства!»

Таковъ смыслъ совершающагося въ Россiи движенiя. Никогда въ исторiи не было еще столь выгоднаго положенiя для революцiонной партiи и столь удачно выбранныхъ пріемовъ борьбы. И если вмѣстѣ съ существующей теперь террористической группой возникаетъ въ Россiи цѣлый рядъ самостоятельныхъ террористическихъ обществъ, которые узнавъ другъ друга въ борьбѣ, соединятся въ одну общую организацiю, которая со всѣхъ сторонъ откроетъ свои дѣйствiя противъ правительства; если тяжелая двухъ-лѣтняя борьба русскихъ террористовъ оставила въ молодежи хотя какiя нибудь традицiи, — то нѣтъ сомнѣнiя, что скоро наступятъ послѣдніе дни монархизма и насилiя, и откроется широкая дорога для соцiалистической дѣятельности въ Россiи...

IV.

Террористическое движенiе въ Россiи имѣетъ еще одну отличительную черту, которую почти не замѣчаемъ мы, его современники, но значенiе которой громадно. Она одна способна сдѣлать цѣлый переломъ въ исторiи революцiонной борьбы.

Ненависть къ народнымъ угнетателямъ всегда была сильна въ человѣчествѣ, и уже не разъ самоотверженные люди цѣною своей собственной гибели пытались уничтожить жизнь того, въ комъ олицетворялось насилiе. Но каждый разъ они погибали и сами. Актъ человѣческаго правосудiя надъ тираномъ совершался, но вслѣдъ за нимъ наступало и возмездiе.

Среди гробоваго молчанiя подавленнаго народа поднималась кровавая плаха, приносилась кумиру монархизма человѣческая жертва и народная Немезида снова опускала свою едва поднятую голову. И удовлетворенное на мигъ чувство высшей справедливости сейчасъ же помрачалось гибелью великодушнаго и самоотверженнаго человѣка. Самая мысль о цареубiйствѣ стала наконецъ казаться чѣмъ то страшнымъ, трагическимъ. Она скорѣе вызывала представленiе о безнадежномъ отчаяніи, о великодушномъ самоубiйствѣ, чѣмъ о непримиримой борьбѣ съ угнетенiемъ... Она говорила людямъ о страшныхъ нравственныхъ страданiяхъ, о невыносимой внутренней ломкѣ, которую пришлось пережить цареубiйцѣ прежде чѣмъ онъ, окончивъ разсчетъ съ жизнью, шолъ на свой подвигъ, и дѣлала этотъ подвигъ исключительнымъ, недосягаемымъ, ненормальнымъ. Цари знали, что такихъ самоубiйцъ-героевъ мало — и потому отправившись отъ перваго потрясенiя, снова продолжали свои насилiя.

Совсѣмъ не то современная террористическая борьба. Здѣсь правосудіе совершается, но исполнители его могутъ остаться и живы. Исчезая безслѣдно они могутъ снова бороться съ врагомъ, снова жить и работать для своего дѣла. Мрачное чувство не примѣшивается къ сознанію возстановленнаго человѣческаго достоинства.

То была борьба отчаянія, самопожертвованія; это—борьба силы съ силой, равнаго съ равнымъ; борьба геройства противъ гнета, знанія и науки—противъ штыковъ и висѣлицъ.

Она не говоритъ уже человѣчеству о безнадежности и самоубійствѣ. Нѣтъ, она говоритъ ему о могучей любви къ свободѣ, способной сдѣлать человѣка—героемъ, способной придавать людямъ исполинскую силу совершать почти нечеловѣческія дѣла.

Цари и деспоты, угнетающіе народъ, уже не могутъ жить спокойно въ своихъ разолоченныхъ палатахъ. Среди грома музыки, среди восторженныхъ криковъ безчисленной толпы, за десертомъ изысканнаго обѣда, имъ кажется: вотъ-вотъ — земля обрушится подъ ихъ ногами и невидимый мститель оглушительнымъ взрывомъ динамита дастъ знать врагамъ свободы, что ихъ часъ пробилъ...

V.

Не трудно угадать, какимъ путемъ должна идти террористическая борьба, чтобы вѣрнѣе достичь своей цѣли.

За періодомъ активной дѣятельности наступаетъ всегда періодъ утомленія, когда наименѣе утомленная сторона представляетъ побѣжденной свои требованія. Мы уже доказывали, что положеніе террористической партіи въ борьбѣ гораздо выгоднѣе положенія правительства, благодаря великой идеѣ, воодушевляющей ее, тайнѣ, окружающей ея дѣятельность, и тому оружію борьбы, которое она употребляетъ для своей цѣли. При такихъ условіяхъ побѣда рано или поздно неизбѣжна, и правительство должно будетъ удовлетворить представленныя противниками требованія.

Каковы могутъ быть эти требованія?

Разсмотримъ наше прошлое. Русское революціонное движеніе всегда ставило своей цѣлью перемѣну не только политическаго, но и экономическаго строя, безъ котораго не мыслима полная политическая свобода для рабочаго населенія. Проповѣдь въ народѣ идей соціализма—вотъ орудіе, которое избрала для достиженія своей цѣли русская соціалистическая партія со времени своего возникновенія въ началѣ 70-хъ годовъ. Террористическое движеніе было результатомъ преслѣдованій правительства, сдѣлавшихъ пропаганду чрезвычайно затруднительной если не невозможной. Очевидно поэтому, что террористическая борьба немедленно прекратится, какъ только соціалисты завоюютъ для себя фактическую свободу мысли, слова и дѣйствительную безопасность личности отъ насилія, — эти необходимыя условія для широкой проповѣди соціалистическихъ идей. Наступитъ по

ріодъ затишья террористичечкой борьбы, движеніе молодежи снова направится въ народъ, и безжизненныя формы современной государственной іерархіи въ томъ или другомъ видѣ просуществуютъ до тѣхъ поръ, пока сознавшій наконецъ свои права и возставшій массами народъ не смететъ ихъ со своей дороги и на развалинахъ современнаго экономическаго и общественнаго порядка не устроитъ новый, лучшій строй основанный на требованіяхъ всеобщей свободы и справедливости.

Нѣтъ сомнѣнія, что косвеннымъ продуктомъ террористической борьбы въ Россіи до ея окончанія будетъ между прочимъ и конституція. Увѣрившись въ негодности полиціи и жандармовъ при новой формѣ революціонной борьбы, правительство попробуетъ привлечь къ себѣ сторонниковъ изъ классовъ заинтересованныхъ въ поддержкѣ существующаго экономическаго строя. Наступитъ время императорскаго парламента, при которомъ подъ покровомъ общественной воли будетъ практиковаться такое же безцеремонное насиліе, какъ въ настоящее время въ Германіи. Правительство будетъ имѣть нѣсколько болѣе сторонниковъ, но уничтожитъ ли это возможность бороться по прежнему?

Не трудно увидать, что — нѣтъ.

Чѣмъ могутъ быть полезны правительству буржуазные элементы? Очевидно — только выслѣживаніемъ крамолы. Но шпіонство и доносы развились уже въ Россіи до такой степени, что нѣтъ возможности разсчитывать на ихъ дальнѣйшее увеличеніе при какихъ угодно измѣненіяхъ формъ правленія. Не говоря о множествѣ предательствъ, происходившихъ въ обществѣ за послѣдніе года, и массѣ анонимныхъ писемъ, которыми бывало завалено III отдѣленіе при всякомъ политическомъ убійствѣ, мы видали 12—14 лѣтнихъ мальчиковъ, доносящихъ на своихъ знакомыхъ, у которыхъ имъ удалось замѣтить какую нибудь подозрительную книгу.*) При такихъ условіяхъ намъ нѣтъ надобности доказывать, что всѣ подпольныя типографіи и террористическія дѣла существовали больше незнаніемъ о нихъ теперешнихъ «либеральныхъ» элементовъ, чѣмъ ихъ завѣдомымъ покровительствомъ. Мы уже не говоримъ о такихъ случаяхъ борьбы, какъ подкопъ подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу или взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ неизбѣжность доноса очевидна при первомъ подозрѣніи окружающихъ какъ при конституціонныхъ, такъ и не конституціонныхъ порядкахъ. Если склонность буржуазныхъ элементовъ къ доносамъ не устраняла возможности террористической борьбы теперь, то она не устранитъ ее и въ будущемъ. Невозможность же другихъ способовъ борьбы съ «крамолой», какъ напримѣръ воздѣйствія въ семьѣ и школѣ, гдѣ оно уже давно практиковалось безуспѣшно гр. Толстымъ, настолько очевидна, что о ней не стоитъ и говорить.

Современное террористическое движеніе держится единственно своей энергіей и особенностями своей борьбы, а не либе-

*) Случай въ настоящемъ году въ Одессѣ и др.

ральными элементами, которые всегда ограничивались платонизмомъ какъ въ своей любви къ революціонерамъ, такъ и въ ненависти къ правительству.

Террористическая борьба одинаково возможна какъ при абсолютномъ, такъ и при конституціонномъ насиліи, какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи. Насиліе и деспотизмъ выражаются всегда или въ лицѣ очень немногихъ, или еще чаще въ одномъ руководящемъ человѣкѣ (Бисмаркѣ, Наполеонѣ), съ паденіемъ или смертью котораго и прекращаются. Такіе люди должны быть истребляемы въ самомъ началѣ ихъ карьеры, выдвигаетъ ли ихъ армія, или плебисцитъ. Широкую и торную дорогу, открывающуюся въ современномъ государствѣ честолюбцамъ, стремящимся упрочить свою власть на обломкахъ народной свободы, противоправительственный терроръ долженъ сдѣлать скользкой и опасной. Тогда не много найдется охотниковъ слѣдовать по ней. Въ Россіи, гдѣ самое грубое насиліе и деспотизмъ сдѣлались традиціонными въ существующей династіи, дѣло террора значительно усложняется и потребуетъ быть можетъ цѣлаго ряда политическихъ убійствъ и цареубійствъ. Но современные террористы два года боровшіеся съ правительствомъ сильные одной своей рѣшимостью и безъ достаточно выясненныя идеи своей борьбы, уже вполнѣ доказали, что и въ этомъ царствѣ деспотизма террористическое движеніе имѣетъ много шансовъ на успѣхъ. И его побѣда будетъ неизбѣжна, если будущая террористическая борьба станетъ дѣломъ не отдѣльной группы, а идеи, которую нельзя уничтожить подобно личностямъ. Тогда на смѣну погибшимъ будутъ самй собою выдвигаться новые и новые дѣятели до тѣхъ поръ, пока движеніе не достигнетъ своей цѣли.

VI.

Не въ одномъ только обузданіи существующаго русскаго деспотизма должна заключаться цѣль террористическаго движенія на нашей родинѣ. Оно должно сдѣлать свой способъ борьбы популярнымъ, историческимъ, традиціоннымъ. Оно должно ввести его въ жизнь, такъ чтобы противъ каждаго новаго возникновенія тиранiи въ будущемъ лучшіе элементы населенія выдвигали новыя группы лицъ, которыя уничтожали бы насиліе рядомъ политическихъ убійствъ. «Каждый человѣкъ имѣетъ право убить тирана и народъ не можетъ отнять этого права ни отъ одного изъ своихъ гражданъ», сказалъ Сенъ-Жюстъ во время суда надъ Людовикомъ Капетомъ, и эти слова должны сдѣлаться лозунгомъ всей послѣдующей борьбы съ насиліемъ.

Нѣтъ никакой возможности предполагать, что для такой борьбы не найдется въ населеніи необходимыхъ элементовъ. Пре-

данность идеѣ, геройство и самоотверженность еще ни разу не исчезали окончательно въ человѣчествѣ и въ самыя мрачныя періоды исторіи, когда тяжелый гнетъ, казалось, подавлялъ всякія проблески жизни и сознанія въ населеніи, эти чувства невидимой искрой таились въ глубинѣ страны и прорывались тамъ и здѣсь наружу то выстрѣломъ Вильгельмъ Теля, то заговоромъ Бабефа, то попыткой Декабристовъ. Черезъ всю исторію народа рядомъ со стихійной, массовой борьбой противъ насилія шла другая, хотя безсознательная, несистематичная, но непрерывная и непримиримая борьба путемъ заговоровъ и политическихъ убійствъ. Съ каждымъ столѣтіемъ эта борьба становилась дѣятельнѣе и активнѣе, и никогда еще попытки на цареубійства не были такъ часты какъ въ послѣднія 30 лѣтъ. Покушеніе на жизнь герцога Моденскаго, попытка на убійство принца прусскаго, покушеніе на жизнь императрицы Викторіи, нанесеніе тяжелой раны императору Францу Іосифу на бастіонахъ города Вѣны; покушеніе на жизнь Виктора Эммануила, убійство неизвѣстнымъ Фердинанда III, Пармскаго; покушеніе на жизнь Испанской королевы, ударъ штыкомъ въ Фердинанда Неаполитанскаго; выстрѣлъ въ Королеву Греціи, убійство князя Михаила сербскаго, покушеніе на жизнь Гумберта; два покушенія на жизнь короля Альфонса во время его непродолжительнаго царствованія; четыре покушенія на жизнь Вильгельма, два раза при этомъ тяжело раненаго; шесть попытокъ на убійство Наполеона III всевозможными способами и шесть покушеній на жизнь императора Александра II, изъ которыхъ только одно было открыто до осуществленія; — таковы факты борьбы подпольнымъ способомъ со времени 1848 года, не говоря уже о многочисленныхъ убійствахъ и попыткахъ на убійства государственныхъ дѣятелей въ Россіи и Америкѣ. Всѣ эти факты, совершившіеся такъ непрерывно и послѣдовательно въ то время, когда террористическая борьба не была еще возведена въ систему, дѣлаютъ лишеннымъ всякаго основанія предположеніе, что она можетъ прекратиться въ будущемъ, когда получитъ для себя теоретическія основанія.

Но есть и другая причина, дѣлающая невѣроятнымъ подобное предположеніе. Мы знаемъ, что всякая историческая борьба, всякое историческое развитіе, какъ результатъ борьбы, идутъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Всѣ отпрыски движенія, стремящіеся въ другія стороны, разбиваются о встрѣчающіяся на пути препятствія. Террористическая борьба, которая бьетъ въ наиболѣе слабую сторону существующаго строя, очевидно будетъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтать все большія права гражданства въ жизни. Наступитъ время, когда современныя, несистематическія попытки сольются въ одинъ общій потокъ, и не устоять тогда противъ него никакому деспотизму и насилію! Задача современныхъ русскихъ террористовъ только обобщить въ теоріи и систематизировать на практикѣ ту форму революціонной борьбы, которая ведется уже давно. Политическія убійства они должны

сдѣлать выраженіемъ стройной, послѣдовательной системы.

Мы знаемъ, какое сильное вліяніе оказываютъ идеи на человѣчество. Въ глубокой древности они создали христіанство и съ костровъ и крестовъ проповѣдывали міру близкое освобожденіе. Въ мрачное затишье среднихъ вѣковъ они произвели крестовые походы и много лѣтъ влекли народы въ сухія и безплодныя равнины Палестины. Въ послѣднее столѣтіе они вызвали революціонное и соціалистическое движенія и облили поля Европы и Америки кровью новыхъ борцовъ за освобожденіе человѣчества...

Идея террористической борьбы, гдѣ небольшая горсть людей является выразительницей борьбы цѣлаго народа и торжествуетъ надъ милліонами враговъ.такова,—что разъ выясненная людямъ и доказанная на практикѣ, не можетъ уже заглохнуть. Каждое насиліе будетъ порождать само собою новыхъ мстителей, каждый тиранъ новыхъ Соловьевыхъ и Нобилинговъ, и самое существованіе деспотизма и монархизма быстро сдѣлается невозможнымъ.

Тогда не страшно будетъ революціонерамъ-террористамъ по миновании надобности въ ихъ борьбѣ направить свои силы на подготовленіе соціальной революціи въ народѣ. Все равно: ихъ идея будетъ жить въ воспоминаніяхъ массъ и съ каждымъ новымъ проявленіемъ насилія надъ страною террористическія группы, неизвѣстно куда исчезнувшіе, будутъ неизвѣстно откуда и приходить.

Русскимъ террористамъ предстоятъ двѣ въ высшей степени важныя и серьезныя задачи.

1) Они должны разъяснить теоретически идею террористической борьбы, которую до сихъ поръ каждый понималъ по своему. Вмѣстѣ съ проповѣдью соціализма необходима широкая проповѣдь этой борьбы въ тѣхъ классахъ населенія, въ которыхъ благодаря ихъ близости къ современной революціонной партіи по нравамъ, традиціямъ и привычкамъ, пропаганда еще возможна и при настоящихъ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ. Только тогда будетъ обезпеченъ для террористовъ притокъ изъ населенія свѣжихъ силъ необходимыхъ для упорной и долговременной борьбы.

2) Террористическая партія должна на практикѣ доказать пригодность тѣхъ средствъ, которыя она употребляетъ для своей цѣли. Системой послѣдовательнаго террора, неумолимо карающаго правительство за каждое насиліе надъ свободой, она должна добиться окончательной его дезорганизаціи, деморализаціи и ослабленія. Она должна сдѣлать его неспособнымъ и безсильнымъ принимать какія бы то ни было мѣры къ подавленію мысли и дѣятельности, направленной къ народному благу.

Этими двумя путями она уже сдѣлаетъ свой способъ борьбы традиціоннымъ и уничтожитъ самую возможность деспотизма въ будущемъ.

Какъ выполнятъ свою задачу современные террористы, это покажетъ будущее. Но мы твердо увѣрены, что террористическое движеніе обойдетъ всѣ лежащія на его пути препятствія и торжествомъ своего дѣла докажетъ всѣмъ противникамъ, что оно вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ современной дѣйствительности, выдвигающимъ на первый планъ такого рода борьбу.

Николай Морозовъ.

Документы Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

I.

БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ."

Они этого хотѣли и они этого дождались...

Своими чудовищно жестокими и беззастѣнчивыми мѣрами они заставили всѣхъ потерять вѣру въ возможность какой бы то ни было мирной работы.

Попираніемъ закона, издѣвательствомъ надъ честью и неприкосновенностью личности они внушили всѣмъ ужасъ и отвращеніе къ себѣ.

Печать они задушили въ тискахъ цензурныхъ циркуляровъ.

Университеты они превратили въ дворы для постоя солдатъ и полиціи.

Они убили земство и уничтожили судъ.

Они душатъ евреевъ, поляковъ, финляндцевъ и прочія народности.

Всю страну они наводнили шпіонами.

Всѣ тюрьмы они наполнили рабочими и молодежью.

Они опустошили столицы отъ интеллигенціи и разослали ее.

Весь народъ они раззорили непомѣрными налогами и, раззоривъ, окружили его высокой стѣной полицейской охраны, не пропуская никого на помощь въ деревню, въ это царство голодовокъ и смерти.

Повсюду свистятъ нагайки и сверкаютъ обнаженныя шашки.

Безоружныхъ рабочихъ разстрѣливаютъ на улицахъ.

Вся Россія отдана во власть казаковъ и городовыхъ, и превращена въ сплошное побоище.

Все это дѣлаютъ наши министры, наши генералъ-губернаторы и прочіе царскіе слуги.

И мы не предвидимъ, гдѣ конецъ этимъ жестокостямъ, этимъ звѣрствамъ.

Мы не знамъ, какими ужасами еще наполнятъ страну наши правители, но мы знамъ, что нѣтъ ужасовъ, нѣтъ звѣрствъ, которыхъ они съ легкимъ сердцемъ не сѣяли бы вокругъ себя.

Мы не видимъ силы, которая сдерживала бы своеволіе этихъ кровожадныхъ и корыстныхъ временщиковъ, безконтрольно и безнаказанно распоряжающихся достояніемъ и жизнью 130 милліоновъ людей.

Все вокругъ безропотно несетъ это позорное иго, все трусливо прячетъ свое негодованіе, свое гражданское чувство, и этой рабской покорностью только усиливается гнетъ, увеличивается наглость нашихъ властителей.

Мы, соціалисты-революціонеры, признаемъ, что всякій, кто не препятствуетъ злодѣяніямъ, совершаемымъ правительствомъ, является не только попустителемъ, но и пособникомъ его.

Лишенные возможности какимъ бы то ни было мирнымъ способомъ противодѣйствовать этимъ злодѣяніямъ, мы, сознательное меньшинство, считаемъ не только своимъ правомъ, но и своей священной обязанностью — несмотря на все отвращеніе, внушаемое намъ такими способами борьбы — на насиліе отвѣчать насиліемъ, за проливаемую народную кровь платить кровью его угнетателей.

Мы слагаемъ отвѣтственность за всѣ ужасы этой борьбы на правительство, которое вынудило насъ ступить на этотъ путь.

Послѣ демонстраціи 4-го марта 1901 г. Сипягинъ заявилъ, что онъ „кровью зальетъ Петербургъ при первой же попыткѣ къ новой демонстраціи“, а на протестъ литераторовъ противъ возмутительнаго побоища на Казанской площади онъ отвѣтилъ, что „отучитъ этихъ писателишекъ не только говорить, но и думать по своему“.

Въ странѣ, гдѣ при выраженіи мирнаго протеста министры намѣреваются залить кровью столицу, и имѣютъ полную возможность осуществить это на дѣлѣ, въ странѣ, гдѣ они ставятъ себѣ цѣлью принудить къ молчанію однихъ, въ тотъ моментъ, когда это имъ удается, неизбѣжно должны заговорить другіе, на языкѣ иномъ.

Свистъ пули — вотъ единственно возможный теперь разговоръ съ нашими министрами, пока они не научатся понимать общечеловѣческую рѣчь и прислушиваться къ голосу страны.

Намъ не зачѣмъ объяснять, почему казненъ Сипягинъ. Его преступленія слишкомъ всѣмъ извѣстны, его жизнь слишкомъ всѣми проклиналась, его смерть слишкомъ всѣми привѣтствуется.

Министры запершись въ своихъ недоступныхъ кабинетахъ, окруживъ себя жандармской охраной, вершаютъ зло и неправду, расчитывая на полную свою безнаказанность.

Отчаянно смѣлый и блестяще выполненный актъ революціонера Степана Валеріановича Балмашева докажетъ имъ, что люди, готовые жизнью своей пожертвовать за благо народа, съумѣютъ достать враговъ этого народа, для свершенія надъ ними праваго суда.

Сипягинъ казненъ въ комитетѣ министровъ не случайно. Въ этомъ комитетѣ онъ совершалъ свои преступленія. Здѣсь вырабатывались и утверждались его невыразимо жестокія мѣры. Отсюда сѣялось зло и несчастье на всю Россію. Здѣсь попирались ногами самыя ненарушимыя права человѣческія, здѣсь онъ старался умертвить живой духъ и живыя силы русскаго народа и здѣсь же онъ, какъ сраженный ударомъ грома палъ къ ногамъ судьи-мстителя.

„По дѣламъ вашимъ воздастя вамъ".

И пусть казнь этого врага народа напомнитъ всѣмъ, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбы Россіи, что и для ея безправныхъ и малодушныхъ сыновъ есть предѣлъ униженій и гнета, за которымъ даже самый робкій вѣрноподданный превращается въ самоотверженнаго борца и грознаго мстителя.

Этотъ моментъ для нашей родины наступаетъ теперь. Правительственный произволъ становится все болѣе и болѣе невыносимымъ и оскорбительнымъ. Всеобщее возмущеніе противъ него растетъ съ каждымъ днемъ...

Занимается заря великой борьбы, грозящей ужасами и бѣдствіями наполнить всю страну...

Предотвратить ее возможно только однимъ — предоставивъ народу возможность мирными и культурными способами сдерживать произволъ представителей власти.

Мы требуемъ немедленнаго прекращенія производства по всѣмъ дѣламъ политическаго характера и освобожденія всѣхъ политическихъ заключенныхъ.

Мы требуемъ немедленной отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ и правилъ національныхъ и сословныхъ ограниченій и изъятій, свободы собраній, печати и слова.

Мы требуемъ созыва всенароднаго Земскаго Собора.

Боевая Организація
Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

С.-Петербургъ, 3-го Апрѣля 1902 г.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

II.

15-го ИЮЛЯ 1904 г.

«По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ!»

Плеве убитъ... Съ 15-го іюля вся Россія не устаетъ повторять эти два слова, — два коротенькихъ слова, купленныхъ огромной цѣной, — цѣной крови, цѣной безмѣрной отваги, двигающей горами вѣры и, за други своя полагающей животъ свой, любви.

Еще недавно казалось, что сумеркамъ нѣтъ конца, и что въ упорной и скрытой видимой лишь немногими, борьбѣ на жизнь и на смерть, побѣда снова и окончательно склонилась на сторону того, чья жестокость не щадила и младенцевъ, и чье безстыдство заставляло краснѣть даже тѣхъ, въ комъ совѣсть спитъ, честь не пробуждалась отъ вѣка.

Зловѣщій и затерявшійся въ рабскомъ молчаніи русской жизни взрывъ въ Сѣверной гостинницѣ, казалось, знаменовалъ собой новое пораженіе передовыхъ рядовъ пробуждающагося народа. По прежнему старый временщикъ былъ спокоенъ за тройною броней своей совершенной охраны и по прежнему вся Россія изнемогла подъ его тяжелой и нечистой рукой.

Онъ объявилъ войну надвигающейся грозѣ народнаго гнѣва. Онъ хотѣлъ мертвымъ тѣломъ оффиціальной Россіи заградить дорогу новой и неудержимо рвущейся впередъ жизни. Онъ мечталъ остановить время. Ему дана была власть,—и горе тѣмъ, кто не съ нимъ и кто противъ него...

Пусть книжники и фарисеи плачутъ лицемѣрными слезами надъ пролитой кровью и совершившемся насильемъ. Не Боевая Организація повинна въ новыхъ могилахъ. Плеве поднялъ знамя террора, террора трона противъ народа, того террора, который диктуется оторопѣлой трусостью, не выбираетъ жертвъ и не щадитъ ничего. Вся страна — внѣ закона и, нѣтъ мѣры угрозамъ и произволу.

Чего онъ ждалъ, этотъ искушенный жизнею старикъ? На что надѣялся? Въ чемъ была его вѣра? Неужели онъ думалъ, что розгами можно загасить огонь ненависти, свинцомъ пуль — жажду мести, висѣлицами — отвагу?... Поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ: онъ сковалъ народу уста и народъ поднялъ оружіе.

Кто разорилъ страну и залилъ ее потоками крови? Кто вернулъ насъ къ среднимъ вѣкамъ съ еврейскимъ Гетто, съ Кишиневской бойней, съ разложившимся трупомъ святого Серафима? Кто душилъ финовъ за то, что они фины, евреевъ за то, что они евреи, армянъ за — Арменію, поляковъ за — Польшу? Кто стрѣлялъ въ насъ, голодныхъ и безоружныхъ, насиловалъ нашихъ женъ, отнималъ послѣднее достояніе? Кто, наконецъ, въ уплату по счетамъ дряхлѣющаго самодержавія послалъ умирать десятки тысячъ

сыновъ народа и опозорилъ страну ненужной войной съ Японіей? Кто?—Все тотъ-же неограниченный хозяинъ Россіи, старикъ въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, благословленный царемъ и проклятый народомъ.

Вспомните Полтаву и Харьковъ, Ростовъ и Кіевъ, Якутскъ и Тифлисъ, Гельсингфорсъ и Варшаву, вспомните Балмашева и Леккерта, вспомните Кишиневъ, вспомните все, что прошло передъ вами за послѣдніе годы, весь мракъ, всю кровь и всѣ слезы... Или и этого мало, или нужно еще оправданье?...

Тина самодержавія рождаетъ ихъ, этихъ сторожевыхъ псовъ Петергофа, и завтра, говорятъ намъ, будетъ вмѣсто Плеве другой временщикъ, не менѣе жестокій и не менѣе облеченный довѣріемъ слабоумнаго царя. Мы, какъ будто, не выигравъ ничего, потеряемъ тѣхъ лучшихъ изъ лучшихъ, кто за други своя положитъ животъ свой. А завтра опять придется начинать работу сначала, медленно класть камень за камнемъ, бороться во тьмѣ, тьмѣ самодержавія и вѣрить въ блуждающій огонекъ побѣды.

Да, „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, и многострадальная русская революція потребуетъ еще многихъ жертвъ и многихъ потоковъ крови. Мы знаемъ это и безъ сомнѣній и страха смотримъ въ глаза безстрастной исторіи. Смерть Плеве только шагъ впередъ по пути освобожденія народа. Путь далекъ и труденъ, но начало положено и дорога ясна: Карповичъ и Балмашевъ, Гершуни и Покотиловъ, неизвѣстные въ Уфѣ и неизвѣстный у Варшавскаго вокзала указали ее намъ. Судный день самодержавія близокъ. Побѣждаетъ тотъ, кто силенъ, кто чтитъ волю народа.

Старое знамя нашихъ отцовъ гордо поднято сыновьями. Оно зоветъ насъ къ отомщенью и ручается за побѣду. Пусть погибнутъ десятки борцовъ — на ихъ мѣсто явятся новые, и ряды ихъ не порѣдѣютъ. И если смерть одного изъ многихъ слугъ ненавидимаго народомъ царя не знаменуетъ еще крушенія самодержавія, то организованный терроръ, завѣщанный намъ братьями и отцами, довершитъ дѣло народной революціи. Vivos voco! Въ комъ есть отвага и вѣра, любовь и ненависть, сила и жажда мести, кто предчувствуетъ надвигающуюся грозу и знаетъ, что прошло время тайныхъ словъ и насталъ часъ открытой борьбы, — тотъ придетъ подъ наши, залитыя кровью, знамена, тотъ вспомянетъ завѣты Народной Воли и, свято чтя память погибшихъ, пойдетъ въ переднихъ рядахъ пробудившагося народа.

Да здравствуетъ Народная Воля!
Да здравствуетъ революціонный соціализмъ!
Да погибнетъ царь и самодержавіе!

Боевая Организація
Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

III.

ПИСЬМО ИВАНА ПЛАТОНОВИЧА КАЛЯЕВА КЪ ТОВАРИЩАМЪ.

Дорогіе мои, хочу еще разъ съ этимъ листочкомъ бумаги улетѣть къ вамъ сердцемъ, обнять васъ воздушными объятіями и напомнить, какъ я васъ всѣхъ люблю. Противъ всѣхъ моихъ заботъ я остался 4-го февраля живъ. Я бросилъ на разстояніи 4-хъ шаговъ, не болѣе, съ разбѣга въ упоръ, я былъ захваченъ вихремъ взрыва, видѣлъ какъ разрывается карета... Послѣ того, какъ облако разсѣялось, я оказался у остатковъ заднихъ колесъ. Помню, въ меня пахнуло дымомъ и щепками прямо въ лицо, сорвало шапку. Я не упалъ и только отвернулъ лицо. Потомъ увидѣлъ въ шагахъ 5-ти отъ себя, ближе къ воротамъ, комья в. к., одежды и обнаженное тѣло... Въ шагахъ, 10-ти за каретой лежала моя шапка, я подошелъ и поднялъ ее и надѣлъ. Я оглядѣлся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висѣли клочья и вся она обгорѣла. Съ лица обильно лилась кровь, и я понялъ, что мнѣ не уйдти, хотя было нѣсколько долгихъ мгновеній, когда никого не было вокругъ. Я пошелъ... Въ это время послышалось сзади „держи, держи“, — на меня чуть не наѣхали сыщичьи сани и чьи то руки овладѣли мною. Я не сопротивлялся. Вокругъ меня засуетились городовой, околодокъ и сыщикъ, противный... „Смотрите, нѣтъ ли револьвера, ахъ, слава Богу, и какъ это меня не убило, вѣдь мы были тутъ же“, проговорилъ дрожа этотъ охранникъ. Я пожалѣлъ, что не могу пустить пулю въ этого доблестнаго труса. — „Чего вы держите, не убѣгу, я свое дѣло сдѣлалъ“, сказалъ я... (Я понялъ тутъ, что я оглушенъ). „Давайте извозчика... Давайте карету“. Мы поѣхали черезъ Кремль на извозчикѣ и я задумалъ кричать: „Долой проклятаго царя, да здравствуетъ свобода, долой проклятое правительство, да здравствуетъ Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ!“ Меня привезли въ городской участокъ... Я вошелъ твердыми шагами. Было страшно противно среди этихъ жал-

кихъ трусишекъ... И я былъ дерзокъ, издѣвался надъ ними... Меня перевезли въ Якиманскую часть, въ арестный домъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ...

Прощайте, мои дорогіе, мои незабвенные. Вы меня просили не торопиться умирать и дѣйствительно не торопятся меня убивать. Съ тѣхъ поръ, какъ я попалъ за рѣшетку, у меня не было ни одной минуты желанія какъ нибудь сохранить жизнь. Революція дала мнѣ счастье, которое выше жизни, и вы понимаете, что моя смерть — это только очень слабая моя благодарность ей. Я считаю свою смерть послѣднимъ протестомъ противъ міра крови и слезъ и могу только сожалѣть о томъ, что у меня есть только одна жизнь, которую я бросаю, какъ вызовъ самодержавію. Я твердо надѣюсь, что наше поколѣніе съ Боевой Организаціей во главѣ покончитъ съ самодержавіемъ.

Я хотѣлъ бы только, чтобы никто не подумалъ обо мнѣ дурно, чтобы вѣрили въ искренность моихъ чувствъ и твердость моихъ убѣжденій до конца. Помилованіе я считалъ бы позоромъ. Простите, если въ моемъ поведеніи внѣ партійныхъ интересовъ были какія либо неровности. Я пережилъ довольно острой муки по поводу нелѣпыхъ слуховъ о свиданіи съ велик. княгиней, которыми меня разстравляли въ тюрьмѣ. Я думалъ, что я опозоренъ... Какъ только я получилъ возможность писать, я написалъ письмо в. к., считая ее виновницей сплетни. Потомъ, послѣ суда, мнѣ было непріятно, что я нарушилъ свою корректность къ в. к.... На судѣ я перешелъ въ наступленіе не вслѣдствіе аффекта, а потому, что не видѣлъ другого смысла: судьи и особенно предсѣдатель — дѣйствительно мерзавцы, и мнѣ просто противно открывать что нибудь имъ изъ моей души, кромѣ ненависти... Въ кассаціонной жалобѣ я старался провести строго партійный взглядъ и думаю, что ничѣмъ не повредилъ интересамъ партіи своимъ заявленіемъ на судѣ. Я заявилъ, что убійство вел. князя есть обвинительный актъ противъ правительства и царскаго дома. Поэтому въ приговорѣ вставлено „дядя Е. В.“ Я написалъ въ кассаціонной жалобѣ, что въ дѣлѣ противъ в. к. мнѣ не было нужды дѣйствовать противъ личности царя, какъ племянника, и потому заявилъ протестъ, имѣя въ виду будущій процессъ...

Обнимаю, цѣлую васъ. Вѣрьте, что я всегда съ вами до послѣдняго издыханія. Еще разъ прощайте.

Вашъ И. Каляевъ.

IV.

4 ФЕВРАЛЯ.

Царь и его правительство получили новое грозное предостереженіе. 4-го февраля въ Москвѣ членомъ Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ убитъ великій князь Сергѣй Александровичъ. По странной иронiи судьбы приговоръ надъ нимъ былъ приведенъ въ исполненіе въ Кремлѣ на Сенатской площади у зданія судебныхъ установленій вблизи казармъ, арсенала, при бдительной стражѣ сыщиковъ, городовыхъ и прочей своры царскихъ прислужниковъ. Тонко придуманная система надзора не могла спасти народнаго палача. По одному его намеку тысячи шпіоновъ были готовы ловить, тысячи ружей разстрѣливать, десятки пушекъ ждали его приказаній, чтобы сѣять смерть. И всѣ эти сабли, ружья, пушки были тутъ-же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, командующаго войсками округа. Агенты охраннаго отдѣленія ѣхали позади его кареты, сыщики были разставлены по всему пути его слѣдованія. Казалось, за плотной стѣной надзора и вооруженной охраны сподвижникъ самодержавнаго царя и вдохновитель реакціи могъ себя чувствовать спокойно.

И что же осталось отъ этого всесильнаго представителя произвола?

Передъ энергіей революціонной организаціи оказались безсильными полки солдатъ, эскадроны жандармовъ, штабы сыщиковъ. Въ борьбѣ за попранное право самоотверженный товарищъ преодолѣлъ всѣ препятствія.

Въ манифестѣ о смерти Сергѣя царь назвалъ его своимъ другомъ. Да, это былъ другъ царя, другъ деспотизма. Когда „первопрестольная“ Москва, этотъ оплотъ православія, начала проявлять признаки недовольства, Александръ III послалъ владѣть ею своего друга Сергѣя. Цѣлый рядъ промышленныхъ районовъ съ сотнями тысячъ

рабочаго населенія поступили въ безраздѣльное владѣніе великаго князя. Ни одинъ временщикъ-министръ не смѣлъ вмѣшиваться въ его распоряженія. Да Сергѣй и не нуждался ни въ какихъ указаніяхъ. Онъ самъ отлично понималъ, какъ служить по „завѣтамъ прародителей нашихъ". Онъ принесъ съ собой всѣ историческія особенности романовскаго дома: жестокость тирановъ, подозрительность жандармовъ, трусость преступниковъ и цинизмъ развратниковъ. Москва сдѣлалась ареной оргій самодержавія. Тысячью шпіонскихъ глазъ слѣдилъ Сергѣй за ввѣренными милліонами живыхъ людей. Никто не могъ заявить протеста: смѣльчаковъ ждала тюрьма. Скоро онѣ переполнились жертвами произвола. Честная мысль задушена, свободное слово казнено; съ холодной жестокостью прирожденнаго тирана Сергѣй наслаждается страданіями угнетенныхъ массъ. Въ короткіе промежутки между развратомъ и истязаніями онъ ѣздилъ на поклоненіе иконамъ.

Наступилъ день коронаціи Николая II. Сотни тысячъ темныхъ простолюдиновъ, обращенныхъ въ рабское состояніе, пошли на Ходынку за царской подачкой. Безчисленныя войска охраняли въ это время пировавшихъ господъ. До народа никому не было дѣла. И вотъ произошла потрясающая катастрофа. Какъ въ эпоху римскихъ цезарей, обездоленной массѣ пообѣщали „хлѣба и зрѣлищъ". Въ погонѣ за ними люди давили, топтали, увѣчили другъ друга. И въ день царскаго веселья съ Ходынки тянулись безконечныя погребальныя процессіи. Повезли на Ваганьковское кладбище груды изуродованныхъ труповъ. Никто не смѣлъ назвать виновника неслыханнаго преступленія. Но народная молва заклеймила его новой, позорной кличкой: отнынѣ Сергѣя назвали „Великимъ княземъ Ходынскимъ".

Вскорѣ послѣ того въ рукахъ Сергѣя сосредоточивается власть командующаго военнымъ округомъ. Новыя еще, болѣе жестокія репрессіи отмѣчаютъ его дѣятельность. Гдѣ замѣчались только признаки недовольства, тамъ появлялись посланныя Сергѣемъ солдаты. Пулями и штыками, застѣнкомъ и ссылкой отвѣчалъ онъ на запросы измученной массы. Она изнемогала, — онъ убивалъ! Она рвалась изъ впившихся въ нее путъ, — онъ ковалъ новыя цѣпи! Насиліе, надругательство, истязаніе безъ конца и безъ счета!...

Кто подведетъ итоги его злодѣйствамъ? Кто назоветъ цифру его жертвъ? Онѣ уже сосчитаны народнымъ негодованіемъ.

Сергѣй сдѣлался образцомъ, которому слѣдовали другіе тираны. Царь не уставалъ благодарить его и осыпать своими милостями. Большіе и маленькіе самодержцы вдохновлялись его примѣромъ и по указу его величества казнили борцовъ за свободу. Но скоро Сергѣй понялъ, что одними убійствами ему не подавить народнаго недовольства. Онъ понялъ, что наступила пора угасить душу мятежныхъ движеній. И вотъ онъ даетъ широкій просторъ провокаціи. Жандармы и шпіоны во главѣ съ Зубатовымъ проникаютъ въ рабочія массы. Здѣсь они дѣйствуютъ при помощи старыхъ, испытанныхъ средствъ, путемъ наглаго обмана и подкупа. Они находятъ непокорныхъ рабочихъ, сознавшихъ, что подъ игомъ царскаго самодержавія нѣтъ мѣста справедливости и свободѣ, — ихъ, заключаютъ и ссылаютъ. Оставшихся безсознательныхъ рабочихъ развращаютъ увѣреніями, что самодержавіе печется о нуждахъ народа и лишь крамольники интеллигенты мѣшаютъ царю проявлять всю его заботливость объ угнетенныхъ массахъ. Рабочихъ натравливаютъ на молодежь, на интеллигенцію, на всѣхъ борцовъ съ произволомъ. Ту же систему провокаціи и предательства Сергѣй вводитъ и въ школѣ, университетѣ, ученыхъ и просвѣтительныхъ обществахъ; онъ проложилъ ей путь въ семью, и онъ отравилъ самый воздухъ. Онъ распространялъ духовное рабство, онъ прививалъ обществу недовѣріе и тревогу. Люди перестали вѣрить другъ другу. Подозрительность поселилась въ каждомъ человѣкѣ... Всюду чудились шпіоны, и за ними — страданіе, тюрьмы и раззореніе. И въ этой атмосферѣ лжи, насилія, подкупа и предательства безраздѣльно царствовалъ Сергѣй.

Это называлось „благополучнымъ“ царствованіемъ. Но благополучнымъ оно было лишь по виду. Въ глубинѣ назрѣвали грозныя событія. Народное недовольство становилось все острѣе, разливалось все шире. Наружу оно вылилось въ формѣ студенческихъ волненій, стачекъ, изрѣдка демонстрацій. Но на всѣ самыя мирныя заявленія народныхъ требованій у правительства былъ одинъ отвѣтъ — жестокія, чисто азіатскія репрессіи, вплоть до отдачи студентовъ въ солдаты и истязанія демонстрантовъ на улицахъ и въ участкахъ. На ряду съ старыми способами борьбы, становилась неизбѣжной борьба съ оружіемъ въ рукахъ. И наша партія не отступила передъ той задачей, которую поставила исторія передъ русскими революціонерами. Она взяла въ руки оружіе террора. Министръ Сипягинъ палъ отъ руки члена Боевой Организаціи. Моло-

дой герой казнилъ народнаго тирана. Нашей родиной овладѣлъ новый временщикъ — Плеве. Съ тѣхъ поръ въ сознаніи общества жили неразрывно три имена: Плеве, Сергѣй, Побѣдоносцевъ. Они были главными создателями и исполнителями той универсальной системы сыска и угнетенія, которую теперь сбрасываетъ съ себя наша родина. Даже времена средневѣковья блѣднѣютъ передъ ужасами, съ легкимъ сердцемъ созданными этой презрѣнной троицей. Они не останавливались ни передъ чѣмъ для поддержанія поколебавшагося Романовскаго трона. И когда взрывы народныхъ волненій показали имъ все ихъ безсиліе передъ революціонной Россіей, они не задумались обречь нашу родину на безславную войну. Къ ужасамъ внутри страны они прибавили позоръ, обнищаніе народа, море его крови на поляхъ Манджуріи, захваченной царскими клевретами въ цѣляхъ грабежа.

Но и для Плеве пробилъ часъ возмездія. Боевая Организація вынесла ему смертный приговоръ и никакая охрана не могла его спасти. Царское правительство пришло въ ужасъ. Оно растерялось. Оно начало игру съ народомъ, старую игру обманомъ, за которымъ скрывалась прежняя политика насилія и крови. Народъ протестуетъ противъ отвратительной бойни, — правительство открываетъ двери тюремъ. Народъ стонетъ и кричитъ о своихъ нуждахъ, — оно отвѣчаетъ лживыми манифестами. Народъ выходитъ на улицы, чтобы демонстраціями заявить о своихъ страданіяхъ, — оно рубитъ его саблями жандармовъ и истязаетъ нагайками казаковъ. Въ числѣ первыхъ, подавшихъ сигналъ къ кровавой расправѣ съ мирными демонстрантами, былъ Сергѣй и его правая рука—Треповъ. Вспомните декабрьскія событія въ Москвѣ — это былъ грозный взрывъ народнаго протеста. Сергѣй зналъ, что насиліе надъ демонстрантами не останется безнаказаннымъ. Онъ получилъ предостереженіе отъ Московскаго комитета нашей партіи. Быть можетъ, отказавшись отъ генералъ-губернаторства, Сергѣй думалъ избѣжать возмездія. Онъ ошибся! Слишкомъ много числилось за нимъ въ прошломъ, слишкомъ значительна была его послѣдующая роль вдохновителя петербургской расправы. Здѣсь, въ Петербургѣ, народный гнѣвъ искалъ себѣ выхода. Началась стачка. Рабочая масса пыталась испробовать всѣ средства мирнаго соглашенія. Безоружная и довѣрчивая шла она къ зимнему дворцу для врученія царю своей петиціи. Царь, князья Владиміръ, Сергѣй, вся царская семья, все правительство, каждый офицеръ, каждый сыщикъ знали о

готовившемся мирномъ шествіи изнемогшихъ въ нуждѣ труженниковъ. И царь на домашнемъ совѣтѣ обсудилъ и приготовилъ народу кровавую встрѣчу. По настоянію Сергѣя и Владиміра, онъ вывелъ войска изъ казармъ. Онъ вооружилъ солдатъ и залилъ улицы Петербурга кровью рабочихъ, ихъ женъ, стариковъ, дѣтей. И вотъ въ дни, когда кровь мучениковъ вопіетъ къ небу о мщеніи, когда вся наша родина изнемогаетъ отъ жажды наказать убійцъ, Боевая Организація дала удовлетвореніе напряженному чувству справедливости. О, конечно, на мѣсто одного князя явится и явился уже другой великій князь. Много еще малыхъ князей, князьковъ, свѣтлостей, превосходительствъ, преосвященствъ во главѣ съ самимъ величествомъ, мечтающихъ сохранить старый, терзающій нашу родину, порядокъ. Но теперь имъ не остановить волнующагося народнаго моря ни жестокостями, ни лживыми манифестами, ни либеральными затѣями.

Четвертое февраля — это подземный толчекъ возставшей стихіи. Это лишь искра, выброшенная на мигъ вулканомъ народнаго негодованія. Теперь онъ кипитъ, волнуется, клокочетъ. И скопившаяся въ немъ огненная сила рвется наружу, чтобы охватить очищающимъ пламенемъ все скопище народныхъ враговъ. Наконецъ, четвертое февраля — это сильный ударъ той придворной камарильѣ, которая путемъ закулисныхъ интригъ пытается руководить всей политикой страны и потопить въ крови могучій порывъ къ свободѣ. Пробилъ часъ расплаты. Опираясь на сознавшій свое право рабочій народъ, мы не сложимъ оружія, пока не достигнемъ торжества справедливости.

Долой самодержавіе!
Да здравствуетъ Народная Воля!
Да здравствуетъ соціальная революція!

Февраль 1905 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ
Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

IV.

НИКОЛАЙ II, ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

(ПО ПОВОДУ ДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕГО ЦАРСТВОВАНІЯ.)

Всѣ еще помнятъ, какими „безсмысленными мечтаніями“ началось это царствованіе. Давно уже въ Россіи не было такого молодого монарха; давно уже русскій царь не всходилъ на тронъ при такихъ счастливыхъ условіяхъ. Глубокій миръ во внѣ, небывалое еще спокойствіе внутри — вотъ какое невиданное наслѣдство ему досталось. Наконецъ насталъ, казалось многимъ, такъ давно жданный день, когда русскій самодержецъ раскроетъ свои объятія подданнымъ. Если не велѣніе государственнаго долга, — думали обыватели, — то просто чувство молодости заставитъ новаго монарха пойти на встрѣчу довѣрчиво тянувшемуся къ нему обществу. Наконецъ, человѣкъ же онъ... Неужели же этотъ юноша, почти мальчикъ, не содрогнется передъ тяжестью отвѣтственности, какая выпала на его долю? Неужели онъ не пожелаетъ ни съ кѣмъ раздѣлить думу и заботу о счастьѣ многомилліоннаго народа? Такъ или иначе, но придавленное тяжелою стопою Миротворца русское общество надѣялось вздохнуть свободнѣе.

Мечтанія эти воистину были безсмысленны; никто однако не думалъ, что навѣянныя ими иллюзіи будутъ такъ быстротечны. Онѣ разсѣялись при первомъ же появленіи Николая II на государственной аренѣ. Только воображеніе сатирика могло предвосхитить разыгравшуюся при этомъ сцену. Молодой монархъ, на котораго съ умиленіемъ взирали близорукіе люди, оказался завзятымъ помпадуромъ. „Не потерплю“ — выкрикнулъ этотъ мальчишка собравшимся со всей страны къ нему на поклонъ старцамъ. Весь міръ былъ изумленъ разыгравшимся на его глазахъ фарсомъ... Но это былъ не фарсъ, — это былъ

прологъ къ переживаемой теперь русскимъ народомъ тяжелой драмѣ.

Николай II началъ свое знаменитое „шествіе по стопамъ незабвеннаго родителя“, — и русская исторія продолжала свое теченіе въ прежнемъ направленіи.

Плоды „неустаннаго попеченія“ русскихъ самодержцевъ о благѣ ихъ вѣрныхъ подданныхъ сказались уже при Александрѣ III, когда небывалый по размѣрамъ голодъ потрясъ весь народно-хозяйственный организмъ Россіи. Теперь голодовки сдѣлались хроническими. Но онѣ не остановили, конечно, такъ удачно начатаго „шествія“. У вѣрнаго завѣтамъ предковъ монарха противъ нихъ имѣлись испытанныя средства. Политика урѣзыванія и замалчиванія расцвѣла при Николаѣ пышнымъ цвѣтомъ и пред принятая ради этой цѣли продовольственная реформа увѣнчалась, можно сказать, полнымъ успѣхомъ. Но... чѣмъ успѣшнѣе подвигалось „шествіе“, тѣмъ ближе становились его историческіе предѣлы. Въ обреченной на вымираніе деревнѣ начались судороги. Крестьянскія волненія сдѣлались зауряднымъ явленіемъ и стали охватывать громадные районы. Русскому самодержцу не впервой однако прокладывать себѣ дорогу силой. И вотъ надъ забитою деревнею засвистѣла розга, истощенныя поля обагрились кровью.

Въ городѣ процессъ протекалъ еще быстрѣе. „Неуклонно шествуя по стопамъ незабвеннаго родителя своего“, Николай II довелъ покровительство отечественной промышленности до невиданныхъ еще размѣровъ. Съ этой цѣлью были найдены и пущены въ ходъ новыя сильнодѣйствующія средства. Достаточно напомнить, что только на желѣзныя дороги „приказчикъ своего государя“ ухлопалъ милліарды народныхъ рессурсовъ. Успѣхъ былъ необычайный. „Мы все можемъ“ — заявили купцы и промышленники, собравшись въ 1896 г. на всероссійское торжище. Но и здѣсь, чѣмъ больше былъ успѣхъ, тѣмъ неизбѣжнѣе были его конечные результаты. „Небывалый подъемъ“ торгово-промышленнаго оживленія очень скоро смѣнился затяжнымъ кризисомъ. Всѣ попытки предотвратить его многомилліонными подачками, какія направо и налѣво раздавались предпринимателямъ, оказались тщетными. Рабочія массы, которыя на своихъ плечахъ должны были выносить главную тяжесть этого бѣдствія, все чаще и чаще стали появляться на улицѣ, все больше и больше начали угрожать „шествію“. Но русскій самодержецъ не желалъ

остановиться. Города были отданы во власть штыку и нагайкѣ; мостовыя уже многихъ городовъ политы кровью...

Но едва ли не дальше всего Николай II подвинулся въ сферѣ международныхъ отношеній. Шествуя по стопамъ Миротворца, онъ собралъ конференцію въ Гаагѣ: вѣчный миръ желалъ онъ подарить европѣ. Пока же... устроилъ маленькое кровопусканіе Китаю. Задуманные отцомъ планы онъ развернулъ въ широкую авантюру. Не довольствуясь Квантуномъ, онъ наложилъ свою лапу на Маньчжурію и уже подбирался къ Кореѣ. Пользуясь страхомъ, какой внушала Европѣ сжатая въ кулакъ Россія, онъ, быть можетъ, уже мечталъ увидѣть себя самодержцемъ всей Азіи. Но... къ кулаку присмотрѣлись и онъ потерялъ свое обаяніе. Пресловутый миръ разразился неслыханнымъ кровопролитіемъ. Высоко занесенный кулакъ оказался безсильнымъ отразить даже маленькаго японца. Почтеніе и страхъ къ нему смѣнились насмѣшкой и презрѣніемъ. Внутри страны авантюра, какъ оказалось, не имѣла ни одного искренняго приверженца. Народной массѣ война представляется безцѣльной и ненужной. Сквозь вопли, которыми сопровождается мобилизація, уже стала прорываться злоба; затаенное недовольство уже сказалось въ грабежахъ и погромахъ... Самодержецъ желаетъ однако во чтобы то ни стало побѣды. Упорствующихъ онъ подгонитъ пулями; не только Маньчжурію, но и путь къ ней уже начали поливать кровью.

Да, „шествіе“ подвигается успѣшно. Мы прослѣдили его въ трехъ направленіяхъ — и вездѣ уже оно достигло предѣла. Стрѣляютъ въ крестьянъ, не желающихъ умирать съ голоду; стрѣляютъ въ рабочихъ, лишаемыхъ заработка; стрѣляютъ въ запасныхъ, отправляемыхъ на бойню... Въ сущности вся страна находится подъ выстрѣлами, во всѣхъ областяхъ жизни верховнымъ вершителемъ является насиліе. Въ самомъ дѣлѣ нужно ли говорить про организованныя избіенія евреевъ, про разгромъ гордившейся своею лойяльностью Финляндіи, грабежи и насилія на Кавказѣ? Нужно ли напоминать о томъ, что творится въ школѣ, въ литературѣ, въ земствѣ?... Повсюду жизнь сдѣлалась невозможной.

Коллизія опредѣлилась и должна разрѣшиться. Съ одной стороны маленькій султанъ, котораго исторія надѣлила самовластьемъ, съ другой — великій народъ, который долженъ самъ ковать свое счастья. Идти вмѣстѣ по историческому пути они больше уже не могутъ. Русскій само-

держецъ долженъ прекратить свое шествіе, иначе русскій народъ истечетъ кровью.

Таковъ смыслъ великой драмы и она уже вся развернулась передъ нами.

Прошло лишь десять лѣтъ — и отъ завиднаго наслѣдства ничего не осталось. Грозная, кровопролитная война извнѣ и нескончаемыя междоусобныя брани внутри: такъ радикально измѣнилась обстановка. Но мечтанія опять возродились и теперь уже совсѣмъ не въ безсмысленной формѣ. Какъ и десять лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ опять собрались старцы и предъявили Николаю уже не только вѣрноподданническія чувства, но и пункты. Эти пункты — и при томъ много ярче, чѣмъ ихъ съумѣли выразить земцы, — написаны кровью народа и будутъ поддержаны всѣми живыми силами, какія найдутся въ странѣ. Сознательная мысль за десять лѣтъ сдѣлала большіе успѣхи и не далекъ уже день, когда она объединитъ разрозненныя и нерѣдко судорожныя движенія массъ въ одномъ грозномъ и планомѣрномъ порывѣ. Да, мы уже подошли къ развязкѣ.

Въ эту минуту, когда приходится переживать самыя тяжкія бѣдствія, когда пришла пора рѣшать самыя трудныя задачи, странно какъ то даже подумать, что судьбы необъятной страны и многомилліоннаго народа зависятъ въ концѣ концовъ отъ невзрачнаго и ограниченнаго человѣчка, который съ 1894 г. возсѣдаетъ на русскомъ тронѣ.

Личность Николая II давно уже опредѣлилась. Она опредѣлилась уже тогда, когда съ трупомъ Миротворца онъ путешествовалъ по Россіи. Ему внушили, что эта падаль — божество, и онъ съ увлеченіемъ отдался его культу. Характеръ вліяній, которыя должны были опредѣлить царствованіе Николая II, еще яснѣе сказался въ упомянутой уже нами его рѣчи къ депутатамъ отъ сословій, областей и городовъ, — въ рѣчи, которая самодержцемъ была плохо даже заучена. Эти вліянія управляли шествіемъ; самъ же Николай годился лишь для отмѣтокъ. „Отрадно“, утѣшительно“ — читали обыватели; и вдругъ: „молодцы, фанагорійцы!“ — молодцы за то, что они хорошо стрѣляли въ безоружныхъ рабочихъ. Самодержецъ оказался органьчикомъ, изъ котораго каждый министръ могъ извлекать какіе угодно звуки.

„Сильная безхарактерность“ должна была однако на чемъ либо утвердится, — и божественная идея самодер-

жавія явилась тѣмъ щитомъ, который долженъ былъ прикрыть безвольнаго монарха. Она превратилась у него въ манію, подъ часъ злобную, еще чаще смѣхотворную. Начались самодержавныя турнэ по Россіи и по заграницамъ: влюбленный въ свое самодержавіе Николай охотно позволялъ — по мѣткому выраженію одного публициста — торговать собою распивочно и на выносъ. Обстановка этихъ путешествій могла бы вскружить и болѣе крѣпкую голову. Одно лишь огорчало самодержца — отсутствіе наслѣдника. Между земнымъ богомъ и небеснымъ нужны были посредники. За ними дѣло, конечно, не стало. Молитвы Іоанна Кронштадтскаго, пассы международнаго шарлатана, снадобья тибетской медицины, броунъ-секаровская жидкость, полуистлѣвшія кости Серафима Саровскаго — все было пущено въ ходъ для этой цѣли. И не безъ успѣха: съ рожденіемъ младенца Алексѣя Николай II достигъ вершины самодержавнаго счастья... достигъ въ тотъ самый моментъ, когда бѣдствія страны дошли до кульминаціоннаго пункта и чаша народнаго долготерпѣнія переполнилась.

Но онъ счастливъ — и готовъ подѣлиться своимъ счастьемъ. Въ своемъ упоеніи онъ не замѣтилъ и не замѣчаетъ того, что уже долгіе годы шествуетъ по трупамъ. Онъ не обратилъ и не обращаетъ вниманія на то, что прикащики его давно уже проторговались, что торговля на выносъ совсѣмъ прекратилась, что распивочная все меньше и меньше кружитъ головы... Онъ счастливъ и готовъ подѣлиться своимъ счастьемъ. Гордый своими успѣхами въ сношеніяхъ съ Богомъ, онъ безъ устали ѣздитъ по Россіи и благословляетъ его именемъ войска, которыя потомъ своимъ именемъ отправляетъ на бойню. Онъ везетъ двухмѣсячнаго младенца въ Ревель, вкладываетъ въ его ручонку образокъ и благословляетъ имъ обреченную на гибель эскадру. И это все, что онъ можетъ сдѣлать для народа въ самыя трудныя минуты его жизни.

Да, личность Николая II вполнѣ опредѣлилась. Этотъ ограниченный и слабовольный человѣкъ врядъ ли сумѣетъ понять, чего требуетъ отъ него исторія, этотъ заводной органчикъ врядъ ли способенъ уже издать нужные звуки. Можно думать, что ему и впредь будутъ слышнѣе нашептыванія окружающей его камарильи, чѣмъ вопли мятущихся массъ. А поученія придворныхъ сатировъ вразумительнѣе, чѣмъ бомбы борцовъ и мстителей народныхъ.

По словамъ Витте (а этому ли „прикащику“ не знать „своего государя“) Николай II — „мистически убѣжден-

ный самодержецъ". Маніяки самодержавія не въ первый уже разъ возсѣдаютъ на русскомъ тронѣ и не въ первый уже разъ они доводятъ страну до разоренія и погрома. Всѣмъ еще памятенъ Крымскій разгромъ. Николай I нашелъ однако въ себѣ силы принять яду и такимъ образомъ очистить сцену. Но на что способенъ его правнукъ, начавшій свое царствованіе фарсомъ и привыкшій проявлять свою личность только въ водевиляхъ?

„Исторія — писали мы въ первомъ номерѣ „Рев. Россіи" — не любитъ комическихъ персонажей". Она сметаетъ ихъ со сцены. Но много жертвъ еще потребуетъ отъ насъ развязка... и многими ужасными перепетіями осложнится еще русская драма. Мы глубоко вѣримъ въ благополучный исходъ послѣдней для русскаго народа. Но мы не поручимся, что та же драма не окажется для самого Николая трагедіей.

Давно уже въ одномъ изъ заграничныхъ юмористическихъ журналовъ была помѣщена такая каррикатура: на картинкѣ нарисованы два верстовыхъ столба, одинъ съ надписью „1 марта 1881 г.", другой — „20 октября 1894 г."; между ними глубокіе слѣды, проложенные стопами Миротворца. Съ большими усиліями, съ трудомъ попадая, куда слѣдуетъ, по этимъ стопамъ шествуетъ маленькій человѣчекъ. Онъ шествуетъ отъ „20 октября" и, само собой понятно, идетъ къ „1 марта".

Мы видѣли, какъ далеко подвинулось „шествіе" Николая „по стопамъ незабвеннаго родителя", — и намъ невольно вспоминается эта картинка.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ
ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Нѣсколько документовъ объ отношеніи къ царизму.

I.

ЧАСЪ БЛИЗИТСЯ.

(Изъ № 11 „Трудъ“ рабочая газета. Изд. Петербургскаго Ком. Пар. Соц.-Рев.)

„Они идутъ противъ насъ во множествѣ надменности и нечестіи, чтобы истребить насъ и женъ и дѣтей нашихъ, чтобы ограбить насъ“. (13 кн. Маккав., 3).

„Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши — на копья; слабый пусть говоритъ: я силенъ. Спѣшите и сходитесь всѣ народы окрестные! Туда, Господи веди твоихъ героевъ.

Поднимите знамя на открытой горѣ, возвысьте голосъ; махните имъ рукой, чтобы шли въ ворота властелиновъ“ (пр. Исаіи, 3, 13).

Николай II, въ непрестанныхъ заботахъ объ искорененіи крамолы, грозитъ «разгономъ» Думы и снова готовитъ погромы для успокоенія своихъ «подданныхъ». Ходятъ слухи, что и планъ «умиротворенія страны» уже готовъ, что черная сотня по волѣ монарха спѣшно вооружается за счетъ казны, ожидая себѣ добычи, а самодержцу — «славы», что повсюду уже летятъ шифрованныя телеграммы съ приказами разить и грабить враговъ самодержавія, что готовится будто бы рядъ новыхъ убійствъ для устрашенія крамольниковъ. Говорятъ, и день разгона уже назначенъ. Ждутъ лишь сигнала отъ верховнаго вождя черной сотни—самого Николая II.

Что жъ? Пусть такъ. Все это въ порядкѣ вещей. Игра съ парламентаризмомъ произграна и ждать отъ нея правительству нечего. Въ рукахъ его, несмотря на всѣ плутни, не оказалось въ сущности ни одного козыря... кромѣ червонныхъ валетовъ, отъ которыхъ толку немного, а сраму—не оберешься.

Случилось это такъ неожиданно и разочарованіе было такъ горько, что досада Николая II вполнѣ понятна. Все, повидимому, было такъ хорошо придумано и такъ хорошо налажено, что, ка-

залось, на этотъ то разъ дѣло ужъ навѣрное выгоритъ и предъ «свѣтлѣйшимъ, самодержавнѣйшимъ» въ качествѣ избранниковъ народа предстанутъ сплошь его сердцу любезные погромщики, душегубы и варнаки—эта опора трона, которая никогда ему не измѣнитъ... пока у монарха есть чѣмъ платить.

Неудивительно поэтому, что разочаровавшись въ парламентѣ и судорожно цѣпляясь за развалившееся самодержавіе, Николай II рѣшается на отчаянное средство въ надеждѣ однимъ ударомъ раздавить крамолу, сломить неспокойный народъ и снова покорить его «подъ нозѣ»...

Одно только не предусматриваетъ Николай II, — что на сей разъ онъ ставитъ на карту свою собственную голову, которую послѣ «разгона» Думы потеряетъ во всякомъ случаѣ — и въ случаѣ пораженія, и въ случаѣ побѣды. Положимъ, это его дѣло: м. б., самодержавіе ему дороже собственной головы, но, можетъ быть, и то, что, совершая безнаказанно одно преступленіе за другимъ, онъ, наконецъ, вообразилъ себя неприкосновеннымъ, полагая что никто не посмѣетъ посягнуть на «помазанника». Ничтожный маленькій человѣкъ; не знающій своего ничтожества передъ бушующимъ моремъ народнаго гнѣва! безумецъ, безсознательно подписывающій себѣ приговоръ и уничтожающій собственными руками послѣднюю возможность спасенія! Неужели онъ, этотъ маленькій человѣкъ съ большими преступленіями на душѣ, замышляющій возстановить свое самодержавіе цѣною гибели милліоновъ, надѣется сохранить свою жалкую жизнь, неужели онъ не понимаетъ, что долгая сдержанность мстителей по отношенію къ нему была ожиданіемъ того момента, когда переполнится мѣра преступленій этого человѣка, дабы къ всеобщей радости народа разомъ раздавить его какъ червя за самое страшное изъ его преступленій. Преступленіе это совершится и тиранъ будетъ уничтоженъ...

Часъ близится!

(Мартъ 1907 г.)

II.

СМЕРТЬ ЦАРИЗМА.

(Статья Ж. Жореса изъ „*L'Humanité*".*)

Отнынѣ рѣка крови легла между царемъ и его народомъ. Нанося удары рабочимъ, царизмъ смертельно ранилъ самаго себя. Даже, если на этотъ разъ населеніе Петербурга не побѣдитъ рутинную и слѣпую вѣрность солдатъ, даже, если оно не овладѣетъ Зимнимъ Дворцомъ и не провозгласитъ въ немъ свободы народа, даже если царь запрятанный за двадцать километровъ отъ столицы въ царскосельскомъ дворцѣ и ускользнетъ еще на нѣсколько дней отъ власти возставшаго народа, — все-таки царизмъ приговоренъ къ смерти. Повидимому несмотря на всѣ предыдущія разочарованія, несмотря на реакціонную лживость послѣдняго указа, рабочіе все еще ждали отъ царя словъ освобожденія и спасенія. Они вѣрили, они хотѣли вѣ-

*) Перепечатываемъ переводъ статьи Жореса изданный въ свое время въ Россіи на гектографѣ группой студентовъ-революціонеровъ. Ред.

рить что онъ лично добръ и справедливъ, но что его обманываютъ дружные совѣтники а въ тотъ день, когда онъ очутится лицомъ къ лицу съ своимъ народомъ, слушая, часть его души проснется и онъ словами свободы и справедливости отвѣтитъ на всенародное отчаяніе на всенародныя требованія. И они вѣрили этому и говорили царю: «Выслушай насъ, прими изъ нашихъ рукъ наше ходатайство. Тебѣ нечего бояться за себя. Ни одинъ волосъ не упадетъ съ твоей головы. Но сжалься надъ своимъ изнывающемъ въ рабствѣ, задыхающимся въ жадныхъ и цѣпкихъ рукахъ бюрократіи. Прими насъ, выслушай насъ!..»

Рѣшительная и трагическая минута: въ такія минуты рѣшаются судьбы мирныхъ революцій! На эту просьбу народа, своего народа, царь отвѣтилъ бойней и бойней обдуманной. Еще наканунѣ палачъ Клейгельсъ, профессіональный душитель былъ вызванъ въ Петербургъ, чтобы предоставить къ услугамъ властей свой спеціальный опытъ и свои техническія способности. Совершенно сознательно они убили сотни тысячъ русскихъ рабочихъ, напитавшихъ снѣгъ своей кровью. Да, это была сознательная бойня, это входило въ планъ репрессій. Бойня подлая и трусливая, потому что царь укрывшись въ царское село даже не явился въ Зимній Дворецъ, чтобы взглянуть въ лицо событіямъ и лично руководить бойней. По телефону узналъ онъ о залпахъ, которыми во имя его осыпали народъ. Что же онъ боялся за свою жизнь? Или онъ боялся поддаться внезапному порыву состраданія? Отвратительная предосторожность, которая налагаетъ на царя всю отвѣтственность за убійства. До сихъ поръ Россія и человѣчество могло еще вѣрить, что онъ былъ первымъ плѣнникомъ абсолютизма, что бюрократія безъ него и помимо его угнетала и разоряла народъ. До сихъ поръ можно было думать, что не онъ былъ цѣликомъ отвѣтственъ ни за Кишиневскія событія, гнуснымъ образомъ подготовленныя реакціоннымъ заговоромъ, ни за эту безсмысленную гибельную войну, невольно вызванную его слабоуміемъ. На этотъ разъ народъ обращался къ нему самому... и онъ отказался ихъ принять, онъ приказалъ закрыть доступъ къ Зимнему Дворцу, отчаяннымъ, но еще покорнымъ жалобамъ десятковъ тысячъ людей, устами которыхъ говорилъ весь русскій народъ. Онъ, находясь за предѣлами Петербурга, въ царскосельскомъ Дворцѣ, охраняемый солдатами и снѣгомъ, съ жадностью припавъ къ телефонному аппарату, минута за минутой, шагъ за шагомъ слѣдилъ, какъ топчутъ и убиваютъ его народъ. Онъ, сидя въ надежномъ убѣжищѣ и охраняя свое сердце отъ возможной вспышки состраданія, а свою особу отъ волнъ имъ же созданной трагедіи — наносилъ ударъ народу. Для того, чтобы спасти абсолютизмъ, который всѣ осуждаютъ, чтобы спасти власть приведшую Россію къ гибели, онъ истребляетъ лучшихъ сыновъ русскаго народа, тѣхъ, кто съ довѣрчивой душой просилъ его спасти родину путемъ свободы. Теперь царь — несомнѣнный убійца! Впечатлѣніе, которое эти событія произведутъ на русскій народъ, будетъ ужасное. Уже во всѣхъ классахъ оказалось, то возмущеніе противъ царизма, которое служитъ прелюдіей всѣхъ крупныхъ движеній, — также какъ наканунѣ великой революціи дворянство, духовенство и третье сословіе единодушно требовали реформъ, также и сейчасъ въ Россіи князь Трубецкой, о. Гапонъ, либеральная буржуазія и соціалисты-рабочіе подымаются

на борьбу съ самодержавіемъ. И когда такая уже разшатавшаяся власть, покрываетъ себя кровью народа — она сама произноситъ себѣ приговоръ. Все цивилизованное чиновничество содрогнется отъ негодованія. Отнынѣ царь и царизмъ будутъ отвержены всѣми націями. Какъ бы мудро не было бы рѣшеніе не вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ народовъ и не нарушать политическими соображеніями дипломатическихъ условностей, но есть такой предѣлъ преступленія, до котораго даже самодержавныя государства не смѣютъ доходить, не порывая связи съ свободными народами. Во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного конституціоннаго государя, и такого президента республики, который могъ бы спокойно и безъ неловкости, поддерживать сношенія, хотя бы основанныя на этикетѣ, съ самодержавіемъ, пытающимся залить кровью самое разумное и справедливое стремленіе къ свободѣ. Если Россія хочетъ сохранить связь съ цивилизованнымъ человѣчествомъ, она должна освободиться отъ царизма... И какъ отзовется въ сердцахъ несчастныхъ солдатъ, умирающихъ изъ-за безумной авантюры въ далекой Манджуріи, это разстрѣливаніе ихъ друзей и братьевъ въ Петербургѣ?

III.

ВЪ БОЙ ЗА СВОБОДУ.

Девятое января въ Петербургѣ — есть ли на Руси человѣкъ, который забудетъ этотъ день?

Стотысячныя толпы рабочихъ пошли къ своему царю, въ котораго еще многіе вѣрили, на котораго многіе надѣялись. Безоружные, съ женами и дѣтьми, съ крестами и иконами, они пошли къ царю — ихъ встрѣтили пушки, ружья, нагайки. Они просили свободы — тюрьма и каторга разверзлась передъ ними! Они просили хлѣба — пули и картечь посыпались въ нихъ! Они просили отдыха отъ непосильнаго, каторжнаго труда — имъ дали вѣчный отдыхъ могилы! Они просили прекращенія ужасной бойни на Востокѣ — царь устроилъ бойню на Невскомъ, на Морской, на Васильевскомъ Островѣ! Разбитый въ войнѣ съ Японіей, онъ открылъ войну съ Россіей! Тысячи труповъ легли на улицахъ столицы. Царь досыта напился народной крови.

Въ этотъ день окончательно раскрылись глаза петербургскихъ рабочихъ. Въ этотъ день они увидѣли, кто царитъ надъ Россіей. Царь это — та пушка, которая палитъ въ рабочаго, то ружье, которое стрѣляетъ въ ребенка, та нагайка, которая замахнулась надъ всѣмъ, кто хочетъ жить и дышать свободно!

Трусливый и кровожадный хищный звѣрь, царь убѣжалъ за 30 вёрстъ отъ Петербурга, чтобы не слышать просьбы народа, но не дрогнуло сердце его передъ стонами и воплями, которые за десятки верстъ доносились къ нему сквозь толстыя стѣны его роскошнаго дворца! Лицемѣръ — онъ пытается теперь распускать слухи, что онъ «не зналъ» о петербургской бойнѣ. Не зналъ! Можетъ ли управлять народомъ тотъ, кто не зналъ даже что дѣлается въ его столицѣ? Но не правда, что царь не зналъ! Царь зналъ все, и хладнокровно готовилъ бойню, иначе не бѣжалъ бы онъ еще наканунѣ изъ Петербурга отъ народнаго гнѣва! Онъ зналъ, иначе не ввелъ бы онъ на слѣдующій день

послѣ бойни осаднаго положенія и не далъ бы московскому звѣрю — Трепову права безграничнаго распоряженія надъ столицей! Онъ зналъ все: уже послѣ Петербурга — въ Москвѣ, Ригѣ, Варшавѣ, Радомѣ, Саратовѣ стрѣляли въ рабочихъ и убивали дѣтей! Онъ зналъ все: его собственный дядя, Владиміръ, распоряжался бойней, и тысячи убитыхъ вызвали у этого чудовища лишь насмѣшливыя слова: «мы просто помѣшали сборищу»! Царь зналъ все, онъ не могъ не знать!

Вотъ почему петербургскіе рабочіе пришедшіе ко дворцу съ мирной просьбою, ушли оттуда съ грознымъ крикомъ: Долой самодержавіе! Смерть царю!

День 9 января раскрылъ глаза петербургскимъ рабочимъ. Они увидѣли, что имъ нельзя бороться за лучшую долю, пока коронованный хищникъ и палачъ царитъ надъ всей Россіей. Они увидѣли, что тотъ богъ, имя котораго царь такъ часто призываетъ, тѣ иконы и кресты, которымъ онъ будто бы покланяется, нужны ему лишь для обмана народа. Кресты и иконы хороши, когда ими царь можетъ защищать себя отъ народа: когда народъ вздумаетъ защищаться ими отъ царя, царскія пули раздробили кресты и расщепили иконы. Рабочіе увидѣли, что просить милости у царя — это все равно, что ждать благодѣяній отъ разбойника на большой дорогѣ. Они увидѣли, что бороться мирными средствами невозможно тамъ, гдѣ безъ удержу царитъ грубая сила, гдѣ мирная демонстрація стоитъ больше жертвъ, чѣмъ любая кровопролитная битва.

Рабочіе всей Россіи! Захотите ли вы на себѣ, на своихъ женахъ и дѣтяхъ выучить тѣ ужасные уроки, которые такъ дорого дались нашимъ петербургскимъ братьямъ? Нѣтъ, пусть 9-ое января научитъ всѣхъ навѣки, какъ вести свою борьбу!

Будете ли вы надѣяться на царя и его министровъ? Повѣрите ли вы, лживымъ обѣщаніямъ этихъ убійцъ, которые теперь по колѣно въ крови, кричатъ о своихъ заботахъ о рабочихъ, о страхованіи увѣчныхъ, о дарованіи рабочимъ права собираться и обсуждать свои нужды? Дадитесь ли вы въ обманъ этимъ мясникамъ, которые стараются еще разъ провести васъ, чтобы собрать силы и новой бойней въ концѣ задавить рабочее движеніе? Нѣтъ, вмѣстѣ съ петербургскими товарищами кричите: долой царя, долой убійцъ и палачей!

Хотите свободы? Хотите безопасности для своихъ семей? хотите возможности вести борьбу съ эксплуатаціей? Спѣшите же на помощь и поддержку тѣмъ товарищамъ вашимъ, которые встали уже на великую борьбу за свободу! Пусть требованія петербургскихъ рабочихъ, освященныя пролитою кровью, станутъ требованіями рабочихъ всей Россіи! Долой царя! и Да здравствуетъ Всенародное Учредительное Собраніе, избранное всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Учредительное Собраніе устроитъ новый порядокъ въ государствѣ, водворитъ свободу союзовъ, стачекъ, собраній, слова, печати, совѣсти, вѣроисповѣданія!

9-го января петербургскіе рабочіе хотѣли просить царя созвать такое собраніе выборныхъ отъ всего народа. Теперь они уже не станутъ просить! Теперь они знаютъ, что не отъ царя имъ дождаться свободы! Теперь они съ оружіемъ въ рукахъ будутъ требовать того, чего не далъ имъ царь! И первымъ дѣломъ будущаго Учредительнаго Собранія должно быть вооруженіе народа, полная отмѣна царской

власти, полное уничтоженіе владычества тирановъ и палачей, установленіе республики!

Рабочіе всей Россіи! присоединимся къ петербургскимъ товарищамъ, будемъ требовать созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія! Бросимъ мастерскія и фабрики, выйдемъ на улицы и не положимъ оружіе, пока не добьемся свободы. Послѣ того, какъ въ Петербургѣ стрѣляли въ мирную толпу, всѣ должны знать, что нельзя вести никакой борьбы, нельзя бастовать, нельзя собираться, нельзя выходить на улицу, нельзя устраивать демонстрацію, нельзя требовать свободы безъ оружія въ рукахъ! Штыки и пули убійцы-царя каждую минуту подстерегаютъ русскаго гражданина. Вооружимся-же! Позаботимся о томъ, чтобы достать оружіе и научиться владѣть имъ! Будемъ готовы начать тѣмъ, чѣмъ пришлось кончить нашимъ петербургскимъ братьямъ! Будемъ готовы вооруженнымъ возстаніемъ завоевать свободу!

Возстаніемъ противъ царя за свободу! Вся страна, весь народъ будетъ за насъ! Всѣхъ давитъ и душитъ вампиръ, сидящій въ Зимнемъ Дворцѣ! Всѣ измучены позорной войной, всѣ полны ненависти къ царскому правительству! Устами своего министра царь обѣщалъ ослабить тотъ вѣковой гнетъ, который давилъ все живое, мыслящее, честное. И что же? Не прошло и трехъ мѣсяцевъ — и снова тяжелая царская рука свирѣпствуетъ надъ несчастной страной. Снова — безпощадныя кары за свободное слово, переполненныя тюрьмы, свистъ нагаекъ и ружейныхъ пуль, море крови...

Гибнуть-ли народу изъ за царя? Нѣтъ, пусть, царь погибнетъ! Пусть народъ свободный и могучій, самъ устраиваетъ свою судьбу! «СМЕРТЬ ИЛИ СВОБОДА!» написали на своемъ знамени петербургскіе рабочіе. «Смерть или свобода»!, скажемъ мы вслѣдъ за ними, повторяя ихъ боевые лозунги:

Долой самодержавіе, долой царя!
Да здравствуетъ Всенародное Учредительное Собраніе!
Да здравствуетъ республика!

Центральный Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Типографія Центральнаго Комитета.

VI.

ОТВѢТЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСКАГО СОБРАНІЯ ЦАРЮ.

Не взирая на слова Вашего Величества, начертанныя на телеграммѣ Черниговскаго Губернскаго Земскаго Собранія и исходя изъ смысла, что права Вашего Величества, по Вашему мнѣнію покоящіяся на династическомъ предразсудкѣ о происхожденіи власти рускаго государя отъ бога, въ дѣйствительности истекаютъ изъ обязанностей Вашихъ къ народу и государству, каковыя обязанности, какъ Вашими прародителями, такъ и Вами самими исполнялись явно недобросовѣстно, а во многихъ слу-

чаяхъ даже преступно, чему непреложнымъ свидѣтельствомъ служитъ безпримѣрно тягостное положеніе страны и горестныя событія на Дальнемъ Востокѣ, Губернское Земское Собраніе пришло къ твердому убѣжденію въ полной непригодности той формы правленія, которую Вы утверждаете въ теченіи 10-ти лѣтъ Вашего неблагополучнаго царствованія, и остановилось на необходимости особаго Національнаго Собранія для слѣдствія и суда надъ Вами, Вашими присными и Вашими министрами на чуждыхъ Вамъ началахъ правосудія и справедливости и установленія представительной формы правленія.

Печатаемъ полученный нами документъ, причемъ считаемъ нужнымъ заявить, что не знаемъ былъ-ли посланъ по адресу этотъ «отвѣтъ» царю, отвѣтъ вызванный царскимъ выговоромъ земцамъ за то, что они осмѣлились обсуждать общенародныя нужды.*)

Смѣлость и рѣшительность отвѣта заслуживаютъ только подражанія и послѣдовательнаго осуществленія выражаемаго имъ требованія единственнымъ оставшимся намъ путемъ — народнаго возстанія. Царь и его присные должны быть признаны врагами народа, мы должны ихъ не только свергнуть, но и судить за всѣ ихъ преступленія противъ отечества. Чаша переполнена: когда земцы говорятъ такимъ языкомъ, то намъ революціонерамъ приличенъ лишь одинъ языкъ — грохотъ оружія — и мы имъ заговоримъ.

БАКИНСКІЙ КОМИТЕТЪ
ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

---

*) Примѣч. ред. Николай II по поводу одного рѣшенія Черниг. Зем. Губ. Собранія сдѣлалъ имъ такого рода резолюцію: «считаю поступокъ Черниговскаго земства дерзкимъ и безтактнымъ». Черн. Губ, Зем. Собраніе выработало свой отвѣтъ царю и пославши его, вышло всѣмъ составомъ въ отставку.

V.

ПИСЬМО ОТЪ РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ЦАРЮ НИКОЛАЮ ВТОРОМУ.

Царь Николай Второй!

Мы, русскіе крестьяне, пишемъ къ тебѣ это письмо.

Мы считали тебя народнымъ отцомъ и земнымъ богомъ. Мы служили тебѣ вѣрой и правдой, а наши отцы служили твоему отцу, и наши дѣды твоимъ дѣдамъ. Въ потѣ лица своего, тяжкимъ трудомъ мы обрабатывали твою казну, чтобы тратилъ ты эти деньги на русскую державу.

Когда руки наши трескались отъ черныхъ мозолей, а семьи умирали съ голоду и дѣти съ плачемъ просили ѣсть, въ нетопленныхъ избахъ, подъ раскрытыми крышами, мы вспоминали, что ты живешь во дворцѣ, сидишь на тронѣ, ходишь въ золотѣ, ѣшь самое сладкое, играешь и пируешь, — но мы не роптали на тебя.

Мы говорили себѣ: пусть утѣшается, пусть ходитъ въ золотѣ, онъ нашъ отецъ, онъ помнитъ объ насъ, онъ жалѣетъ насъ. Только недруги наши, большіе господа, помѣщики и министры, окружили его, какъ плотная стѣна, и не даютъ нашему голосу дойти до его ушей.

Но будетъ когда нибудь день и мы прорвемъ эту стѣну и подойдемъ къ самому его трону съ нашими слезами и нашими жалобами и разскажемъ ему про всѣ обиды и про всѣ стѣсненія и онъ услышитъ насъ и сдѣлаетъ для насъ добро и осушитъ наши слезы.

Такъ думали мы и служили тебѣ всѣмъ сердцемъ и всѣмъ разумѣніемъ.

Мы отдали сотни тысячъ самыхъ лучшихъ, самыхъ здоровыхъ сыновей нашихъ въ твою царскую службу. И когда какой-нибудь изъ сосѣднихъ государей грозилъ предѣламъ Россіи, или наносилъ обиду русскому имени, стоило тебѣ кликнуть кличъ и мы поднимались, какъ одинъ человѣкъ, и шли проливать свою кровь на полѣ битвы. Мы погибали тысячами, какъ погибаетъ саранча, въ защиту твою и въ защиту отечества.

Мы все тебѣ отдали до послѣдней корки хлѣба и послѣдней капли крови.

Русскій царь, что далъ ты намъ взамѣнъ нашей тяжкой
жбы и нашей вѣрной любви.
Когда 9-го января 1905 года петербургскіе рабочіе по-
ли къ твоему дворцу и хотѣли разсказать тебѣ о своей
удной жизни и о своемъ утѣсненіи, твои генералы ве-
ли солдатамъ, разстрѣлять рабочее шествіе. Рабочіе
ли чинно и торжественно, съ хоругвями и иконами и съ
оими собственными портретами. Солдатскія пули проби-
хоругви, конскія копыта растоптали иконы. Сотни были
иты, тысячи ранены. Зачѣмъ не вышелъ ты въ то вре-
къ народу и не остановилъ кровопролитія? Или до
оего царскаго дворца не дошелъ трескъ залповъ и сто
раненыхъ. Гдѣ былъ ты въ то время, когда народъ
ой убивали на улицахъ? Зачѣмъ молчалъ ты? Зачѣмъ
отомъ, когда вся земля содрогнулась отъ ужаса, ты не
окаралъ преступныхъ генераловъ?
Русскій царь, невинная кровь женщинъ и дѣтей обагри-
а твои портреты, которые несла преданная тебѣ толпа.
та кровь — на твоихъ рукахъ и на твоей душѣ!
Рабочіе схоронили своихъ мертвецовъ, настала очередь
рестьянъ.
Въ твоемъ огромномъ царствѣ крестьянамъ живется ху-
ке скота безсловеснаго. Крестьянинъ кормитъ своимъ тру-
омъ все царство, а самъ не ѣстъ до сыта. Нѣтъ у него
ни хлѣба, ни правъ, ни воли.
Крестьянинъ въ твоемъ царствѣ послѣдній человѣкъ,
олько лѣнивый его не грабитъ и не обижаетъ.
Мы, крестьяне, не могли всѣ придти къ твоему дворцу.
Насъ слишкомъ много и живемъ мы разбросано и по всей
огромной русской землѣ. Поэтому мы выбрали своихъ
лучшихъ людей и послали ихъ въ Петербургъ въ Госу-
дарственную Думу для того, чтобы они разсказали тебѣ
всю правду о нашей нуждѣ и нашей обидѣ.
Первая наша нужда: ЗЕМЛЯ. Насъ много, до сотни мил-
ліоновъ, а земли у насъ мало. Намъ негдѣ пахать и сѣ-
ять, а у иныхъ изъ насъ нѣтъ мѣста, гдѣ построиться.
Всѣ лучшія земли принадлежатъ дворянамъ и князьямъ,
и твоимъ же придворнымъ сановникамъ. Они сами не па-
шутъ, отдаютъ намъ землю въ аренду и за это берутъ съ
насъ великіе поборы больше того, что мы вносимъ въ
твою казну.
Намъ самимъ послѣ васъ не остается ничего. Мы хо-
тимъ, чтобы вся земля принадлежала только тѣмъ, кто на
ней работаетъ: не трутнямъ, но рабочимъ пчеламъ.
Дворянамъ и твоимъ сановникамъ довольно денежнаго
жалованія, которое ты имъ даешь. Нечего имъ заѣдать
нашъ хлѣбъ, — на прибавокъ къ своему сладкому куску
вырывать нашъ кусокъ и горькій и черствый.
Вторая наша нужда: ВОЛЯ. Намъ надо правъ. Мы тож
люди, какъ дворяне и чиновники. Мы хотимъ, чтобы никт

насъ не смѣлъ ни бить, ни сѣчь, ни сажать въ тюрьму безъ суда и разбора, хотимъ, чтобы дѣти наши учились въ школѣ и не были такими жалкими, какъ мы, чтобы не было надъ нами земскихъ начальниковъ, урядниковъ и стражниковъ, и всей полицейской своры.

Мы хотимъ своими дѣлами управлять сами черезъ нашихъ выборныхъ людей.

Третья нужда — ПОРЯДОКЪ ДЛЯ НАСЪ И ВСЕГО ГОСУДАРСТВА. Управленіе государства попало въ жадныя руки. Твои министры грабятъ казну. Все у нашего государства плохое, поддѣльное — пушки и броненосцы, казенная аммуниція и солдатская ѣда. Оттого японцы разбили насъ на голову въ Манджурской войнѣ. Нигдѣ въ твоемъ царствѣ нѣтъ правосудія. Всѣ чиновники продажные. Бѣдному и слабому во всемъ обида: предъ богатымъ и сильнымъ нѣтъ защиты.

Царь мы не вѣримъ больше твоимъ чиновникамъ! Мы хотимъ отнять изъ ихъ рукъ управленіе государства и отдать въ руки нашихъ выборныхъ людей. Мы знаемъ, кого выбирать, за своими людьми мы будемъ сами слѣдить и спрашивать у нихъ отчета. Твои чиновники больше не годны для Россіи. Царь, ты нарушилъ свое слово, три раза данное народу. Ты не исполнилъ собственныхъ манифестовъ. Ты послушалъ народныхъ враговъ, министровъ и помѣщиковъ и не послушалъ выборныхъ людей всего русскаго народа. У насъ, крестьянъ, кто не держитъ своего слова, тотъ самый послѣдній человѣкъ.

Знаешь ли ты, что творятъ надъ нами твои министры послѣ разгона Думы? Они напустили на насъ всю воинскую силу, казаковъ и стражниковъ, пѣхоту и драгунъ. Силою оружія, пулеметами и пушками они покоряютъ насъ своей волѣ, топятъ нашъ ропотъ въ крови. Каждый день въ разныхъ концахъ земли злою смертью гибнутъ крестьяне. Стражники стрѣляютъ изъ ружей, драгуны рубятъ шашками, казаки бьютъ нагайками. Многія деревни выжжены до тла, мужики арестованы, женщины поруганы, послѣднее имущество разграблено и унесено.

Нашихъ собственныхъ дѣтей напустили на насъ, взяли ихъ у насъ по набору, связали ихъ фальшивой присягой, подчинили ихъ себѣ муштровкой и дисциплиной и напустили ихъ на русскія села и города. А кто изъ нихъ не хочетъ грабить и стрѣлять, тотъ самъ попадаетъ подъ арестъ и даже подъ разстрѣлъ военнаго суда.

Знаешь ли ты, русскій царь, что дѣлаютъ надъ нами крестьянами, губернаторы и исправники съ своими карательными отрядами? Если знаешь, то почему не остановишь? Или звѣрства эти дѣлаютъ по твоему собственному разрѣшенію, чтобы защитить твоихъ дворянъ и придворныхъ, которые тебѣ ближе, чѣмъ черное крестьянство.

Тогда ты не царь, а злодѣй и антихристъ, царь-оборотень, дворянскій ставленникъ, врагъ народа русскаго, хуже иностраннаго врага.

Знающіе люди намъ говорили, что ты первый помѣщикъ русскій, что у тебя самого и твоихъ братьевъ и дядей милліоны десятинъ земли, что вы землю свою не хотите отдать народу или отдадите ее кусками по тройной цѣнѣ противъ настоящей. Говорятъ, что у тебя въ англійскомъ банкѣ лежитъ тысяча милліоновъ рублей, которые ты не даешь тратить для Россіи, а бережешь для своего рода, на случай мятежа и бѣгства.

Намъ говорятъ: не жалуйтесь ему напрасно, не уповайте по пустому. Онъ накормитъ васъ пулями вмѣсто хлѣба, пригладитъ вамъ спину нагайками до самыхъ костей, приласкаетъ васъ саблями. Уповайте лучше на самихъ себя, на свой союзъ, рабочій и крестьянскій. Говорятъ даже, что ты стакнулся съ нѣмецкимъ царемъ Вильгельмомъ и на случай, если русское войско откажется убивать народъ ты выпросилъ у него себѣ въ подмогу нѣмецкіе полки Вмѣсто платы ты обѣщалъ отдать ему Люблинъ и Сѣдлецъ, Либаву и Митаву. Такой договоръ есть измѣна отечеству. Правда ли это? Отвѣть.

Или можетъ быть ты не слышишь нашъ голосъ до сей поры. Крупные чиновники заслонили твои уши своими льстивыми рѣчами, министры закрыли твои глаза золотою завѣсою? Ты ничего не знаешь, ничего не слышишь, ничего не можешь понимать? Но если ты ничего не понимаешь, то ты намъ не нуженъ. Друга узнаютъ въ нуждѣ и при испытаніи. Россія доходитъ до крайней гибели, а тебя не видно, не слышно. Сидишь ты въ Царскомъ Селѣ и въ Петергофѣ лѣтомъ и зимой, прячешься отъ народа, даже въ столицу не показываешься.

Какой же ты послѣ этого царь? Ты слабоумный человѣкъ. Твое мѣсто не на тронѣ, а въ богадѣльнѣ.

Намъ не нужно такого безполезнаго царя, намъ нужно царя сильнаго и способнаго. Уйди съ своего высокаго мѣста.

Мы выберемъ себѣ своего народнаго царя и посадимъ его вмѣстѣ съ думскими выборными. Пусть думаютъ и засѣдаютъ и рѣшаютъ вмѣстѣ. Не то пусть наши выборные правятъ страной сами всѣмъ соборомъ, безъ всякаго царя.

Мы стали теперь умнѣе. Мы знаемъ, что въ другихъ странахъ правитъ дѣлами выборная дума и сама назначаетъ министровъ безъ всякаго царя, и дѣла идутъ не хуже, а лучше чѣмъ у насъ. На васъ, царей, только лишній расходъ. А пользы для народа отъ васъ нѣтъ никакой. Мы, конечно, знаемъ, что вы не уйдете добромъ, ты и вся твоя шайка, но покоритесь только силѣ. А сила пока еще

на вашей сторонѣ. Большая часть войска вамъ повинуется и по слову вашему разстрѣливаютъ народъ.

Попы связали присягой, какъ крѣпкой веревкой дѣтей нашихъ, солдатъ, и всю русскую армію. Присяга ваша лживая, какъ всѣ ваши слова и дѣла.

А ты, русскій царь, присягнулъ ли ты русскому народу? И хранишь ли ты свою присягу твердо и ненарушимо? Или ты нарушилъ ее и послушалъ министровъ и чиновниковъ и братьевъ и дядьевъ? Собственный родъ и племя ты поставилъ выше всего русскаго народа.

Ты измѣнилъ народу и армія не будетъ хранить тебѣ вѣрности. Армія присягала престолу и отечеству. Отечество больше престола. Отечество—это весь русскій народъ. И за то, что ты, измѣнилъ народу и отечеству, мы сведемъ тебя съ престола и будетъ наша новая присяга россійскому отечеству и всему русскому народу.

Пусть солдаты, обманутые вами, еще стрѣляютъ и убиваютъ народъ. Вы не можете перебить всѣхъ насъ. Кто же тогда будетъ кормить васъ тунеядцевъ?

А добровольно мы не покоримся. Не забудемъ и не простимъ той крови, которую вы ежедневно проливаете. Два года длится смута, пусть продлится еще хоть десять лѣтъ. Безъ земли и безъ воли мы не оставимъ борьбы. У нашихъ братьевъ солдатъ уже открываются глаза. Часть изъ нихъ видитъ на чьей сторонѣ правда. Недалеко то время и всѣ они будутъ съ нами противъ васъ, насильниковъ.

Краснымъ, кровавымъ цементомъ сплотится русскій народъ.

А вы, будьте вы прокляты, въ роды и роды, за ваши звѣрскія дѣла!

Октябрь, 1906 г.

Изд. Петербургск. Ком. П. С.-Р.

Стихотворенія А. Н. Хавскаго (Ленцевича) *).

1. ДЕСПОТУ.

Милостью божіей палачъ коронованный,
Властно царящій надъ родиной скованной,
Видишь ли близкій конецъ?

Слышишь ли ропотъ движенья народнаго,
Взрывы могучіе чувства свободнаго
Смѣлыхъ и юныхъ сердецъ?

Гдѣ тебѣ слышать! Всевышнимъ избраніемъ
Царствуя въ мірѣ кнутовъ и плетей,
Ты опьяненъ, ослѣпленъ обаяньемъ
Власти огромной своей.

---

*) Отъ Ред. Предлагаемыя два стихотворенія политическаго ссыльнаго А. Н. Хавскаго (Ленцевича), погибшаго 3-го іюня 1904 г. въ Якутской области, нами взяты изъ «Рев. Россіи» 74, N гдѣ кромѣ цѣлаго ряда его прекрасныхъ стиховъ помѣщена и краткая біографія этого талантливаго революціонера-работника, неустанно звавшаго товарищей: «къ мести тиранамъ» и для котораго, какъ онъ самъ говорилъ, Желябовъ, Перовская и Халтуринъ были «великими героями русской исторіи».

Алексѣй Николаевичъ всю свою жизнь слѣдовалъ ихъ завѣтамъ, безпрестанно убѣждая товарищей революціонеровъ взяться за народовольческіе методы борьбы. Въ своемъ стихотвореніи «Карповичу» А. Н. говоритъ:

«И не одинъ изъ насъ впервые
Почуялъ съ выстрѣломъ твоимъ,
Что чѣмъ то радостнымъ и новымъ
Пахнуло въ жизни: что страна
Какъ бы волшебнымъ, властнымъ словомъ
Для новыхъ дѣлъ пробуждена;
Что намъ, въ исканіи лучшей доли,
Тобой намѣченъ новый путь;
Что время, время повернуть
Къ великимъ днямъ «Народной Воли»!

Стихотвореніе «Солнечный Восходъ», заканчивается слѣдующимъ призывомъ:

О, гори, гори на знамени
Нашъ девизъ: «Долой царя!»

Въ пышныхъ чертогахъ придворною кликой
Словно тройною стѣной окруженъ,
Ты помыкаешь страною великою, —
Царская воля — законъ.

Нуждъ всенародныхъ не знавъ отъ рожденья,
Подчеркомъ слабой руки
Шлешь на страну ты, во дни возмущенья,
Царскихъ холоповъ полки.

Хищники въ тѣло народа впиваются,
Царской порфирой твоей прикрываются,
Соки живые сосутъ...

Нагло раскрадены средства народныя,
Нагло обобраны села голодныя, —
Грянешь ли праведный судъ?

Грянь же! Даетъ уже плодъ уготованный
Сѣявшихъ истину чистый посѣвъ,
Въ сердцѣ отчизны, глубоко взволнованной,
Зрѣетъ спасительный гнѣвъ.

Врагъ ненавистный испуганно пятиться,
Буря заслышавъ зловѣщій раскатъ...
Буря близка...
Голова твоя скатиться, —
Кто виноватъ?

2. СНЫ.

Скорбью жгучею томимая,
Лишь тобой душа полна,
Угнетенная, гонимая
Оскорбленная страна!

О, приди, пора прекрасная!
Ты встаешь передо мной,
Лучезарная и ясная,
Упоительной мечтой:

Пала цѣпь многовѣковая
Цѣпь насилія и зла, —
Мниться, Русь, что вся ты — новая,
Вся ты жизнью разцвѣла.

Нѣтъ казнимыхъ и пытаемыхъ,
Нѣтъ застѣнковъ и плетей,
Нѣтъ помостовъ обагряемыхъ
Кровью лучшихъ изъ людей.

Исчезаетъ Русь Романова,
Русь насильника — царя...
Вижу — въ небѣ свѣтитъ заново,
Ярко радостно горя

Для голоднаго, для слабаго, —
Солнца жизни и весны;
Зрѣютъ творческія сны:
Воскресаетъ Русь Желябова...

Александръ III. *)

(КЪ ДЕСЯТИЛѢТІЮ КОРОНАЦІИ.)

Отличительной чертой переходныхъ эпохъ является нервность въ общественной жизни, болѣзненная чуткость, съ которой народъ и общество относятся къ фактамъ текущей дѣйствительности. Всѣ находятся въ ожиданіи чего то необыкновеннаго, что должно придти на смѣну отжившаго порядка. Смотря по личному настроенію, всякій по своему представляетъ это надвигающееся, никому невѣдомое „что-то“. Люди впадаютъ въ экстазъ по поводамъ ничтожнымъ, которые въ иное время прошли бы незамѣченными никѣмъ, они усматриваютъ чудеса въ явленіяхъ простыхъ и случайныхъ, строятъ гипотезы по существу невозможныя и ловятъ съ трогательнымъ довѣріемъ слухи самые невѣроятные.

Мы переживаемъ теперь именно одну изъ такихъ минутъ, когда нервное до крайности настроеніе народа и общества рѣзко сказывается на каждомъ шагу. Отмѣтимъ, напримѣръ, вѣру въ безчисленныя чудеса, которыя то и дѣло совершаются теперь въ Россіи. Эту вѣру въ чудесное, свидѣтельствующую о глубокомъ потрясеніи народной души, не замедлили, конечно, эксплуатировать современные наши правители. Они возбуждаютъ ее, муссируя и раздувая всякій случай, дающій хотя бы малѣйшую возможность приткнуть къ нему чудо. И центромъ этихъ чудесъ они поставили царя, котораго въ концѣ концовъ возвели въ истинное чудо. Его вступленіе на престолъ, коронація, все царствованіе — одно непрерывное чудо. Весьма вѣроятно, что въ ближайшемъ будущемъ онъ и самъ начнетъ творить чудеса, какъ Эдуардъ Исповѣдникъ, а святѣйшій синодъ установитъ особое молебствіе новому угоднику. Можно сказать, что за послѣдніе годы богъ измѣнилъ свою

*) Прим. Ред. — Перепечатываемъ эту статью, какъ документъ, изданный въ 1893 г. группой народовольцевъ. Статья принадлежитъ перу извѣстнаго англійскаго корреспондента Диллона, съ статьями котораго о Николаѣ II мы скоро познакомимъ читателей.

политику по отношенію къ Россіи. Вмѣсто хлѣба насущнаго, которымъ онъ снабжалъ насъ за это время весьма скудно, онъ сталъ кормить Россію чудесами. Нельзя сказать, чтобы такая политика была для насъ выгодна, и даже любители и творцы чудесъ, вродѣ синода, рощутъ и вопіютъ „о прещеніи глаза“. Но чудеса не оскудѣваютъ и каждый благополучный проѣздъ царя рекомендуется, какъ новое чудо, за которое мы и возносимъ благодаренія „съ колѣнопреклоненіемъ“.

Отмѣтимъ далѣе безчисленные слухи, циркулирующіе въ обществѣ и народѣ, слухи то о войнѣ, то о предстоящихъ перемѣнахъ и реформахъ, то о событіяхъ въ жизни царствующаго дома, и проч. и проч. Не распространяясь о другихъ, приведемъ слухи, связанные съ празднованіемъ десятилѣтія коронаціи. Еще мѣсяца за два до празднества въ обществѣ укоренилось убѣжденіе, что день 15 мая будетъ ознаменованъ какимъ либо важнымъ манифестомъ. Что это за манифестъ, какихъ вопросовъ внутренней или внѣшней политики онъ коснется, — это волновало и интересовало всѣхъ. И чѣмъ ближе былъ день 15 мая, тѣмъ страннѣе и невѣроятнѣе возникали предположенія Одни ожидали оккупаціи Болгаріи и горячо обсуждали всѣ шансы европейской войны. Другіе ожидали большихъ перемѣнъ во внутреннемъ строѣ Россіи, чуть ли не объявленія „новой эры“, хотя никто не могъ представить себѣ, въ какой формѣ и съ какимъ содержаніемъ объявится таковая. Но въ народѣ, слухи приняли по истинѣ чудовищное направленіе, и намъ самимъ приходилось слышать, какъ рабочіе-грузчики серьезно трактовали, что 15 мая царъ откажется отъ престола въ пользу сына. Царь де усталъ и незадачливъ, а сынъ у него въ возрастъ пришелъ, вотъ царь и хочетъ передать ему правленіе, а самъ удалится на покой. Общее разочарованіе послѣ 15 мая было велико до смѣшного, такъ мало гармонировали съ общимъ настроеніемъ знаменитыя отнынѣ рѣчи царя, три раза повторившаго „благодарю“ и съ дѣтскимъ благодушіемъ признавшаго свое царствованіе „вполнѣ благополучнымъ“.

Нельзя не остановиться надъ такимъ бьющимъ въ глаза противорѣчіемъ, какое замѣчается между настроеніемъ народа и правящихъ сферъ. Несомнѣнно, въ народномъ сознаніи совершается какой то глубокій переворотъ. Наряду съ расшатанностью экономической идетъ и расшатанность внутренняя. Пошатнулась душа народная и въ тщетныхъ попыткахъ найти выходъ изъ невозможнаго положенія бьется, какъ рыба объ ледъ. Жизнь народа не укладывается больше въ тѣхъ простыхъ формахъ, какими служили до сихъ поръ община, міръ, церковь. Жизнь усложнилась. Въ поколѣніи, явившемся послѣ уничтоженія крѣпостного права, возникли запросы, которымъ нѣтъ удовлетворенія въ жизни деревни. И въ то время. какъ тамъ

внизу идетъ глухая работа, работа впотьмахъ, вразбродъ' — наверху всѣ усилія направлены къ тому, чтобы подавить эту работу, задержать и даже повернуть естественный ходъ исторической жизни. Насколько можетъ быть искреннимъ такое пониманіе задачъ текущей жизни это вопросъ очень сложный. Несомнѣнно, что въ массѣ представителей правящихъ сферъ найдутся люди вполнѣ искренніе, глубоко убѣжденные въ правильности пріемовъ, которыми они желаютъ укрѣпить пошатнувшіеся устои народной жизни. Несомнѣнно также, что наряду съ ними стоитъ толпа безчестныхъ хищниковъ. Между этими искренними, но недалекими людьми и безчестной, жадной сволочью стоитъ человѣкъ, котораго нельзя отнести всецѣло ни къ той, ни къ другой категоріи. Это царь Александръ III, обреченный судьбой играть на исторической сценѣ роль, къ которой онъ совершенно непригоденъ.

Странная, роковая иронія судьбы — посылать народамъ такихъ людей именно въ такіе моменты ихъ жизни, когда сложность положенія требуетъ высшаго напряженія ума и воли, къ какимъ только можетъ быть способенъ человѣкъ. Вспомнимъ печальную и отталкивающую личность Якова II, съ которымъ царь имѣетъ столько общаго по своей ненависти къ иновѣрцамъ, склонности къ романтизму и безпредѣльной вѣрѣ въ свое избраніе свыше. Вспомнимъ Людовика XVI, этотъ образецъ семейныхъ добродѣтелей, идеалъ мирнаго буржуа. Съ нимъ сходство царя еще больше и можетъ быть проведено до мелочей. Каждое столѣтіе отмѣчено такимъ печальнымъ героемъ, все несчастіе котораго заключается въ томъ, что онъ является владыкой, а не подданнымъ. И Александръ III, при всей ненависти, которую мы чувствуемъ къ нему, какъ къ царю, внушаетъ намъ жалость, какъ человѣкъ.

Что же такое онъ, неограниченный властелинъ 120 милліоновъ человѣкъ съ грубымъ, но добродушнымъ лицомъ, на которомъ лежитъ постоянно отпечатокъ меланхоліи и глубоко затаеннаго страха? Сколько разъ намъ приходилось наблюдать его, когда онъ ѣдетъ по Невскому, развалясь въ коляскѣ, которую почти наполняетъ своимъ грузнымъ тѣломъ, такъ что его маленькая жена едва умѣщается съ краю, — или на парадѣ, когда громадная лошадь еле выдерживаетъ его тяжесть; одно выраженіе лица останавливаетъ ваше вниманіе: тупое, равнодушное и печальное. Даже когда онъ раскланивается съ народомъ или отвѣчаетъ на привѣтствія войскъ, это выраженіе остается неизмѣннымъ. Что то сонное и усталое, какъ будто этого гиганта только что подняли съ постели и онъ не успѣлъ протереть себѣ глазъ. Таково внѣшнее впечатлѣніе, которому вполнѣ отвѣчаетъ и духовный обликъ этого человѣка. „Угрюмъ, нелюдимъ, недовѣрчивъ и грубъ“ — такимъ эпиграфомъ изъ Байрона начинаетъ свою статью г. Ле-

нинъ въ англійскомъ „Современномъ Обозрѣніи“, въ которой онъ старается познакомить англичанъ съ личностью русскаго царя.

Прежде чѣмъ перейти къ подробной характеристикѣ Александра III, какъ онъ изображенъ упомянутымъ авторомъ, не лишнее сказать два слова о самой статьѣ. Г. Ланинъ — извѣстный англійскій корреспондентъ, посвятившій Россіи много статей, но болѣе знакомый съ правящими сферами, чѣмъ съ народомъ, онъ постоянно силится свалить грѣхи первыхъ на отвѣтственность послѣдняго. Напримѣръ, современныя гоненія противъ евреевъ и иновѣрцевъ онъ приписываетъ нетерпимости, свойственной будто бы русскому народу. Вообще г. Ланинъ слишкомъ строгъ къ русскому народу и слишкомъ ужъ снисходителенъ къ русскому царю.

Тѣмъ не менѣе статья его „Александръ III“ заслуживаетъ полнаго вниманія, и мы сочли нелишнимъ познакомить съ нею русскую публику, чтобы выяснить обликъ царя, столь же мало ясный для русскихъ, какъ и для англичанъ. Мы рѣшили отбросить все, что слѣдуетъ приписать малому знакомству г. Ланина съ русскимъ народомъ, и дополнить его характеристику царя фактами, намъ ближе извѣстными. Такимъ образомъ предлагаемая статья не переводъ, а скорѣе передѣлка статьи г. Ланина. Очень понятно, что между нашими точками зрѣнія большая разница. Для англичанина Александръ III просто любопытный объектъ для наблюденій, рѣдкій экземпляръ человѣческой породы. Для насъ Александръ III — страстный, неумолимый врагъ, величайшее зло, роковое несчастіе, тяготѣющее надъ русскимъ народомъ. По отношенію къ нему, мы находимся въ такомъ же положеніи, какъ англичане конца 17 в. къ Якову II. И если спустя почти два столѣтія Маколей, объективность котораго во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ г. Ланина, не находитъ достаточно сильнаго эпитета, чтобы заклеймить короля Якова II, — что же удивительнаго, что мы, современники, отказываемъ Александру III въ правѣ на снисхожденіе?

Сдѣлавшись наслѣдникомъ престола лишь на 21-мъ году, Александръ Александровичъ былъ такъ же мало подготовленъ къ обязанностямъ монарха, какъ любой изъ посѣтителей манежа. До коронаціи это сознаніе своей ограниченности было мѣтко и полно. Себя онъ называлъ „исправнымъ полковымъ командиромъ“. Въ смерти старшаго брата онъ увидѣлъ проявленіе особой заботливости провидѣнія о его судьбѣ и, преклоняясь передъ неисповѣдимымъ рѣшеніемъ, которое такъ просто сдѣлало его папою обширнаго государства, онъ безъ колебаній покончилъ со всѣми сомнѣніями относительно путей и способовъ управленія. Неограниченная власть, ниспосланная свыше,

таково средство, которое одно только поможетъ ему справиться съ этой неразрѣшенной задачей.

Царь, по сложенію, настоящій мясникъ, силенъ и мускулистъ чрезмѣрно. Въ молодости онъ сгибалъ подковы и высаживалъ плечемъ двери. Фигура его громадна и неповоротлива, движенія неловки, что обусловливается отчасти его почти болѣзненной застѣнчивостью. Его манеры не поддались никакой выправкѣ и онъ совершенно лишенъ той непринужденности въ обращеніи, которая является отличительной чертой свѣтскаго человѣка. Держитъ онъ себя холодно, говоритъ отрывисто и такъ же склоненъ сказать грубость, какъ и оказать внезапную милость изъ дружескаго расположенія къ собесѣднику. Всѣ силы его существа словно отхлынули отъ центра къ периферіи, для большаго развитія костей и мускуловъ, слѣдствіемъ чего явилось отсутствіе внутренняго жара и интеллектуальности.

Нравственный обликъ Александра III также не сложенъ. Добродѣтели его по большей части отрицательнаго свойства. Въ немъ нѣтъ ни пылкихъ страстей, ни закоренѣлыхъ пороковъ, ни благородныхъ увлеченій. Онъ обыкновенно спокоенъ, подчасъ онъ напоминаетъ просто буддиста. Его нельзя обвинять въ жестокости, скорѣе въ „невѣдѣніи того, что творитъ“. Но если онъ и не жестокъ, то нельзя заподозрить въ немъ также излишней доброты. Въ молодости онъ по отзывамъ сверстниковъ, былъ, что называется, „добрый малый“. Съ годами однако въ немъ начала проявляться все сильнѣе и сильнѣе рѣзкая грубость, переходящая по временамъ въ безпричинную ярость, когда царь напоминаетъ взбѣшеннаго быка. Тогда онъ способенъ издать самый жестокій приказъ.

Александръ Александровичъ готовился къ военной карьерѣ. Исторія его юности та же, что и большинства великихъ князей: утомительные воегные парады, лошадиный спортъ, рауты и тѣ, допускаемыя фешенебельностью, продѣлки, которыя принято называть „шалостями молодости“. Юный князь не стремился прослыть за святого, но слѣдствія темперамента иногда похожи на добродѣтели. Будучи отъ природы нрава меланхолическаго и холоднаго, онъ въ любви не проявлялъ никогда страстнаго характера и не имѣлъ, подобно своимъ братьямъ постоянныхъ вкусовъ.

Когда профессору Соловьеву и Побѣдоносцеву было поручено образованіе его старшаго брата, ему дозволялось по желанію принимать столько умственной пищи, сколько онъ можетъ переварить. И онъ воспользовался этимъ позволеніемъ весьма широко, мало почерпнувъ изъ того, что ему предлагалось учителями. Съ дѣтскихъ дней царь питаетъ къ наукѣ что то въ родѣ суевѣрнаго страха и изгналъ бы ее изъ предѣловъ своего царства, если бы могъ.

Для характеристики его взглядовъ на образованіе можетъ служить слѣдующая собственноручная надпись, сдѣланная имъ на докладѣ тобольскаго губернатора, въ которомъ тотъ упоминаетъ съ сожалѣніемъ о маломъ распространеніи грамотности среди населенія губерніи: „и слава богу".

Участь всѣхъ стоящихъ на виду людей—получать прозвища — не минула и Александра III. Съ дѣтства за нимъ утвердилось прозвище „монса", весьма гармонирующее съ его свирѣпо-добродушной физіономіей. Иногда оно чередуется съ другимъ хотя и не столь популярнымъ. Массивное тѣлосложеніе, медленныя движенія, огромная сила, походка бокомъ, закинутая назадъ голова и бычачье потряхиваніе ею, взглядъ изподлобья—все это вызвало ласкательную кличку „бычка", съ которой обращался къ нему отецъ, и которую народъ, по восшествіи на престолъ, передѣлалъ въ „быка".

Современную исторію великій князь изучалъ въ самомъ либеральномъ изданіи — въ нѣкогда знаменитомъ „Голосѣ", и, какъ это ни странно кажется теперь, Александръ III придерживался въ то время многихъ изъ взглядовъ этой газеты. Подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій, въ немъ произошла глубокая перемѣна, которую окончательно укрѣпили Побѣдоносцевъ и Толстой. Синодъ и духовенство также отвѣтственны въ религіозной маніи царя, но не слѣдуетъ забывать, что они только угодливо расчищаютъ путь, на который влечетъ его врожденная склонность къ мистицизму и ко всему чудесному.

Ежедневныя привычки царя мало свойственны свѣтскому человѣку, развлеченія его болѣе подходящи узнику, чѣмъ властелину. Живетъ почти постоянно въ Гатчинѣ, встаетъ онъ въ 7 ч. утра, дѣлаетъ прогулку въ неинтересномъ, строго охраняемомъ паркѣ, возвращается къ раннему завтраку и занимается разнымъ ручнымъ трудомъ, въ видѣ подготовки къ оффиціальнымъ занятіямъ дня. Послѣднія состоятъ большею частью въ чтеніи и подписываніи огромныхъ кипъ приказовъ, указовъ, законовъ и рапортовъ. На поляхъ этихъ документовъ онъ пишетъ свои рѣшенія или впечатлѣнія съ откровенностью, доходящей иногда до цинизма. Тѣ, кто утверждаетъ, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ о жестокихъ мѣрахъ и экзекуціяхъ, учиняемыхъ отъ его имени, глубоко заблуждаются. По природѣ, какъ мы сказали выше, царь не жестокъ, но у него сложились извѣстныя убѣжденія, которымъ онъ свято слѣдуетъ. Онъ, напримѣръ, всей душой признаетъ спасительный страхъ физической боли и отстаиваетъ розги вездѣ, гдѣ можно. Такъ что страстно защищаемое „Гражданиномъ" мнѣніе имѣетъ не только личную кн. Мещерскаго, но и „государственную подкладку". Какъ будетъ видно ниже, иниціатива многихъ жестокихъ дѣлъ исходитъ отъ царя, который считаетъ долгомъ подавлять порывы добродушія, памятуя завѣтъ Домостроя, что „аще желаеши

сыну добра, сокрушай ему ребра". И онъ сокрушаетъ ребра всѣмъ, кого считаетъ враждебнымъ началамъ единодержавія и православія. Думать, что стоитъ только довести до свѣдѣнія царя о послѣдствіяхъ, какія имѣли его жестокіе законы, и онъ ихъ отмѣнитъ — столь же наивно, какъ благодушно мечтать, что неграмотному крестьянину стоитъ лишь надѣть очки, чтобы онъ сталъ читать.

Замѣчанія, которыя царь пишетъ на поляхъ документовъ, болѣе его характеризуютъ, чѣмъ его отрывочныя бесѣды съ министрами и придворными. Онъ записываетъ мысли, вызванныя прочитаннымъ, сохраняя тѣ живописныя выраженія, въ какія онѣ вылились, мысли не всегда вѣрныя, а выраженія не очень утонченныя. Чаще другихъ встрѣчаются: „экое стадо свиней" или „экая скотина!" Отчеты о пожарахъ, неурожаяхъ, голодѣ или другой какой невзгодѣ постоянно помѣчены стереотипнымъ словомъ „неутѣшительно". Что бы ни случилось у него нѣтъ другого отвѣта, и если бы въ одинъ изъ тѣхъ роковыхъ моментовъ, когда рѣшаются судьбы народовъ, невидимая рука начертала на стѣнахъ дворца „мани, факелъ, фаресъ" — царь прехладнокровно подписалъ бы: „неутѣшительно". Его взглядъ на утѣшительное и неутѣшительное весьма оригиналенъ, какъ видно изъ его рѣчей, сказанныхъ во время празднованія десятилѣтія коронаціи. Свое царствованіе онъ всенародно призналъ „благополучнымъ", не смотря на упадокъ народнаго хозяйства, на рядъ неурожаевъ и холеру и въ наивности души своей обѣщалъ и впредь такое же благополучіе. Право, при видѣ такой ничѣмъ неприкрытой ограниченности, является невольно вопросъ, можно ли предъявлять какія либо требованія этому огромному, глупому ребенку?

Еще не прошло двухъ лѣтъ, какъ онъ написалъ слѣдующій нелестный отзывъ на поляхъ документа, составленнаго въ государственномъ совѣтѣ: „они думаютъ надуть меня, но это имъ не удастся". Члены совѣта обидѣлись и грозили прекратить засѣданія, если слова эти не будутъ вычеркнуты. Предложили бывшему тогда предсѣдателемъ Михаилу доложить обстоятельства дѣла царю, но онъ не рѣшился взять на себя столь щекотливое порученіе. Тогда госуд. секр. Половцевъ взялъ на себя объясненіе съ царемъ.—„Ну чего же они хотятъ?"—спросилъ тотъ. — „Чтобы ваше величество всемилостивѣйше соизволили приказать не покрывать этихъ словъ лакомъ, дабы на ихъ долю не выпала завидная участь безсмертія". — „Какой вздоръ, пусть ихъ просто вычеркнутъ".

Завтракъ подается въ часъ и состоитъ изъ трехъ перемѣнъ. Послѣ него царь отдыхаетъ въ паркѣ, гуляетъ или работаетъ, разговариваетъ съ членами своего семейства, ген. Рихтеромъ, Черевинымъ и съ адъютантами. Въ это время онъ читаетъ газеты: „Гражданинъ" и „Мос-

ковскія Вѣдомости" (на „Новое Время", подносимое ему ежедневно на особой бумагѣ, онъ рѣдко удостоиваетъ бросить взглядъ), и слушаетъ чтеніе конспекта новостей за послѣдніе дни, состоящаго изъ выписокъ изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ. Кромѣ этихъ выписокъ и одной иностранной газеты, изъ своихъ домашнихъ новостей царь съ удовольствіемъ слушаетъ разныя великосвѣтскія сплетни, и ни одинъ изъ приближенныхъ не обладаетъ въ такой степени талантомъ приправлять ихъ сальными анекдотами и безпощадными, циничными намеками и недомолвками, какъ ген. Черевинъ, извѣстный всей столицѣ, какъ царскій шутъ.

Послѣ отдыха царь принимаетъ доклады министровъ, обсуждаетъ предложенныя ему дѣла, читаетъ указы, подписывая одни и откладывая другіе. Въ 8 ч. подается семейный обѣдъ изъ 4-хъ блюдъ. Послѣ обѣда царь пьетъ чай въ частныхъ апартаментахъ царицы, куда неизмѣнно является въ бумажной блузѣ, подпоясанный кожанымъ ремнемъ.

Царь находитъ огромное удовольствіе въ физическомъ трудѣ, составляющемъ для него столько же необходимость, сколько и развлеченіе.

Всѣ тучи, тяготѣющія надъ домомъ Романовыхъ, какъ будто сошлись и сгустились надъ зимнимъ дворцомъ, къ которому царь чувствуетъ суевѣрное отвращеніе: онъ никогда не ночуетъ тамъ. Даже въ Аничковомъ дворцѣ ему не по себѣ, такъ какъ весь порядокъ его жизни нарушенъ балами, пріемами, посѣщеніемъ различныхъ учрежденій и другими несвойственными ему занятіями. Онъ никогда не обѣдаетъ въ городѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда пріемъ иностранныхъ принцевъ или дипломатовъ вмѣняетъ ему это въ обязанность. Въ половинѣ второго онъ завтракаетъ четырьмя блюдами вмѣсто трехъ, а въ семь часовъ принимаетъ участіе въ холодной закускѣ, послѣ чего обыкновенно бываетъ въ театрѣ, являющемся единственнымъ возмѣщеніемъ за непріятности, которыя ему приходится претерпѣвать въ городѣ. Онъ рѣдко упускаетъ случай посѣтить одинъ изъ императорскихъ театровъ и цѣнитъ хорошую игру. Больше всего онъ любитъ оперу. Послѣ театра онъ никогда не принимаетъ участія въ закускѣ, которая подается прочимъ членамъ семейства, но немедленно ложится спать.

Задачу для физическаго труда гораздо удобнѣе найти въ городѣ, нежели въ деревнѣ, и иногда царь прибѣгаетъ къ курьезнымъ занятіямъ. Напримѣръ, три года тому назадъ онъ рѣшился принять личное участіе въ уборкѣ комнатъ Аничкова дворца на зиму. До этого развѣшивать картины поручалось обойщику, которому платили по семи рублей за картину. На этотъ же разъ царь къ своему удовольствію и къ удивленію домашнихъ развѣсилъ самъ

Когда работа была окончена, царь сказалъ съ улыбкой „Вотъ первыя деньги, которыя я заработалъ“. Если бы онъ узналъ правду, то подивился бы, какъ невеликъ былъ этотъ заработокъ за вычетомъ всѣхъ накладныхъ расходовъ, поступающихъ въ бездонные карманы дворцоваго управленія. Кстати о послѣднемъ. Для иллюстраціи дворцовыхъ расходовъ, нельзя не привести слѣдующей записи по конюшнѣ: „на подмазку хвостовъ для царскихъ лошадей — 30.000 р.“.

Несмотря на всѣ перечисленныя многотрудныя занятія, у царя остается всетаки много свободнаго времени, которое онъ не знаетъ куда дѣвать. Окруженный толпой беззастѣнчивыхъ льстецовъ и тѣснымъ кругомъ семьи, царь не имѣетъ друзей. Онъ подозрителенъ и недовѣрчивъ и не безъ основанія, конечно, склоненъ въ угодливой преданности своихъ избранныхъ людей видѣть скорѣе расчетъ, чѣмъ искренность. На опытѣ онъ убѣдился, какую цѣну имѣютъ самыя торжественныя увѣренія тѣхъ изъ его совѣтниковъ, которымъ онъ довѣрялъ болѣе всего. Такъ было въ исторіи съ Катковымъ, котораго онъ упрекалъ за то, что тотъ „за тридцать сребреннковъ продалъ его жидамъ“. Такъ было съ гр. Д. А. Толстымъ, кн. Барятинскимъ, Вышнеградскимъ — всѣ они обманули его довѣріе, и горечь разочарованія, усиливъ природную мнительность, прибавила къ его отъ природы не особенно великодушному характеру черты мстительности и злопамятности. Даже его братья и другіе родственники держатся въ сторонѣ, опасаясь сдѣлать промахъ, какою либо неловкостью возбудить недовѣріе.

Такимъ образомъ, атмосфера людской симпатіи отсутствуетъ во дворцѣ, даже въ самомъ интимномъ кружкѣ царя. Вокругъ него хуже, чѣмъ пустота, это скорѣе сгустившаяся до невѣроятной степени атмосфера взаимной подозрительности, недовѣрія и страха, въ которой царь боится всѣхъ, и всѣ боятся его.

Погруженный въ эту атмосферу, царь падаетъ духомъ и въ тоскѣ тщетно ищетъ утѣшенія въ родной семьѣ. Жена его, въ молодости легкомысленное, живое созданіе, до страсти увлекавшееся танцами, подъ старость впала въ ханжество; старшій сынъ (это говорится про нынѣ царствующаго кроваваго Николая II-го. Ред.) эпилептикъ отъ рожденія, придя въ возрастъ, сталъ до неприличія увлекаться женщинами и, по словамъ придворныхъ, не даетъ проходу ни одной фрейлинѣ, чѣмъ часто возбуждаетъ гнѣвъ своего отца; старшая дочь болѣзненна и некрасива, и сознаніе своего безобразія дѣлаетъ ее злой, нервной и невыносимой въ обращеніи; средній сынъ Георгій боленъ неизлѣчимой болѣзнью. Такимъ образомъ, никогда еще, по общимъ отзывамъ, не царила во дворцѣ такая мрачная, удручающая атмосфера, какъ теперь.

Умственныя занятія царя далеко не столь утомительны, какъ его физическіе труды. Чтеніе двухъ упомянутыхъ выше газетъ и двухъ историческихъ обозрѣній („Русская Старина“ и „Русскій Архивъ“), онъ читаетъ русскіе и иностранные романы. Изъ русскихъ романистовъ онъ предпочитаетъ Л. Толстого, хотя мало довѣряетъ ему, какъ мыслителю. Музыка дѣйствуетъ на царя успокоительно. Самъ онъ играетъ на тромбонѣ съ такимъ успѣхомъ, какъ любой музыкантъ изъ военнаго хора, и по временамъ устраиваетъ квартеты во дворцѣ, въ которыхъ принимаетъ живое участіе. Художественное его пониманіе не особенно развито, но онъ знаетъ толкъ въ картинахъ.

Царь по натурѣ не изъ храбрыхъ, что обнаружилось еще во время русско-турецкой войны. Послѣдующія событія, въ особенности смерть его отца, еще усилили въ немъ природную трусость. Всѣмъ извѣстно, какъ первое время по вступленіи на престолъ онъ не выходилъ изъ заднихъ комнатъ Гатчины, опасаясь даже караульныхъ офицеровъ. Впослѣдствіи впечатлѣніе страха нѣсколько сгладилось, хотя и теперь онъ никуда не выѣзжаетъ безъ тысячи предосторожностей. Такъ, въ Петербургѣ по улицамъ, гдѣ онъ проѣзжаетъ, разсѣяны шпіоны, изображающіе „народъ“. Если онъ ѣдетъ вечеромъ, закрываютъ проѣздъ по этимъ улицамъ. По желѣзной дорогѣ онъ ѣдетъ еще съ большими предосторожностями. Для охраны линіи производятъ настоящую мобилизацію войскъ, сгоняя цѣлые корпуса, какъ напримѣръ, во время послѣдней поѣздки. Онъ ѣдетъ совсѣмъ особенно. Пускаютъ три поѣзда, совершенно одинаково составленные, идущіе черезъ четверть часа каждый, такъ что неизвѣстно, въ которомъ изъ нихъ находится „самъ“. Онъ отмѣнилъ знаменитый майскій парадъ, опасаясь такой массы войскъ. Онъ боится встрѣчи съ каждымъ, лично ему незнакомымъ человѣкомъ, и въ Гатчинѣ приняты всѣ мѣры, чтобы царю не попался на глаза во время прогулки незнакомецъ. Онъ избѣгаетъ всякихъ празднествъ, оффиціальныхъ собраній, не только изъ склонности къ домашней жизни, но и изъ страха, потому что въ массѣ людей чувствуетъ себя небезопасно.

Уваженіе къ своему слову, будь то обѣщаніе, угроза или вообще мнѣніе, составляетъ добродѣтель и въ то же время недостатокъ царя. Вслѣдствіе ошибки, или внушенія, онъ составляетъ себѣ убѣжденіе, не имѣющее достаточнаго основанія, котораго уже ничѣмъ нельзя поколебать ни логикой, ни краснорѣчіемъ. Рѣзкость рѣчи кажется натуральной такому человѣку, какъ Александръ III, и онъ имѣетъ непріятную манеру не стѣсняться въ выраженіяхъ, при чемъ искренно убѣжденъ, что говоритъ горькую, но несомнѣнную правду. Горечь же эта является результатомъ наговоровъ приближенныхъ. У него нѣтъ и тѣни тонкой

ироніи, онъ не понимаетъ простой, веселой шутки и отказывается поддерживать ее. Ему доступны лишь остроты генерала Черевина, остроты такого сорта, что по словамъ адъютантовъ царя, отъ нихъ покраснѣли бы даже жители острововъ Фиджи. Царь не любитъ стѣснять себя и не откладываетъ въ долгій ящикъ выраженіе своего неудовольствія. Не будучи въ состояніи уколоть обидчика булавкою, онъ не задумываясь пускаетъ въ ходъ дубину.

Какъ же отражается личность царя на текущей жизни? Прежде всего вліяніе его сказывается въ выборѣ министровъ и ближайшихъ совѣтниковъ. Даже его апологисты признаютъ, что этотъ выборъ поразителенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ теченіи двѣнадцати лѣтъ своего царствованія онъ еще ни разу не остановился на личности, репутація которой, какъ человѣка и государственнаго дѣятеля, была бы не замарана. Начиная съ графа Игнатьева и до Витте включительно, всѣ его министры были изъ лицъ съ неограниченнымъ аппетитомъ. Вслѣдствіе этого никогда еще не было такой продажности въ средѣ русской администраціи, какъ теперь. Царь словно задался цѣлью сгруппировать около себя все, что есть худшаго въ Россіи. Объясняется это его неумѣніемъ понимать людей и предвзятыми взглядами, которыми онъ руководствуется при назначеніи. Для него не существуетъ просто людей, а „жиды“ и „не жиды“, „либералы“, „нигилисты“, „добрые патріоты“, „православные“, „иновѣрцы“. Онъ до крайности нетерпимъ, и иниціатива всѣхъ религіозныхъ гоненій исходятъ отъ него. Годъ тому назадъ на постъ директора одного департамента въ министерствѣ юстиціи былъ назначенъ Х., человѣкъ семитическаго происхожденія. Онъ долженъ былъ представляться царю, но его выдающійся носъ и другія еврейскія черты вызвали такое рѣзкое отношеніе къ нему царя, что несчастный чиновникъ совершенно растерялся. Вскорѣ затѣмъ царь, обращаясь къ министру, замѣтилъ: „этотъ Х. паршивый жидъ!“ — „Съ позволенія вашего величества, онъ православный христіанинъ“. — „По народности онъ жидъ, и слѣдовательно это все равно, а я строго воздерживаюсь назначать жидовъ на подобные посты“, возразилъ царь рѣзко и такимъ тономъ, который далъ понять министру, что онъ сдѣлалъ сильный промахъ этимъ назначеніемъ. Царь такъ же нетерпимъ къ штундистамъ и католикамъ. Въ арміи, какъ извѣстно, служило и служитъ много офицеровъ католиковъ, которыхъ царь не терпитъ и всячески утѣсняетъ. По его распоряженію, они могутъ быть только подчиненными, но не командирами отдѣльныхъ частей. Если, что случается рѣдко, по выслугѣ чиновъ и особой милости непосредственнаго начальства, офицеръ католикъ опредѣляется на постъ такого начальника, то стараются, чтобы царь этого не зналъ. Закрытіе костеловъ въ Польшѣ и варварское приведеніе

уніатовъ въ лоно православія исходитъ непосредственно отъ царя, который видитъ свою миссію въ истребленіи всѣхъ не православныхъ. Нѣтъ такой мѣры противъ штундистовъ, которой бы онъ не одобрилъ, и нынѣшній московскій митрополитъ Леонтій пользуется его особымъ благоволеніемъ за ту свирѣпость, съ которой онъ преслѣдовалъ штундистовъ, будучи одесскимъ архіереемъ.

Жестокія гоненія противъ евреевъ и прочихъ иновѣрцевъ возбуждаютъ упреки даже въ средѣ наиболѣе близкихъ царю лицъ. Его пробовали уговорить, убѣждали и доказывали, что слѣдуетъ быть мягче и терпимѣе, почти всѣ министры. Но всякое противодѣйствіе вызываетъ въ царѣ жестокій гнѣвъ и неудовольствіе. Датская королева пыталась неоднократно повліять на него, но и ея усилія были тщетны. Однажды, когда она и ея мужъ употребляли все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить его, царь отвѣтилъ: „я, природный русскій, въ высшей степени трудной нахожу задачу управлять моимъ народомъ изъ Гатчины, которая, какъ вамъ извѣстно, находится въ Россіи, а вы, иностранцы, воображаете, что можете успѣшно управлять изъ Копенгагена“.

Ненависть царя къ евреямъ, кромѣ убѣжденія, что все неправославное подлежитъ геенѣ огненной, имѣетъ еще специфическую причину. Его убѣдили, что ряды русскихъ революціонеровъ пополнялись и пополняются преимущественно евреями, что самая идея революціи внушена русскому обществу евреями. Вотъ почему онъ такъ безпощаденъ къ нимъ. Рабская толпа санобаниковъ съ Побѣдоносцевымъ во главѣ эксплоатируетъ эту ненависть въ своихъ цѣляхъ и еще болѣе раздуваетъ ее.

Въ правленіи царь стремится всегда быть единодержавнымъ и ограничиваетъ дѣятельность министровъ. Онъ прежде всего самодержецъ, его власть отъ бога, — онъ вѣритъ въ это и считаетъ себя непогрѣшимымъ. Этотъ тупой и ограниченный умъ, разъ увѣровавъ въ божественное начало, руководящее имъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, огражденъ непроницаемымъ щитомъ отъ всякаго посягательства логики. Каждое его дѣйствіе есть проявленіе божества, каждое противодѣйствіе его волѣ — ослушаніе божеству, грѣхъ, которому нѣтъ прощенія. Эта вѣра въ свою божественность и непогрѣшимость доходитъ въ царѣ до смѣшного. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ онъ повелѣлъ министру финансовъ Бунге редактировать указъ, чтобы отнынѣ бумажный рубль былъ равноцѣненъ золотому. Бунге возразилъ, что это невозможно. „Невозможно, но я требую этого и готовъ нести всѣ послѣдствія указа.“— отвѣтилъ царь. Бунге пустился въ объясненія, пересыпанныя техническими терминами, взбѣсившими царя до того, что онъ воскликнулъ: „Пошлите мнѣ человѣка, который говорилъ бы по русски!“. Въ другой разъ, когда мѣ

ка, предложенная царемъ, вызвала замѣчаніе министра финансовъ, что она понизитъ курсъ рубля, царь отвѣтилъ: „я не биржевой маклеръ, меркантильныя соображенія мнѣ безразличны!“ Въ тысячѣ случаевъ проявляется въ царѣ эта манія самодержавія. Въ 88 г. онъ ѣхалъ изъ Батума на паровомъ суднѣ, подъ командою капитана Радкова, котораго онъ разспрашивалъ о состояніи судна. „А теперь я желаю быть на мѣстѣ во столько то часовъ“,— заявилъ царь, тономъ, не допускающимъ возраженія: „переведите это на пары“. — „Если бы судно было послушно такъ же, какъ я, в—у в—ву“, отвѣтилъ капитанъ:— „то не было бы никакого затрудненія, но дѣло въ томъ, что котлы...“ На этомъ мѣстѣ царь круто повернулся на каблукахъ.

Его самодержавность сказывается въ томъ презрѣніи, съ какимъ онъ относится къ государственному совѣту, потерявшему теперь даже тѣнь значенія. Она сказывается также въ презрѣніи царя къ т. н. самоуправленію, къ суду присяжныхъ. словомъ ко всему, что является, хотя бы и слабымъ, ограниченіемъ единовластія. Вотъ почему царь ненавидитъ иностранную политику. Хотя и смутно, но онъ сознаетъ, что его божественныя велѣнія, непререкаемыя для Россіи, встрѣчаютъ критику и неповиновеніе за ея предѣлами. Франко-русскій союзъ, о которомъ столько кричатъ французскіе и русскіе шовинисты, — больное мѣсто царя. Онъ, самодержецъ „милостію божіею“, вынужденъ протянуть руку народу, изгнавшему у себя это „милостію божіею“! Только жестокая необходимость могла заставить его допустить этотъ союзъ, и при первомъ удобномъ случаѣ онъ порветъ его. Царь допустилъ союзъ съ Франціей подъ давленіемъ непреодолимаго страха войны. Онъ боится ея, какъ человѣкъ по природѣ трусливый и какъ человѣкъ нерѣшительный, зная по опыту, какъ возможны на войнѣ всякія случайности. Кромѣ того, онъ недовѣрчивъ и подозрительно относится къ своимъ генераламъ. Самыхъ опытныхъ и талантливыхъ онъ держитъ въ отдаленіи и довѣряетъ Ванновскому, убѣдившись въ его ограниченности. Ничѣмъ нельзя напугать такъ царя, какъ бомбой, при одномъ воспоминаніи о которой онъ впадаетъ въ изнеможеніе, и военнымъ заговоромъ. Послѣдняго онъ, пожалуй, боится больше, чѣмъ первой и сторонится отъ гвардіи.

Нельзя, однако, быть увѣреннымъ, что онъ не начнетъ войны. Божественные „гласы“ и „видѣнія“ могутъ его подвигнуть въ моментъ, самый подходящій и онъ обнажитъ мечъ по мотивамъ менѣе всего вѣроятнымъ. Трудность постичь мотивы дѣйствій царя и дѣлаетъ его страшнымъ и неизвѣстнымъ для его враговъ на международной политической аренѣ, но и друзья относятся къ нему недовѣрчиво и съ опасеніемъ.

Въ заключеніе не можемъ не привести анекдота, очень

популярнаго въ Петербургѣ, рисующаго отношеніе къ царю петербургскихъ обывателей. На посту возлѣ Аничкова дворца стоитъ городовой. Мимо проходятъ двое интеллигентныхъ по виду господъ. Одинъ, продолжая начатый разговоръ, замѣчаетъ другому: „Увѣряю тебя, что это такъ. Ты знаешь, что онъ трусъ и глупъ...“ — „Позвольте, господинъ!“, вмѣшивается городовой, „пожалуйте въ участокъ.“ — „Въ участокъ? Да ты съ ума сошелъ, что ли?“, удивляется прохожій. — „Знаемъ мы, знаемъ, кто это трусъ и глупъ... Пожалуйте въ участокъ, тамъ разберутъ!“

Таковъ этотъ царь, пугало для западной Европы, гдѣ политическая карикатура иначе не изображаетъ его, какъ въ образѣ медвѣдя съ короной на головѣ, — человѣкъ, не внушающій ни любви, ни уваженія, тупой и ограниченный умъ, которому, по злой ироніи судьбы, ввѣрена участь громаднаго государства.

Общее недовольство разлито въ воздухѣ, и это настроеніе неудовлетворенности существующимъ порядкомъ наростаетъ какъ лавина. Задерживать это движеніе такое же безуміе, какъ возлагать надежды на самодержавіе. Самодержавіе умерло въ самомъ себѣ, хотя и сохранило видимую форму. Оно напоминаетъ рыцаря въ полномъ вооруженіи, какихъ иногда находятъ въ замкнутыхъ подземельяхъ. Но лишь только проникаетъ туда струя свѣжаго воздуха, — рыцарь на глазахъ изумленныхъ зрителей разсыпается въ прахъ.

Въ привѣтственной рѣчи при встрѣчѣ царя въ Боркахъ, духовный ораторъ отмѣтилъ, какъ „особую благодать божью“, что царь „пребываетъ въ покоѣ“, въ то время, когда вокругъ него „мятутся народы“. И это совершенно вѣрно. Въ этомъ „покоѣ“ все спасеніе царя, потому что, когда онъ встанетъ и начнетъ дѣйствовать, — тогда наступитъ его послѣдняя минута. Ударится ли онъ въ сугубую реакцію, — хотя, повидимому, предѣлъ уже достигнутъ въ этомъ отношеніи, или пойдетъ налѣво, въ сторону освободительныхъ реформъ, — что невѣроятно, — онъ все равно погибнетъ, такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, волна общественной жизни, такъ долго сдерживаемая, наконецъ хлынетъ съ всесокрушающей силой, и трудно предвидѣть, до какой высоты она поднимется и гдѣ остановится.

Да, въ покоѣ — все спасеніе царя, и, чѣмъ дольше сможетъ онъ его выдержать, тѣмъ лучше для него и тѣмъ хуже для русскаго народа“.

Казнь главнаго командира черноморскаго флота адмирала Чухнина.

I.

Не безъ тайныхъ надеждъ поступалъ я на военную службу. Я зналъ всю жестокость и тяжесть обстановки военной жизни, въ которой томятся милліоны только что расцвѣтшихъ молодыхъ силъ, насильно вырванныхъ изъ своихъ семей. На своей родинѣ мнѣ не разъ приходилось наблюдать, какъ новобранцевъ уводили на службу или вѣрнѣе на истязанія и мученія. На здоровыхъ, молодыхъ лицахъ написана тоска, та отчаянная тоска, которую напрасно старались они послѣдніе дни свободы заглушить водкой. Тяжелыя сцены прощанія единственныхъ кормильцевъ со стариками родителями, плачъ женъ и дѣтишекъ, вой и причитаніе матерей, все это дѣлало картину прощанія потрясающей. Какъ на смерть шли съ блѣдными лицами молодые люди. Всѣ прощались съ ними навсегда. Кто хоть разъ видѣлъ эти картины, не сможетъ никогда ихъ забыть. Я молча съ болью и грустью провожалъ тоже этихъ несчастныхъ „героевъ дня“ и каждый разъ съ ними вмѣстѣ страдалъ, переживалъ ихъ чувства, ихъ страданія, а когда возвращался домой въ одиночествѣ у меня появлялось и новое сильное чувство — злоба, противъ людей, по винѣ которыхъ проливается столько слезъ, и это новое чувство больно, больно щемило мнѣ сердце. Часто наивныя мысли рождались въ головѣ, я думалъ: „а что, если бы знали, сами видѣли эти ужасающія сцены проводовъ тѣ люди, отъ которыхъ исходятъ распоряженія о наборѣ, а потомъ закабаленіе молодыхъ силъ въ душныхъ, грязныхъ тюрьмахъ-казармахъ, то неужели они не уничтожили бы эти вредные, жестокіе законы, неужели душураздирающія сцены не тронули бы ихъ сердца?!“

Такъ я думалъ и внутренно часто спрашивалъ себя, во времена юныхъ лѣтъ. Прошли годы... И вотъ я самъ изъ простого наблюдателя сдѣлался этимъ „несчастнымъ героемъ дня“, жертвою самодержавнаго закона. Въ ноябрѣ 1904 года меня призвали на службу и зачислили въ черноморскій флотъ. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до поступленія на

оенную службу я какъ бы прозрѣлъ, посмотрѣвъ серьезно и внимательно на окружающую жизнь и увидѣлъ жестокую, суровую дѣйствительность: нищета, невѣжество хватили людей, невозможныя условія рабочихъ, беззаконье крестьянъ, у которыхъ за неуплату податей отбирали послѣднюю скотину, картины произвола, насилія властей и безправіе русскаго народа, вотъ что предстало предо мной. Я научался осмысливать эти явленія. Плохо я зналъ и мало слышалъ о научныхъ теоріяхъ соціализма, но я душою чувствовалъ, угадывалъ, что въ этихъ явленіяхъ есть что то ненормальное, что то не такъ ладно и въ экономическихъ и правовыхъ отношеніяхъ между людьми. Это вотъ „что то неладное“ меня мучило, угнетало, я думалъ долго, но не находилъ отвѣта. Если бы вы знали какъ тяжело, мучительно, когда твой мозгъ долбитъ одна мысль: гдѣ-же справедливость? Кучка людей, очень ничтожная часть, пользуется всѣми благами цивилизаціи, ничего не дѣлаетъ, мало думаетъ, вдоволь ѣстъ, загребаетъ съ трудящихся деньги, ѣздитъ куда захочетъ, а другая часть, называемая трудовымъ народомъ — всѣ эти рабочіе и крестьяне, вѣчно занятые трудомъ, голодные, грязные, безъ одежды, какъ они живутъ или вѣрнѣе влачатъ свое существованіе? И почему все это такъ устроено, что классъ эксплуататоровъ пользуется всѣмъ, а классъ эксплуатируемыхъ ничѣмъ? И вотъ снова и снова начиналъ сверлить мнѣ мозгъ этотъ вопросъ и снова я метался и искалъ разрѣшенія мучившихъ меня вопросовъ и неизмѣнно приходилъ къ одному выводу, что такъ дальше жить нельзя, нельзя спокойно жить, когда идетъ борьба между двумя классами, такъ жить преступно. Я видѣлъ бьющійся народъ въ хищныхъ кровавыхъ когтяхъ царской власти и эксплуататоровъ и эта борьба зажгла во мнѣ горячую ненависть къ этому меньшинству управляющему большинствомъ, а требованія и желанія всего народа равенства, братства, любви и справедливости, сдѣлались и моими требованіями, и моимъ страстнымъ желаніемъ... Жизнь меня дѣлала соціалистомъ, во мнѣ постепенно вырабатывалось сознаніе, что только при соціалистическомъ строѣ возможна справедливость и осуществимы всѣ требованія и желанія эксплуатируемаго большинства. Мнѣ становилось все яснѣе и яснѣе, что съ уничтоженіемъ купли и продажи, этого самаго великаго зла, т. е. частной собственности на землю и на всѣ орудія труда, когда вся работа будетъ поставлена и организована на общественно-товарищескихъ началахъ, тогда и только тогда будетъ конецъ порабощенію человѣка человѣкомъ, только тогда будутъ нормальныя отношенія между людьми, только тогда наступитъ истинная свобода, истинное равенство и истинное братство и любовь. Но самымъ необходимѣйшимъ и первымъ требованіемъ народа, какъ тогда, такъ и теперь, является пол-

ная политическая свобода, полная воля народа и вся земля крестьянамъ.

Царское правительство безпощадно всюду сѣяло смерть, ужасъ и возмущеніе.

Ивотъ все это меня сдѣлало и революціонеромъ. Жизнь, ея условія и само правительство меня сдѣлали соціалистомъ и революціонеромъ. У меня было сильное желаніе повнимательнѣе разобраться въ сложныхъ вопросахъ жизни и мнѣ такъ захотѣлось строить свою жизнь на этихъ новыхъ соціалистическихъ началахъ; но это мнѣ не удавалось: что ни шагъ, то пропасть, или преграда, тогда я рѣшилъ посвятить сво южизнь борьбѣ за новый строй лучшій и справедли вый.

Когда меня тащили на службу, я зналъ, что вся эта, такъ называемая, военная служба „за вѣру, царя и отечество“ есть сплошная ложь, а присяга, даваемая при поступленіи, одна изъ постыдныхъ формъ закрѣпленія этой лжи. Все это я зналъ, но не могъ отказаться и не идти, у меня, сознаюсь, тогда еще не было силъ и рѣшительности вступить въ непосредственную борьбу со зломъ. Тогда я только переживалъ то переходное состояніе, когда человѣкъ стоитъ на распутьи двухъ дорогъ: сознаетъ необходимость борьбы, но еще не рѣшается самъ одинъ вступить въ борьбу, если его не толкнутъ въ нее какія нибудь еще новыя жестокія условія жизни. Я хотѣлъ борьбы, но видѣлъ безсиліе борющагося народа, сознавалъ свою безпомощность и все это меня удерживало отъ активнаго участія въ ней. При этомъ невѣдомый мнѣ голосъ шепталъ: „иди учись переносить все за народъ, учись и бороться за его счастье... и я пошелъ...

Когда я поступилъ на службу, то чувствовалъ себя какъ бы закованнымъ въ желѣзныя цѣпи, на душѣ было нехорошо, послѣ той жизни, которую каждый изъ насъ испыталъ въ ней. Когда я переступилъ порогъ казармы, ужасъ и страхъ объяли меня. Въ ней такъ было сѣро, безобразно: закоптѣлыя стѣны, грязный полъ и какая-то духота, сырость; жутко было въ этой тюрьмѣ. Вотъ оно, то зданіе, гдѣ томятся и гибнутъ напрасно молодыя народныя силы, подумалъ я, и мнѣ стало какъ то еще страшнѣе отъ этихъ мыслей. Какъ сейчасъ помню и ту ночь, когда я первый разъ былъ назначенъ на дежурство. Надо было, совершенно безъ всякой нужды и какого либо смысла, бодрствуя всю ночь, наблюдать за спавшей сотней моряковъ. Бродилъ я такъ цѣлую ночь, то медленнымъ, то нервнымъ быстрымъ шагомъ, по плохо освѣщенному длинному корридору, гдѣ мертвую тишину нарушали собственные шаги, да храпѣнье спавшихъ товарищей. И много я думалъ за эту ночь, думалъ о томъ какъ всѣ эти люди насильственно оторванные проклятымъ правительствомъ отъ своихъ родителей, женъ и дѣтей и знакомыхъ, съ которыми они съ малыхъ лѣтъ сжились, какъ они мо-

гутъ такъ спокойно спать безмятежнымъ сномъ въ этой душной атмосферѣ пропитанной запахомъ керосина, гари и копоти? Какъ они могутъ быть въ этой гадкой тюрьмѣ, куда ихъ такъ насильственно сгоняли сатрапы царя и подъ угрозой тюрьмы, повѣшенія и разстрѣла заставили безъ разсужденій, безъ размышленій подчиниться безсмысленнымъ приказаніямъ офицеровъ, жить во вредной, губительной обстановкѣ солдатской жизни. При этихъ думахъ мнѣ такъ было тяжело и больно, такъ стало жалко этихъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомыхъ мнѣ людей, что я не выдержалъ, отошелъ въ уголокъ... и плакалъ жгучими слезами боли и глубокой скорби, это были и слезы глубокой ненависти къ главнымъ мучителямъ и тиранамъ народа. Мозгъ работалъ, ненависть росла и вопросъ за вопросомъ вставали въ головѣ.

За что, за что столько страданій? Кто далъ право кучкѣ людей, именующей себя правительствомъ, распоряжаться и топтать ногами личность другихъ? Да, что такое само правительство; почему такъ равнодушно ко всѣмъ несчастіямъ страны относится царь, этотъ „милостивый“, „добрый“ царь?

Сразу отвѣта на эти вопросы я не нашелъ, но потомъ опять сама жизнь, окружающая дѣйствительность подсказала мнѣ ихъ и я увидѣлъ, гдѣ заключается главное зло и бѣдствіе народа, его страданія.

Шли дни.

Я познавалъ больше и больше народныхъ враговъ, событія мнѣ помогали. Желѣзный, дикій законъ военной дисциплины въ годъ мнѣ далъ еще больше понять, что нужно немедленно приняться за борьбу, нужно вложить свои силы въ общую народную борьбу за свѣтлое, радостное будущее. Цѣлую жизнь я находился въ положеніи человѣка, вылѣзающаго по крутому обрыву изъ пропасти. Я зналъ одно, что назадъ ползти нельзя тамъ глубокая бездна, впереди хоть и далеко, но видно солнце, яркое веселое солнце, къ нему путь длиненъ, можно на пути сорваться и погибнуть, но что лучше погибнуть на пути къ солнцу или въ холодной сѣрой пропасти? И я выбралъ первый путь, путь къ солнцу, сказавъ себѣ: „умру на пути къ солнцу. Лучше проложить другимъ къ нему хоть часть дороги.“

II.

Кровавыми буквами на страницахъ исторіи записаны революціонные дни въ черноморскомъ флотѣ, начиная съ событій на „Потемкинѣ“ и кончая разстрѣломъ „очаковцевъ“. Всѣмъ я думаю памятны дни самаго дикаго, самаго страшнаго произвола русскаго царя. Николай II-ой разлилъ по матушкѣ Россіи кровавые рѣки. Не достаточно напившись кровью народа на Дальнемъ Востокѣ, онъ при-

казалъ устроить бойню внутри Россіи и посмотрите есть ли теперь хоть одно маленькое мѣсто, уголокъ, котораго не касалась бы кровавая рука Николая Послѣдняго или руки его послушныхъ палачей. Не миновалъ и Севастополь „милости“ царя, и его вѣрные слуги: Чухнинъ и Неплюевъ съ цѣлой сворой своихъ прислужниковъ, набросились на истинныхъ защитниковъ народа. Я видѣлъ съ какимъ энтузіазмомъ разъѣзжалъ Чухнинъ по полкамъ, призывая солдатъ и матросовъ на борьбу съ „крамольниками“,— какъ онъ называлъ народныхъ борцовъ, возставшихъ за народную волю и землю; и раздавая денежныя награды, морякамъ *) Чухнинъ заявилъ такъ: „вы, бараны! знайте, что я вашъ Богъ и Царь: вы должны дѣлать то, что я вамъ приказываю!“...

Вотъ тогда я увидалъ весь ужасъ и зло въ существованіи такихъ людей.

Такъ вотъ они гдѣ „боги и царьки насильники, высасывающіе и льющіе народную кровь“,—думалъ я; ненависть къ нимъ у меня такъ быстро и сильно росла, что я тутъ же въ душѣ рѣшилъ, что цари злодѣи и ихъ слуги, вродѣ Чухнина и Неплюева, должны понести кару, нельзя оставить преступленія народныхъ враговъ безъ наказанія!

III.

Революціонная борьба и реакція дѣлали изъ меня понемногу и террориста. Ненависть все больше и больше накипала у меня въ душѣ къ царскому холопу Чухнину и я вотъ рѣшилъ при возможности положить предѣлъ его насиліямъ. Эта мысль глубоко засѣла у меня въ головѣ и я сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы осуществить ее на дѣлѣ.

Мнѣ скоро удалось проникнуть въ качествѣ садовника на дачу адмирала „Голландія“. Дачная жизнь меня немного пріободрила послѣ казарменной сутолоки. Я очутился опять среди природы, съ утра до ночи возился около деревьевъ, растеній, изучая ихъ физіологію, анатомію; упивался ароматомъ душистыхъ цвѣтовъ и мнѣ становилось такъ легко и свободно на душѣ.

Такое состояніе продолжалось не долго. Разумъ пробуждался отъ этого состоянія и въ головѣ опять вставали вопросы: зачѣмъ, для кого эти старанія и трудъ? Для народнаго врага? — и мучительная боль снова зашевеливалась въ моемъ сердцѣ, кровь начинала кипѣть отъ негодованія. Тутъ же проносились и послѣднія картины изъ дачной жизни, говорившія о жестокости адмирала.

Совершенно немыслимо было сохранить спокойствіе при видѣ царящихъ безобразій на дачѣ. „Голландія“ занимала около 100 дес. земли, изъ которыхъ нѣсколько десятинъ

*) Которые потомъ были отобраны. Я. А.

было подъ постройками, паркомъ, плодовымъ садомъ, ви нограднико мъ и огородомъ.

Всѣ работы производились матросами, жившими тамъ же на дачѣ, въ спеціально построенной для нихъ казармѣ въ количествѣ 25 человѣкъ. На всѣ расходы казной выдавалось 10 т. р., но куда дѣвалась такая сумма? — никто не зналъ. Матросы получали за свой непосильный трудъ только 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ, а расходовъ по саду было очень немного. Такъ, напримѣръ, на выписку сѣмянъ уходило въ годъ 130 р. и только, а всѣ остальныя хозяйственныя вещи доставлялись изъ порта казной не въ счетъ выдаваемой суммы. Можно было бы сказать, что эта сумма тратилась завѣдывающимъ казенными землями, г. Шавринымъ, застрѣлившимся за 20 дней до казни Чухнина, но онъ вѣдь былъ совершенно устраненъ отъ дачи и роль завѣдывающаго исполнялъ... самъ адмиралъ Черноморской эскадры. Но это не все; жадность Чухнина была къ деньгамъ такъ же велика, какъ и къ народной крови. Въ двухъ верстахъ отъ дачи есть деревня „Паніотовка“, гдѣ крестьяне совершенно не имѣютъ земли, для того, чтобы пасти свой скотъ. Выхожу я однажды на работу, смотрю — набѣжала полная дача женщинъ. Спрашиваю первыхъ попавшихся: что такое? „Да какъ же, батюшка, загнали коровокъ и просятъ по 3 рубля, а не то и коровъ не дадутъ“, — завопила толпа.

Смотрю и самъ Шавринъ здѣсь.

— „За что вы мучаете крестьянъ то?“

— Ничего не подѣлаете, Чухнинъ приказалъ; я было и такъ не обращалъ на это вниманіе, а тутъ получаю выговоръ за выговоромъ за неисполненіе обязанностей“.

И бѣдные крестьяне принуждены были, каждый заплатить по три послѣднихъ рубля, чтобы выкупить своихъ коровъ.

Съ назначеніемъ Чухнина на постъ главнаго командира, и вмѣстѣ съ тѣмъ военнаго генералъ-губернатора, онъ первымъ долгомъ разсчиталъ изъ порта 500 чел. рабочихъ, а потомъ еще 200, и такимъ образомъ оставилъ ихъ безъ куска хлѣба съ ихъ семьями. Это была его первая генералъ-губернаторская „милость“ народу. Не лучше были его отношенія и къ военной средѣ. Когда онъ подписалъ смертный приговоръ товарищамъ „Потемкинцамъ“, то еще и лично послалъ своего адъютанта Ковѣйскаго, удостовѣриться въ точности исполненіи приговора; — этотъ же Ковѣйскій дострѣливалъ изъ револьвера товарищей, мучившихся въ предсмертныхъ судорогахъ.

Не церемонился адмиралъ и съ мертвыми „крамольниками“, такъ онъ приказалъ разбросать земляной памятникъ, гдѣ были зарыты 30 товарищей „Очаковцевъ“ и только потому, что тамъ была выложена изъ камней надпись: съ одной стороны „Братіе“, съ другой: „Погибли за

свободу 1905 года 15-го ноября". Насыпь эту сдѣлали товарищи матросы, несшіе гробы. Не могу я спокойно вспомнить этотъ моментъ, когда зарывали погибшихъ товарищей „очаковцевъ".

Чухнинъ же приказалъ, какъ извѣстно всѣмъ, выбросить въ море тѣло Шмидта, и другихъ, вмѣстѣ съ нимъ погибшихъ товарищей. Но это не все; преступленій Чухнина не перечесть, на его совѣсти лежатъ и по сію пору томящіеся товарищи въ тюрьмахъ и дисциплинарныхъ баталіонахъ.

IV.

Въ августѣ 1905 года нашъ адмиралъ, вмѣсто того, чтобы быть въ „компаніи судовъ", проводилъ время на дачѣ и упиваясь изъ своего кабинета, утопающаго въ цвѣтахъ, запахомъ душистыхъ розъ, отдавалъ кровавый приказъ за приказомъ. Я каждый день приготовлялъ вазы цвѣтовъ въ его кабинетѣ и иногда удавалось прочитывать его секретные документы. Вотъ гдѣ, думалъ я, настоящій корень зла отъ котораго исходитъ столько крови и бѣдствій и мысль мѣсти врагу и смерть злодѣю все больше и больше крѣпла во мнѣ. Не знаю, чувствовалъ ли онъ несправедливость своихъ поступковъ или нѣтъ, но я видѣлъ только, что онъ боялся за свою жизнь. Такъ, однажды, рано утромъ, зашелъ я съ вазой въ кабинетъ, вдругъ изъ за письменнаго стола вскакиваетъ самъ Чухнинъ и схватывается за револьверъ; его блѣдное лицо и этотъ поступокъ дали мнѣ знать, что я его перепугалъ, и я не замедлилъ извиниться

Не малую роль играла въ его суровыхъ отношеніяхъ и распоряженіяхъ къ военнымъ его „любовница", очень гнусная и злая личность. Его законная жена живетъ съ сыномъ лейтенантомъ въ Петербургѣ. И вотъ этой „мнимой адмиральшѣ" не понравилось, что матросы ходятъ гулять въ скверъ, она пожаловалась своему возлюбленному и по распоряженію послѣдняго на вывѣскѣ у входа, гдѣ было раньше только написано: „собакъ не водить", появилась новая подпись: „матросамъ и собакамъ входъ воспрещенъ". На дачѣ же она всячески старалась развить въ „своихъ подчиненныхъ" чувство патріотизма „Правительственнымъ Вѣстникомъ" и другими подобными по содержанію газетами и брошюрами. Но не смотря на всѣ ея старанія, мнѣ все таки очень часто незамѣтнымъ образомъ удавалось сжигать цѣлыя кипы черносотенныхъ листковъ и газетъ и замѣнять ихъ другими революціонными изданіями.

V.

Всѣ высокопоставленныя лица имѣютъ обыкновеніе ограждать себя сворой шпіоновъ. По пріѣздѣ моемъ на дачу, меня встрѣтилъ приличный, но подозрительный человѣкъ,

отрекомендовавшійся сторожемъ дачи. Съ перваго же раза я замѣтилъ въ немъ неискренность и сталъ тщательно наблюдать за нимъ. Нашъ сторожъ частенько выпивалъ и ничего не дѣлалъ, а все время разговаривалъ о политикѣ съ матросами и даже однажды выругалъ царя, чѣмъ еще больше возбудилъ во мнѣ подозрѣніе.

Вечеромъ, проходя черезъ паркъ, я встрѣтилъ пьяненькаго сторожа и затащилъ его къ себѣ въ квартиру (я имѣлъ отдѣльное помѣщеніе), угостилъ заранѣе припасенной водкой, чаемъ и когда увидалъ что онъ размякъ подъ вліяніеніемъ винныхъ паровъ, говорю ему: „эхъ, Брагинъ, Брагинъ!“— „А что?“ — „Не сторожемъ бы вамъ быть, а носить мундиръ и шашку!“ — Это, очевидно, задѣло его самолюбіе и онъ чистосердечно разсказалъ, что онъ не сторожъ, какъ я объ немъ думаю, а онъ жандармъ и посланъ Чухнинымъ наблюдать за порядками. „А, такъ вотъ оно что!“—думалъ я. —„Только вы объ этомъ пожалуйста не говорите никому“ — добавилъ мнимый сторожъ. Я далъ свое согласіе и мы разстались. Теперь я ясно себѣ представилъ, почему этотъ такъ называемый сторожъ частенько ко мнѣ ходилъ и наблюдалъ за всѣми моими движеніями.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ нашъ адмиралъ благополучно перебрался съ дачи въ зимній дворецъ; вскорѣ уволился и нашъ „сторожъ“. Не знаю, вкусныя ли яблоки приманивали избалованнаго сторожа или что-либо другое, но только онъ появился во всемъ своемъ блескѣ жандарма къ намъ на дачу и только тутъ поняли еще не догадавшіеся товарищи, что представлялъ изъ себя нашъ бывшій „сторожъ“.

VI.

Съ отъѣздомъ адмирала, стало больше свободнаго времени и я смогъ войти въ сношеніе съ летучимъ боевымъ отрядомъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, отъ котораго и надѣялся получить помощь въ выполненіи задуманнаго мною дѣла. Кое какую помощь я получилъ, но пока по конспиративнымъ соображеніямъ ничего объ этомъ не стану говорить.

Сейчасъ вотъ мнѣ припоминается то время, когда всѣ, даже революціонныя организаціи, такъ боялись всѣхъ людей близко стоявшихъ къ такимъ лицамъ, какъ Чухнинъ; всѣ относились съ презрѣніемъ къ намъ, и мнѣ было очень тяжело переносить это, видѣть такое отношеніе. Мнѣ было больно, сильно щемило душу, сердце отъ этого, и я плакалъ.

Такъ я мучился до тѣхъ поръ, пока народный гнѣвъ не обрушился на голову этого палача въ лицѣ сестры Измайловичъ. Кога я услышалъ о выстрѣлѣ Измайловичъ, я обрадовался и бросился туда гдѣ она стояла, —

но, Боже, что я тамъ увидѣлъ: несчастная сестра лежала мертвой и вся въ крови, а онъ, этотъ дикій кровожадный палачъ, остался жить съ легкой раной. Я готовъ былъ тогда броситься въ эти хоромы и задушить его своими руками. Такъ палъ дорогой нашъ товарищъ! Преклоняюсь передъ прахомъ твоимъ, дорогая сестра, Катя; ты умерла, но твой духъ вѣчно живъ въ насъ!

VII.

Настала весна; природа ожила; птички запорхали; травка зазеленѣла; клумбы зардѣлись, и дача снова ожила. Казалось все было готово, — только не пріѣзжалъ на дачу Чухнинъ. Но вотъ неожиданно показался и адмиралъ. Я въ это время былъ въ оранжереѣ и увидѣлъ черезъ стекло мимо проходящаго Чухнина въ сопровожденіи вооруженнаго конвоя. Быстро выхватилъ изъ подъ стилажа ружье и, облокотившись на стилажъ, сталъ цѣлиться. Свѣжія, душистыя розы, повисшія надъ моей головой, обдавали меня своимъ ароматомъ. „Зачѣмъ?“ — шепталъ мнѣ чей то голосъ; — „живи и дыши, какъ эти пахучія розы“. Борьба между жизнью и смертію овладѣла мною, и я выронилъ ружье изъ рукъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Чухнинъ уѣхалъ и не пріѣзжалъ долгое время.

VIII.

Въ началѣ іюня на дачу явились два офицера, одинъ изъ которыхъ былъ адъютантъ Чухнина. Какая цѣль была ихъ пріѣзда, — не знаю; только они явились ко мнѣ въ квартиру и тщательно ко всему присматривались. Къ счастью все обошлось спокойно, я не былъ ни въ чемъ заподозрѣнъ, мои мысли продолжали работать въ направленіи давно задуманной цѣли.

27-го іюня по дачѣ впервые разнесся слухъ о предстоящемъ пріѣздѣ адмирала. Обыкновенно, когда онъ посѣщалъ дачу, то никто объ этомъ не зналъ, а тутъ какъ на зло всѣ заговорили и готовились къ встрѣчѣ „своего возлюбленнаго“ командира. Вездѣ закипѣла работа: кто бросился расчищать дорожки, гдѣ долженъ онъ пройти, посматривая то и дѣло въ сторону пристани, не подъѣхалъли адмиралъ; кто спрятался въ укромный уголокъ чтобы вовсе его не видѣть, а нѣкоторые бѣгали какъ-бы въ лихорадкѣ изъ одного конца въ другой, какъ бы передъ грознымъ нашествіемъ непріятеля. Я наблюдалъ за всѣми этими движеніями; всматривался въ лица ничего не подозрѣвающихъ людей и мысленно продолжалъ подготавливать уже давно задуманный планъ.

На судахъ уже пробило 3 часа, но адмирала все нѣтъ. Я зналъ эту ловушку, и не придавалъ особеннаго значенія слуху объ его пріѣздѣ, но всетаки сталъ готовиться.

Собралъ свои документы; осмотрѣлъ ружье и браунингъ; пошелъ въ казарму предупредить по телефону товарищей о помощи. Я просилъ потому, что одному дѣйствовать было очень трудно, такъ какъ Чухнина обыкновенно сопровождали вооруженные люди. Ровно въ 5 часовъ пополудни ко мнѣ пришли два товарища. Я подѣлился съ ними планомъ дѣйствія, устроилъ имъ засаду на всякій случай какой либо помощи, а самъ продолжалъ наблюдать за всѣмъ происходящимъ на дачѣ. Такъ прождали мы до 6 ч. вечера. Какъ вдругъ къ пристани причалилъ катеръ, оказалось что же: вмѣсто адмирала пріѣхалъ его лакей и два переодѣтыхъ матросами жандарма. Я любезно ихъ встрѣтилъ и между прочимъ спросилъ объ адмиралѣ, но они на это ничего не отвѣтили и прошли въ казарму матросовъ. Я тоже прошелъ туда и при разговорахъ съ прибывшими больше поддакивалъ имъ, желая узнать въ чемъ дѣло и чего собственно имъ нужно здѣсь, объ адмиралѣ ничего не узналъ и, проболтавъ съ полчаса времени, пошелъ предупредить товарищей въ засадѣ, и они ушли. Эти же три шпіона пробыли на дачѣ всю ночь, не переставая вести черносотенную агитацію. Я тоже ни на минуту не упускалъ ихъ изъ виду, продолжая поддерживать еще въ болѣе яркихъ краскахъ ихъ черносотенныя рѣчи. Сдѣлавъ видно выводъ о дачѣ, какъ о черносотенной, успокоенные шпіоны рано утромъ уѣхали во дворецъ, гдѣ ихъ, очевидно, уже ждалъ Чухнинъ, и доложили ему, конечно, о положеніи дѣлъ на дачѣ въ самомъ наилучшемъ свѣтѣ.

Эту послѣднюю ночь я провелъ въ самомъ мучительномъ и тревожномъ состояніи. Мысль о томъ, что будетъ завтра ни на минуту не давала мнѣ покоя. Вспомнилъ я и свои края, гдѣ проводилъ дѣтство, и родныхъ, и знакомыхъ, и тѣ облитые золотыми лучами солнца поля, луга, и шумящіе зеленой листвой лѣса, гдѣ такъ было отрадно вздохнуть и жить полной жизнью и мнѣ хотѣлось снова жить, а тутъ—послѣдняя ночь! но всетаки ночь и ночь лунная, а завтра, только часы, а, быть можетъ, и секунды и кровь снова приливала къ моей головѣ — я мысленно прощался совсѣмъ и вся. Но вотъ и утро. Яркое, іюньское солнышко разостлало по землѣ свои золотистые лучи и покрытая росою травка, то тамъ, то тутъ, заблистала своими яркими изумрудами. Букашки зашевелились и такъ было хорошо; а тутъ, послѣдніе часы! Такъ наслаждаясь природой незамѣтно, я подошелъ къ парникамъ и принялся было просматривать растенія, но работа моя не подвигалась. Было 9 часовъ утра. Я нагнулся надъ парникомъ; какъ вдругъ сзади услышалъ шорохъ; я повернулся и сразу растерялся. Въ 30 шагахъ отъ меня, по дорожкѣ шелъ Чухнинъ въ сопровожденіи „жены“, адъютанта, управляющаго дачей—Гейдорфа и унтеръ-офицера, всегда находящагося на дачѣ. Конвоя при немъ почему-

то не было. Что его заставило такъ рано пріѣхать? Подышать ли чистымъ, утреннимъ воздухомъ или просто изъ конспиративныхъ соображеній, — не знаю, но только я вытянулся въ струнку и сталъ во фронтъ. Такую честь я отдалъ ему въ первый и послѣдній разъ, и быстрыми шагами направился къ своей квартирѣ.

—Что же взять? — размышлялъ я — у меня была бомба и ружье. То, отъ чего больше эффекта?—но къ чему лишнія жертвы? да какъ-бы не вышла такая исторія, какъ съ Неплюевымъ! Нѣтъ... лучше ружье, да и притомъ здѣсь два ствола, и я быстро схватилъ ружье, сталъ торопясь его заряжать...

Чухнинъ уже направлялся къ катеру и думалъ видно ѣхать обратно; такъ что, промедли я три минуты, — опять пришлось бы ждать цѣлые мѣсяца.

Тукъ... тукъ..! раздался стукъ въ мою дверь; открываю дверь. — Что вамъ угодно?

— Я къ вамъ за газеткой, — сказала N, — даю ей газету.

„А это что у васъ тутъ такое?“

— Ничего, — отвѣчаю я,— ружье чищу и, дѣлая видъ, что я занятъ, наконецъ выпроводилъ не во время пришедшую гостью.

— Ну, теперь все готово; и ружье заряжено, и браунингъ съ большимъ запасомъ патроновъ въ карманѣ, а остальное мнѣ не надо, пусть останется кому-нибудь другому; ну, впередъ! — и я быстро выскочилъ изъ комнаты и направился къ главному дому. По дорогѣ я взялъ съ парниковъ маленькій ящичекъ; приложилъ его къ завернутому въ рогожку ружью и отправился дальше.

— А что, вѣдь надо будетъ телефонъ разобщить, — мелькнула мысль и завернувъ въ казарму, у входа которой оставилъ ружье съ ящикомъ, сталъ звонить въ телефонъ.

— Центральная! — Пожалуйста, Военный госпиталь?— спросилъ я.

— Готово?

— Госпиталь? Скажите, когда пріемъ больныхъ?

— Во всякое время.

За этимъ разговоромъ незамѣтно развинтилъ сообщающія винты. Матросы сидѣли кучками на своихъ койкахъ и какъ-то боязливо изъ подлобья посматривали на меня своими добрыми глазами.

— Ну какъ, вы, живы, здоровы? — спросилъ я ихъ шутливымъ тономъ.

— Ничего, пока слава Богу. Ну и живите себѣ на здоровье.

— Что, аль заболѣлъ?— послышался изъ группы голосъ.

— Да, неможко прихворнулъ; ну, прощайте товарищи! и я вышелъ изъ казармы; снова взялъ оставленныя вещи и пошелъ къ главному зданію дачи, но вокругъ никого не

было видно. Предполагая, что адмиралъ пошелъ въ плодовый садъ, около котораго стоитъ водокачка, я отправился туда, но и тамъ не нашелъ того, кто мнѣ такъ былъ нуженъ. Теперь осталась одна надежда, — это „тенисъ“ — его любимое мѣсто, и я направился туда. Когда я подходилъ уже близко, то увидѣлъ унтера, проходящаго черезъ площадь вокругъ дома и направлявшагося въ казарму. Разныя мысли зародились въ голсвѣ; я подумалъ, не послали ли его сказать, чтобы подали катеръ. А что, какъ если его послали переговорить по телефону?—первую мысль быстро смѣнила вторая, — тогда все пропало; придетъ и скажетъ: такъ и такъ — телефонъ не дѣйствуетъ и тогда все дѣло проиграно. Я угадалъ, его послали, какъ потомъ я узналъ изъ газетъ, сказать, чтобы подали лошадей въ условное мѣсто.

Гдѣ же онъ? Ахъ, Господи, ужъ скорѣй бы конецъ! А вотъ и онъ. По дорожкѣ, только что засаженной молодыми деревцами, твердой поступью шелъ тотъ, кого я такъ страстно искалъ. Ужасъ снова овладѣлъ мною и страхъ передъ недалекимъ—не будущимъ, а—настоящимъ заставлялъ сильно работать мое сердце.

„Ну, ну крѣпись, крѣпись же!“ — шепталъ мнѣ чей то голосъ и я собравшись съ силой пошелъ дальше. Какъ будто никого не замѣчая я перешелъ дорожку по которой въ 40 шагахъ шелъ Чухнинъ: я остановился около дома; положилъ ружье и ящикъ около ногъ, въ невысокой траккѣ: вынулъ ножичекъ и сталъ осматривать маленькое деревцо.

— Скорѣй, скорѣй иди не мучь меня! Послѣ, послѣ осмотришь! — Такъ я думалъ, томясь въ ожиданіи приближенія адмирала. Но вотъ, всѣмъ своимъ ростомъ, сопровождаемый уже упомянутыми лицами, въ 12-ти шагахъ, предсталъ предо мной въ бѣломъ кителѣ самъ Чухнинъ. Впился въ меня своимъ дерзкимъ взглядомъ долго и пристально смотрѣлъ на меня; дрожь пробѣгала по моему тѣлу. Помню я и сейчасъ этотъ его предсмертный взглядъ и онъ, какъ живой, стоитъ передо мной. Но въ то время однако я не потерялся, и, стараясь сохранить по возможности полное спокойствіе, продолжалъ подрѣзать мною посаженное и любимое деревцо. Убѣдившись, очевидно, что я работаю, онъ повернулся ко мнѣ спиной. Я быстро схватилъ ружье и взвелъ курокъ, но едва только я успѣлъ вскинуть ружье на прицѣлъ, какъ Чухнинъ снова быстро повернулся ко мнѣ лицомъ. „Такъ лучше“, — подумалъ я и спустилъ курокъ. Раздался слабый трескъ пистона, но выстрѣла не послѣдовало. Всѣ замерли на мѣстѣ. Было тихо, тихо. Испуганный адъютантъ стоялъ ко мнѣ спиной, наклонившись къ „женѣ“ адмирала; управляющій присѣлъ, вытянувъ правую руку и отодвигаясь отъ адмирала; самъ же Чухнинъ, какъ то неестественно

растопыривъ руки, смотрѣлъ на меня искривленнымъ отъ испуга лицомъ, медленно отодвигаясь назадъ, дѣлая все противные и отвратительные гримассы. Въ это время стали доноситься шаги идущаго отъ телефона унтеръ-офицера.

„Пропало все“, мелькнуло у меня въ головѣ. „Неужели и я стану жертвой этого палача?“ и сердце какъ будто оторвалось. Нѣтъ, довольно, довольно тебѣ проливать кровь, пусть лучше я умру здѣсь, но и тебя унесу съ собой, и, почувствовавъ въ себѣ приливъ какой то необычайной силы, я моментально взвелъ другой курокъ, прицѣлился, нажалъ собачку; курокъ снова щелкнулъ; но это былъ не пустой трескъ пистона, а раздавшійся оглушительный выстрѣлъ, и адмиралъ съ крикомъ, напоминавшемъ плачъ: „ма...а...т...рр...оссъ!“, повалился на землю. По искаженному его лицу побѣжала кровь.

— „Слава, Богу, наконецъ то!“ вздохнулъ я свободно.

Тутъ только опомнился перепуганный адъютантъ и съ крикомъ „что такое?“ бросился ко мнѣ, прицѣливаясь изъ браунинга.

— Ничего особеннаго!, крикнулъ я грубымъ голосомъ и держа въ лѣвой рукѣ ружье, а правой вынимая застрявшій въ карманѣ браунингъ, бросился къ нему, но не допустивъ меня шаговъ на пять онъ сдѣлалъ первый выстрѣлъ. Пуля прожужала и ударилась въ песокъ подъ ногами, и я, не давъ ему времени снова выстрѣлить, поторопился самъ по немъ щелкнуть изъ браунинга. Онъ упалъ и лежа на землѣ снова намѣревался стрѣлять, но я далъ другой выстрѣлъ, послѣ котораго онъ вскочилъ и побѣжалъ. „Жена“ адмирала упала въ обморокъ, а управляющій бросился къ адмиралу, который тоже вынулъ браенингъ, но стрѣлять не могъ. Воспользовавшись бѣгствомъ адъютанта, я быстро вскочилъ на невысокій уступъ и на растояніи 10 шаговъ, снова прицѣлился изъ браунинга въ адмирала и мнѣ было видно, какъ эта прощальная пуля пронзила правый карманъ его бѣлаго жилета. Въ это время надъ моей головой прожужали двѣ пули одна за другой: это стрѣлялъ адъютантъ Сергѣевъ, крича во вее горло: „держи! держи!“, но держать было некому.

Исполнивъ свой долгъ, мнѣ прямо захотѣлось улетѣть на крыльяхъ, а тутъ еще и ноги не бѣгутъ. Но кое-какъ добравшись до стѣны, которой, обнесена дача, я быстро вскочилъ на нее, а сзади все слышится крикъ „храбраго“ адъютанта дер...ж...ж..и! дер...ж...ж..и! Вскочивъ на стѣну, я приготовился было отстрѣливаться, но къ моему счастью или счастью другого, я никого не видалъ, кто бы могъ меня задержать. Спрыгнувъ со стѣны я побѣжалъ открытой степью, тянувшейся на растояніи трехъ верстъ до маленькаго лѣсочка, гдѣ можно было затеряться отъ глазъ преслѣдующихъ. Бѣжать пришлось все время въ гору и

когда я остановился на полъ дорогѣ, мнѣ было видно, и дачу, гдѣ происходила суетня, и весь освѣщенный яркимъ солнцемъ Севастополь, и броненосцы со своими высокими мачтами и страшными орудіями.

Я сталъ быстрѣе удаляться все дальше и дальше и мнѣ такъ захотѣлось вновь жить и бороться...

А черныя дула орудій все продолжали смотрѣть въ мою сторону...

Я. Акимовъ.

Замѣтка къ разсказу Я. С. Акимова *).

Царскій слуга Чухнинъ былъ казненъ въ то время, когда въ Петербургѣ засѣдала первая Государственная Дума. Всякаго рода революціонныя вспышки немного пріутихли; терроръ былъ прекращенъ. Всѣ какъ будто чего то ждали...

Соціалисты и кадеты спорили о Думѣ, одни стояли за Думу, другіе — противъ.

Между соц.-рев. шло глухое недовольство прекращеніемъ террористической борьбы и работники периферіи кричали о необходимости самой рѣшительной и революціонной борьбы съ правительствомъ.

Но иначе думали Ц. К. и Совѣтъ Партіи С.-Р., вынесшіе резолюцію о пріостановкѣ, на время дѣятельности Думы, политическаго террора и запрещеніе членамъ партіи вести такого рода борьбу, хотя кровавое правительство царя Николая Второго сыпало репрессіи направо и налѣво совершенно не стѣсняясь «народныхъ представителей», и усилило еще болѣе наглость въ проявленіи своихъ «законныхъ» дѣйствій, увидавъ, что революціонныя партіи прекратили свою дѣятельность. Словомъ, терроръ Романовыхъ и Столыпиныхъ былъ въ полномъ ходу и во всей своей силѣ...

Такое недовольство по адресу тѣхъ, кто наложилъ руку запрещенія на террористическую борьбу, мнѣ пришлось встрѣтить, какъ среди членовъ Севастопольскаго Комитета, такъ особенно среди политически развитыхъ и революціонно настроенныхъ солдатъ и матросовъ. Они готовились къ возстанію и нападеніямъ на правительственныхъ агентовъ.

Севастопольскій Комитетъ Соц.-Рев. не хотѣлъ подчиняться постановленію Ц. К. и С. П. и занятъ былъ подготовкой къ террористическимъ актамъ... Свои удары боевой отдѣлъ комитета — Летучій Отрядъ Боевой Дружины Соціалистовъ-Революціонеровъ, хотѣлъ направить на Неплюева, Думбадзе и Чухнина.

На всѣхъ массовкахъ и митингахъ при разговорѣ съ матросами и солдатами приходилось отъ нихъ слышать столько ненависти и злобы противъ царя и представителей самодержавнаго режима и такое сильное желаніе «снять ихъ» съ плечъ народа,

*) О казни Чухнина мною кое что сообщалось еще раньше въ сборникѣ: «Къ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи» выпускъ I-ый изд. «Вѣстника Народной Воли». Л. О

что абсолютно невозможно было даже заикнуться о существованіи «тормозящей резолюціи».

Лет. Отрядъ Б. Д. ждалъ удобнаго случая, чтобы привести въ исполненіе намѣченные террористическіе акты. Чухнинъ и К° видно предчувствовали эту опасность и такъ обставили себя шпіонами и охраной, что никоимъ образомъ нельзя было къ нимъ подступиться; они совершенно почти не показывались изъ своихъ дворцовъ. Думбадзе сидѣлъ на дачѣ; адмиралъ Чухнинъ въ своемъ дворцѣ; кругомъ часовые, сыщики и жандармы; Неплюевъ тоже забаррикадировался...

28-го іюня. Въ Севастополь я пріѣхалъ недѣли за двѣ до казни Черноморскаго командира. Когда до меня долетѣла радостная вѣсть о томъ, что застрѣленъ командиръ черноморскаго флота, Чухнинъ, то предо мною какъ то невольно встала кровавая картина казни лейтенанта Шмидта и товарищей: Сергѣя Частника, Александра Гладкова и Никиты Антоненко палачемъ которыхъ былъ этотъ жестокій адмиралъ.

Не удовлетворившись убійствомъ дѣвушки с.-р., Екатерины Измайловичъ, покушавшейся на его жизнь въ концѣ января 1906 г., онъ потомъ пролилъ невинную кровь еще нѣсколькихъ сотенъ революціонеровъ.

Вспомнилось мнѣ озлобленіе народа, гнѣвъ его, вызванный преступными убійствами Чухнина. Въ моей памяти тотчасъ же воскресли и эти роковыя слова, переходившія изъ устъ въ уста, послѣ разстрѣла Шмидта съ товарищами: „Чухнинъ за убійство невинныхъ долженъ получить возмездіе: кровь убитыхъ имъ требуетъ крови". — Вотъ уже тогда еще состоялся надъ адмираломъ народный судъ и былъ ему вынесенъ смертный приговоръ, а сегодня онъ только былъ приведенъ въ исполненіе.

Жестокій адмиралъ казненъ...

Ничто не спасло его. Онъ зналъ, что за всѣ расправы и дѣла, за преступленія передъ народомъ, ему придется поплатиться жизнью. Онъ зналъ, что революціонеры «точатъ на него зубы», — какъ онъ неоднократно выражался, всюду его подкарауливаютъ, слѣдятъ и всетаки не могъ уйти отъ возмездія...

Не спасли Чухнина, ни безчисленная охрана шпіоновъ, ни возведенная высокая стѣна, окружающая дворецъ, ни поставленныя во дворцѣ пулеметы, ни стальной панцырь, который онъ почти всегда носилъ вмѣсто корсета и онъ погибъ безславной смертью на собственной дачѣ...

Такова сила революціонной и террористической борьбы!

Изъ дворца Чухнинъ очень рѣдко показывался, даже на свою дачу «Голландію», гдѣ всѣ были подобраны «свои люди», да и то если и бывалъ, такъ недолго — минутъ двадцать, много тридцать. На этой роковой дачѣ адмиралъ за лѣто всего былъ разъ, онъ видно предчувствовалъ, что «своя дача» будетъ ему «лобнымъ мѣстомъ», а «свой человѣкъ» — исполнителемъ воли народной.

Ошибся и завѣдующій дачей въ выборѣ «своихъ людей» и этимъ самымъ принесъ невольную услугу своимъ врагамъ-революціонерамъ и великому дѣлу революціи.

Въ двѣнадцать часовъ дня, по городу ходятъ кучки народ Всюду только и разговору о Чухнинѣ. Вотъ на углу, проти

Приморскаго Бульвара, стоитъ группа, человѣкъ въ двадцать, изъ самаго разнообразнаго элемента Тутъ и матросы, и рабочіе, и интеллигенты, и полуинтеллигенты, виднѣются офицерскіе мундиры съ блестящими эполетами. Идетъ гулъ отъ разговора и шумныхъ споровъ. Въ серединѣ толпы, все больше и больше возрастающей, ораторствуетъ портовый рабочій о томъ, какъ адмиралъ Чухнинъ «милостиво» обходился со своими жертвами и охотно замѣнялъ повѣшеніе — разстрѣляніемъ и отдавалъ приказъ: «торопиться съ казнью». Но тутъ рабочаго прерываетъ какой то съ маленькими блестящими глазами прилично одѣтый сѣдой старикъ и возмущеннымъ, дрожащимъ голосомъ восклицаетъ:

— Ахъ, какъ жаль, что Чушка (это ласкательное имя Чухнина) еще не подохла. Флагъ развѣвается надъ дворцомъ, но уже завтра мы, навѣрное, граждане, увидимъ его приспущеннымъ.

— Онъ живучъ! — кто то крикнулъ изъ толпы.

— А по моему такъ зря революціонеры его застрѣлили, — говоритъ солдатикъ, — его нужно бы за языкъ повѣсить, да по жилкамъ всѣ жилки вытянуть, пусть бы мучился, а то что, если умретъ отъ пули!

Тому подобные всюду шли разговоры, всѣ искренно хотѣли смерти этого человѣка, такъ много принесшаго народу зла, что среди людей появлялось желаніе не только лишить его жизни, но и помучить...

Вѣрныхъ свѣдѣній о событіяхъ на дачѣ никто не имѣлъ. Ночью ко мнѣ зашелъ одинъ товарищъ и сообщилъ подробности о казни, переданныя со словъ товарища Акимова.

Утро. 29-ое іюня. На адмиральскомъ дворцѣ флагъ спустили; значитъ:

> . . . Всенародная казнь
> Надъ безумнымъ злодѣемъ свершилась
> То одна изъ ступеней трона царя,
> Съ грознымъ трескомъ долой отвалилась.

На улицѣ оживленіе. Настроеніе радостное, кругомъ кучки народа. Читаютъ газеты, ищутъ подробностей казни адмирала, но въ мѣстной газетѣ нѣтъ ничего, кромѣ хронической замѣтки въ нѣсколько строчекъ: «...раненный адмиралъ тотчасъ былъ доставленъ въ морской госпиталь, гдѣ по освидѣтельствованію врачей оказалось: главный командиръ Черноморскаго флота адмиралъ Г. П. Чухнинъ, раненъ картечью изъ охотничьяго ружья, раны смертельны». Далѣе: «въ 12 часовъ 20 минутъ ночи, при большихъ страданіяхъ и мучительной агоніи адмиралъ умеръ».

И такъ, жестокаго кроваваго адмирала нѣтъ...

Настроеніе города похоже на праздничное. Граждане торжествуютъ по поводу гибели народнаго врага. Только на офицерскомъ собраніи, колонны зданія перевиты траурными лентами, да на бульварѣ не играетъ музыка. Вездѣ раздаются искреннія, радостныя восклицанія:

— Ловко обдѣлали дѣльцо соціалисты-революціонеры, ужъ такъ чисто, что разъ мое почтеніе: и адмирала нѣтъ, и стрѣлявшій скрылся; ну и ловко! А главное, безъ лишнихъ жертвъ!

Словомъ, по всему можно было заключить, что террористическимъ актомъ были всѣ довольны.

Замѣчу еще кстати и о томъ, что члены С. К. Р. Соц.-Дем. Раб. Партіи по поводу совершившагося событія распространяли такого рода слухи, что будто бы казнь Чухнина — дѣло не со-

ціалистовъ-революціонеровъ, а ихъ дѣло. Вечеромъ, на другой день акта, я могъ убѣдиться и въ достовѣрности этихъ слуховъ. Ко мнѣ зашелъ одинъ изъ членовъ С. К. Р. С. Д. Р. П. и заявилъ слѣдующее: «Убійство адмирала Чухнина, Акимовъ совершилъ по нашему постановленію; этотъ террористическій актъ нашъ, а не вашъ (онъ зналъ, что я работаю въ с.-р. организаціи) и если только вы выпустите прокламацію съ заявленіемъ того, что казнь Чухнина — дѣло соц.-рев, то мы, соц.-дем. выпустимъ контръ-листокъ, гдѣ и заявимъ, что это дѣло наше. Товарищъ Акимовъ однажды былъ на нашемъ собраніи и когда рѣчь зашла объ убійствѣ адмирала, то онъ сказалъ: «Мною все готовится къ тому, чтобы казнить этого царскаго негодяя и думаю, что мнѣ это въ концѣ концовъ удастся сдѣлать». Вотъ подлинныя его слова! Соц.-Дем. Комитетъ тогда же сдѣлалъ постановленіе во чтобы то ни стало убрать Чухнина и теперь вотъ актъ Акимова является исполненіемъ нашего постановленія; объ этомъ я уполномоченъ вамъ заявить оффиціально».

Я обѣщалъ ему передать ихъ заявленіе товарищамъ Сев. Ком. Соц.-Рев., заявивъ ему въ свою очередь о томъ, что, какъ мнѣ извѣстно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, казнь Чухнина совершена членомъ Л. О. Б. Д. Соц.-Рев.

Поговорить съ комитетчикомъ с.-р. организаціи и передать ему заявленіе соц.-дем. мнѣ удалось только на другой день вечеромъ; на это заявленіе членъ комитета с.-р. мнѣ отвѣтилъ: «пусть выпускаютъ контръ-листокъ, тогда Акимовъ письмомъ отвѣтитъ имъ на ихъ заявленіе».

Не знаю, что было послѣ, выпустили ли соц.-дем. контръ-листокъ или нѣтъ, такъ какъ мнѣ черезъ три дня пришлось выѣхать изъ Севастополя.

Въ октябрѣ товарищъ Акимовъ по поводу казни Чухнина напечаталъ слѣдующаго содержанія письмо:

«Братья мои, матросы и солдаты и весь трудовой народъ! Находясь въ безопасности, я спѣшу написать вамъ, какъ я дошелъ до рѣшимости казнить царскаго палача Чухнина.

Я до службы былъ человѣкомъ довольно сознательнымъ, но съ первыхъ же дней службы во флотѣ я убѣдился на практикѣ, что берутъ насъ на службу не для того, чтобы мы служили отечеству — народу, а чтобы сдѣлать изъ насъ слѣпыхъ и послушныхъ палачей въ рукахъ царскихъ драконовъ, которые нашими руками давятъ и мучаютъ народъ. Развѣ это, напримѣръ, служба отечеству — народу, когда меня опредѣлили въ число тридцати придворныхъ рабовъ людоѣда Чухнина, чтобы мы поддерживали блескъ и роскошь на его дачѣ «Голландіи»? Всѣ мы служили тамъ для того, чтобы Чухнинъ имѣлъ возможность всю зиму ѣсть свѣжіе огурцы изъ своего парника и наслаждаться запахомъ розъ изъ своей оранжереи. Для этого трудящійся народъ долженъ содержать тридцать человѣкъ въ лѣтнемъ дворцѣ Чухнина и столько же въ зимнемъ. Вотъ какъ царствуютъ они, эти пауки, и вотъ на что расходуютъ они казенныя денежки, собранныя съ народа...

Я скоро понялъ, что служить отечеству только тотъ, кто борется за свой народъ противъ его угнетателей, и я рѣшилъ вступить въ ряды такихъ борцовъ...

Послѣ ноябрьскаго возстанія, когда Чухнинъ разстрѣлялъ очаковцевъ, и послѣ того, какъ онъ три раза подписывалъ смертные приговоры нашимъ товарищамъ, я понялъ, что такія дѣла палачей не должны проходить имъ даромъ, что такихъ палачей надо стирать съ лица земли. Мнѣ сказали, что такъ смотрятъ соц.-революціонеры, и я попросилъ товарищей соц.-революціонеровъ помочь мнѣ разобраться въ программныхъ и тактическихъ вопросахъ партій с.-д. и с.-р. Когда я узналъ программу и пріемы борьбы партіи с.-р., я предложилъ свои силы и всю

свою жизнь Боевой Дружинѣ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Состоя въ томъ отрядѣ Б. Д., который выслѣживалъ Чухнина, я собственноручно казнилъ людоѣда Чухнина Случай помогъ мнѣ спасти мою жизнь, которую я поклялся отдать на служеніе нашему многострадальному народу, и я буду бороться до конца дней моихъ въ рядахъ самыхъ непримиримыхъ враговъ царскаго правительства, подъ знаменемъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Товарищи и братья мои, матросы! Я читалъ въ газетахъ, что царское правительство подослало къ вамъ Скрыдлова, чтобы онъ ласковыми и льстивыми рѣчами забралъ бы васъ въ свои руки. Не поддавайтесь этому обманщику, этому волку въ овечьей шкурѣ, и когда онъ спроситъ васъ, отчего вы бунтуете и чѣмъ вы недовольны, то вы всѣ отвѣчайте, что недовольны вы не борщомъ, а всѣми порядками Россіи, погубившими страну. Не продавайтесь этому подосланному обманщику за мелкія подачки, украденныя у голодающаго народа, а продолжайте бороться за всѣхъ трудящихся и угнетенныхъ, за всю землю и за всю волю.

Помните всю кровь праведную, пролитую царскими слугами, и во время возстанія не давайте пощады офицерамъ вашимъ, какъ они не щадили братьевъ нашихъ очаковцевъ, и убивайте ихъ всѣхъ безъ всякаго сожалѣнія. Людей надо жалѣть, а этихъ звѣрей, продавшихъ душу свою за жалованье, не жалѣйте. Смерть, смерть самая безпощадная всѣмъ угнетателямъ трудящагося народа!

Да здравствуетъ всенародное вооруженное возстаніе!

Да здравствуетъ славный флотъ и честная армія, не измѣняющая своему народу!

Крестьянинъ Пензенской губерніи, матросъ Черноморскаго флота,

Яковъ Степановичъ Акимовъ.»

Это письмо было напечатано въ рабочей газетѣ «Трудъ» № 3, изданіе Петербургскаго Комитета Партіи Соц.-Рев. Комитетъ къ письму товарища Акимова сдѣлалъ и свое добавленіе, которое я считаю не лишнимъ привести въ заключеніе своей замѣтки, чтобы читатель могъ судить, какъ относились соц.-рев. организаціи къ акту Акимова, совершенному не только безъ санкціи Центральнаго Комитета, но и вопреки резолюціи Ц. К. и Сов. Партіи, запрещавшей въ то время всякія террористическія акты:

«Помѣщая письмо тов. Акимова, — говоритъ П. К. Соц.-Рев., — мы не можемъ не вспомнить и другого имени, связаннаго съ первымъ покушеніемъ на Чухнина. Это имя Измайловичъ. Измайловичъ, — та самая дѣвушка — с.-р-ка, которая въ концѣ января нынѣшняго года стрѣляла въ Чухнина. Акимовъ простой матросъ. Въ его лицѣ революціонная народная армія подняла карающую руку надъ народнымъ угнетателемъ. Противъ враговъ родины Акимовъ поднялъ тотъ мечъ, который служилъ къ ея угнетенію. Измайловичъ тоже не чужда русской арміи, хотя совсѣмъ въ другомъ отношеніи. Она дочь генерала, дворянка. Ея отецъ былъ посланъ на Дальній Востокъ противъ врага внѣшняго, когда его дочери встали въ ряды «враговъ внутреннихъ». И онѣ заняли здѣсь передовыя позиціи, которыя такъ поспѣшно умѣли очищать передъ непріятелемъ русскіе генералы на Дальнемъ Востокѣ.

Матросъ Акимовъ пришелъ изъ самыхъ низинъ народной жизни, изъ ея сокровенныхъ глубинъ. Измайловичъ-же — съ ея признанныхъ оффиціальныхъ верховъ. Примѣръ Акимова говоритъ о страшномъ судѣ народнаго гнѣва. Примѣръ Измайловичъ напоминаетъ, что и у собственныхъ родныхъ дѣтей, враги народа не встрѣтятъ ни сочувствія, ни оправданія. Даже больше: именно дѣти ихъ встанутъ въ ряды исполнителей революціоннаго правосудія.

Судьба Акимова и судьба сестеръ Измайловичъ — различны. Измайловичъ — двѣ сестры. Одна теперь на каторгѣ за покушеніе на губернатора-погромщика Курлова въ Минскѣ. Это Александра Измайловичъ. Другая — Екатерина — стрѣляла въ Чухнина. И она погибла, погибла такъ, какъ погибаютъ только въ русской революціи. По мстительному капризу кого то изъ родныхъ Чухнина, она была схвачена на мѣстѣ, немедленно

отведена куда-то на задворки адмиральскаго дома, и тамъ — разстрѣляна. Жена и дочь Чухнина, отъ которыхъ, по общему убѣжденію, исходило это дикое рѣшеніе, могли быть удовлетворены. Однако, самаго Чухнина это не спасло. Къ крови севастопольскихъ матросовъ и къ казни Шмидта на его совѣсть и на его отвѣтственность легла кровь Измайловичъ. И своею смертью онъ отвѣтилъ за смерть, которую обрушивалъ на головы другихъ.

Намъ говорятъ, что терроръ — безплоденъ. Мы думаемъ иначе. Террористическая борьба — это гласный народный судъ надъ врагами народа. Террористы воплощаютъ въ себѣ честь и совѣсть русской революціи. Они есть, они должны быть, ибо они гроза, которая освѣжаетъ нашу затхлую атмосферу, въ которой безъ нихъ можно было бы задохнуться».

Актъ Акимова положилъ начало возобновленію террористической борьбы.

Центральный Комитетъ далъ директивы «дѣйствовать»...

Вновь началась террористическая революціонная борьба. Но будетъ она успѣшна только тогда, когда Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ во всю ширину развернетъ знамя партіи «Народной Воли» и, вспомнивъ завѣты Гриневецкаго, Желябова, Перовской Халтурина и др. революціонныхъ дѣятелей 78-82 гг., начнетъ открытую борьбу съ царемъ Николаемъ Вторымъ и его опричной.

Леонидъ Орловъ.

Отъ Редакціи.

Для насъ партія Народной Воли не только великая партія прошлаго, но и партія — настоящаго и будущаго.

Народовольцы въ свое время изумительно вѣрно сумѣли понять стоявшіе предъ ними задачи и выбрать вѣрный путь борьбы за свой идеалъ. Съ тѣхъ поръ произошло въ Россіи много перемѣнъ. На сценѣ появились тѣ народныя массы, надъ развитіемъ которыхъ много поработала Народная Воля. Но въ общемъ характеръ русской жизни остался такимъ же какимъ былъ и раньше: по прежнему царитъ безконтрольное, преступное самодержавіе, на сценѣ все тотъ же безправный народъ, а пока дѣла будутъ обстоять такъ, борьба русскихъ революціонеровъ должна остаться такой же, какой была въ 1879—81 гг.

Вотъ почему въ своемъ журналѣ „Да здравствуетъ Народная Воля!“ мы будемъ знакомить читателей съ тѣми страницами изъ исторіи партіи Народной Воли, которыя поучительны для современныхъ революціонеровъ, — и въ то же время мы отмѣтимъ въ другихъ партіяхъ все, что ихъ сближаетъ съ дѣятельностью Народной Воли.

Современнымъ русскимъ революціонерамъ необходимо усвоить во всей полнотѣ программу и тактику партіи Народной Воли. Это особенно должны сдѣлать соціалисты-революціонеры, которые всегда были самой живой, революціонной партіей, и въ своей теоретической и практической программахъ, ближе другихъ партій подходятъ къ партіи Народной Воли. Пора, наконецъ, имъ отказаться отъ ошибочныхъ примѣсей въ ихъ программахъ, которыя они внесли къ себѣ изъ реакціонныхъ теченій 80—90 гг. и встать

лодъ славное знамя Гриневецкаго, Желябова и А. Михайлова.

Въ первомъ номерѣ нашего журнала, мы даемъ рядъ народовольческихъ документовъ и тѣхъ документовъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, которыми они напомнили наиболѣе дорогія для насъ традиціи Народной Воли.

Въ слѣдующихъ номерахъ, продолжая печатаніе такого рода документовъ, мы обратимъ особое вниманіе на тѣ проявленія борьбы современныхъ революціонеровъ, которыми они напомнятъ русскому правительству дѣятельность Исполнительнаго Комитета Народной Воли. Кромѣ того мы дадимъ рядъ статей, для характеристики личности царя Николая Второго и окружающей его банды.

